

Ю.Н. ТИМАХОВИЧ

Сципионы

Знаменитые полководцы Рима

- ◆ Гней и Публий Сципионы;
- ◆ Сципион Африканский Старший;
- ◆ Сципион Азиатский;
- ◆ Сципион Эмилиан Африканский Младший

“СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО”

Ю.Н. Тимахович

Сципионы

Знаменитые полководцы Рима

- ◆ **Гней и Публий Сципионы;**
- ◆ **Сципион Африканский Старший;**
- ◆ **Сципион Азиатский;**
- ◆ **Сципион Эмилиан Африканский Младший**

Минск
ИООО «Современное слово»

2005

УДК 94(100-87)(092)
ББК 63.3(0)-8
Т41

Тимахович Ю. Н.

Т41 **Сципионы: знаменитые полководцы Рима. – Мн.: «Соврем. слово», 2005. – 272 с.**
ISBN 985-443-492-3.

Книга посвящена пяти римским полководцам из династии Сципионов, которые сыграли важную роль в военной истории Древнего Рима. Автор доступным языком рассказывает о жизненном пути и ратных подвигах Публия и Гнея Сципионов, воевавших в Испании, Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего, одержавшего победу над непобедимым Ганнибалом, и Луция Корнелия Сципиона Азиатского, разгромившего сирийского царя Антиоха III Великого. В «Приложении» к книге помещен очерк о Публии Корнелии Сципионе Эмилиане Младшем, написанный немецким историком Г.В. Штоллем в XIX веке. Читатель имеет возможность познакомиться с военным искусством древних римлян, с крупнейшими битвами эпохи Пунических войн.

Для широкого круга читателей.

УДК 94(100-87)(092)
ББК 63.3(0)-8

ISBN 985-443-492-3

© Тимахович Ю. Н., 2005
© Оформление. ИООО
«Современное слово», 2005

Сципионы – одна из ветвей римского патрицианского рода Корнелиев, который на протяжении многих веков давал Риму великих полководцев и государственных деятелей. Фамилия Сципионов занимала далеко не последнее место среди Корнелиев; лишь немногие фамилии могли соперничать славой со Сципионами. Когномен¹ «Сципион» в переводе с латыни обозначает «жезл»; если имеется в виду жезл военачальника, то можно предположить, что первый Сципион был полководцем.

В 259 году до н.э. консулами в Риме были избраны Гай Аквиллий и Луций Корнелий Сципион. Шел пятый год Первой Пунической войны (264–241 гг. до н.э.). К этому времени римляне уже отвоёвывали у пунийцев (карфагенян) почти всю Сицилию, из-за которой, собственно, и началась эта война. Желая закрепить успех римского оружия, Луций Сципион напал на остров Корсика и очистил его от карфагенян. Затем он направился к берегам Сардинии, чтобы завоевать и ее, но на его эскадру напал многочисленный карфагенский флот. Однако Луций Сципион не спасовал перед превосходившим по численности противником. Предприняв смелую атаку, он одержал победу над карфагенянами: несколько вражеских кораблей было уничтожено, остальные обратились в бегство. После этого Сципион высадился на Сардинии и приступил к осаде Ольвии. Город был хорошо укреплен, его оборонял сильный гарнизон из карфагенян под командованием полководца Ганнона. Видя, что сил у него недостаточно, чтобы взять Ольвию штур-

¹ Когномен – третья часть имени у римлян.

мом, консул отлучился в Рим для дополнительного набора легионеров. По возвращении он начал штурм и захватил Ольвию, перебив всех ее защитников вместе с их полководцем. Вслед за этим вся Сардиния была полностью очищена от карфагенян.

Луций Сципион вернулся в Рим с богатой добычей и несколькими тысячами рабов. За заслуги перед отечеством сенат удостоил его триумфом. Впоследствии в перечне триумфаторов на стенах Регии можно было прочесть надпись: «Луций Корнелий Сципион, сын Луция, внук Гнея, консул, справил триумф в честь победы над пунийцами, Сардинией и Корсикой за пять дней до Мартовских ид 494 года от основания Рима [11 марта 259 года до н.э.]».

У Луция Корнелия Сципиона было два сына. Старший из них – Гней Корнелий Сципион по прозвищу Кальв был консулом в 222 году до н.э., но ничем не проявил себя на этой должности. Младшего звали Публием. Его избрали консулом в 218 году до н.э. При нем началась Вторая Пуническая война (218–202 гг. до н.э.), или, как ее еще называют, Ганнибалова война. Консул Публий Сципион дал карфагенскому полководцу Ганнибалу два сражения (при Тицине и Требии), но потерпел поражения. Затем римский сенат отправил его в должности проконсула в Испанию, которая была прекрасной стратегической базой для Ганнибала. Вместе со своим братом Гнеем Публий отвоевал у карфагенян большую часть Испании. Однако в 212 году до н.э. братья Сципионы погибли в битвах, и Испания снова оказалась в руках карфагенян.

У Публия Корнелия Сципиона было два сына – Публий и Луций. Публий вошел в историю как победитель Ганнибала; римляне прозвали его Ци-

пионом Африканским. А вот Луция стали называть Сципионом Азиатским, за то что он в 190 году до н.э. одержал победу над сирийским царем Антиохом III Великим.

Таким образом, мы собираемся рассказать о четырех Сципионах: братьях Гнее и Публии, воевавших в Испании, Публии Корнелии Сципионе Африканском и Луции Корнелии Сципионе Азиатском. У античных историков, среди которых в первую очередь следует упомянуть Полибия, Диодора Сицилийского, Тита Ливия и Аппиана, сохранилось немало любопытных сведений о Сципионах. Наличие богатого источникового материала позволяет составить рассказ о жизни и ратных подвигах великих полководцев Рима в надежде на то, что рассказ этот заинтересует читателя.

Часть 1

ОТЕЦ И ДЯДЯ СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО

В 241 году до н.э. закончилась Первая Пуническая война; Карфаген потерпел полное поражение от римлян и по условиям мирного договора обязался выплатить крупную контрибуцию. Воспользовавшись ослаблением недавнего противника, римляне прибрали к своим рукам большую часть Сицилии, а также Сардинию и Корсику.

Сразу же после окончания войны в Карфагене вспыхнуло восстание наемников, которые требовали незамедлительной выплаты жалованья. Сорокатысячная армия мятежников предприняла попытку захватить Карфаген, и только мощные оборонительные сооружения помогли карфагенянам выдержать осаду. Успехи восставших заставили правительство Карфагена принять решительные меры. Командование карфагенской армией было поручено опытному военачальнику Гамилькару Барке, но и ему потребовалось около трех лет, чтобы подавить восстание наемников.

После подавления восстания Гамилькар Барка приобрел в Карфагене исключительное влияние. Его поддерживали широкие круги средних рабовладельцев и торговцев; в то же время крупные рабовладельцы — так называемая олигархия — относились к нему недоброжелательно. После поражения в борьбе с Римом карфагенская олигархия придерживалась крайней осторожности в проведении внешней политики. Гамилькар же отражал интересы радикальных слоев общества, ко-

торые считали новое столкновение с Римом неизбежным и высказывались за активную подготовку к нему.

Чтобы возместить Карфагену потерю Сицилии, Сардинии и Корсики, а также создать плацдарм для будущей войны с Римом, Гамилькар призвал сограждан к полному завоеванию Испании, на побережье которой уже находилось несколько торговых поселений карфагенян.

В 237 году до н.э. Гамилькар высадился со своим войском в Испании. В течение девяти лет он вел непрерывные войны с иберами – испанскими племенами. Удача сопутствовала ему. Значительная часть Испании оказалась в его руках. Из представителей покоренных иберийских племен он сформировал многочисленную армию, которую готовил к борьбе с Римом. Однако в 228 году до н.э. Гамилькар Барка был убит в одном из сражений.

Преемником Гамилькара в Испании стал его зять Гасдрубал. Он продолжил завоевательную политику своего тестя. При нем на юго-восточном побережье Испании был основан город Новый Карфаген, который вскоре превратился в главный опорный пункт карфагенян на испанской земле. В окрестностях города были обнаружены богатые залежи серебра. Вскоре началась их разработка, что сразу же принесло огромные доходы. Часть серебра Гасдрубал отсылал в Карфаген, другую часть тратил на нужды своей армии.

Успехи карфагенян в Испании вызвали большую тревогу в Риме. Однако римляне в это время были заняты войнами с галлами и не могли в полной мере противодействовать им. Тем не менее в 226 году до н.э. они заключили с Гасдрубалом договор, согласно которому карфагеняне не должны

были продвигаться за реку Ибер. Зато к юго-западу от Ибера, то есть в большей части Испании, римляне признавали за карфагенянами полную свободу действий.

В 221 году до н.э. Гасдрубал был убит одним ибером. Его преемником стал сын Гамилькара Барки – Ганнибал.

Когда Ганнибалу было девять лет, он попросил отца взять его с собой в Испанию. Внимательно посмотрев на сына, Гамилькар подвел его к алтарю, велел ему коснуться рукой внутренностей жертвенного животного и принести клятву, что будет непримиримым врагом Рима. Маленький Ганнибал поклялся и остался верен своей клятве до конца жизни.

Став главнокомандующим, Ганнибал, которому тогда было всего двадцать шесть лет от роду, продолжил в Испании политику Гамилькара и Гасдрубала. Единственным непокоренным городом в юго-западной части Испании оставался Сагунт, верный союзник Рима. Намереваясь захватить Сагунт, Ганнибал начал стягивать к нему свои войска. Узнав об этом, римский сенат направил к Ганнибалу специальное посольство с требованием воздержаться от враждебных действий в отношении Сагунта. Однако Ганнибал и не думал выполнять требование римлян. К этому времени он был уже готов к борьбе с Римом. Нужен был только повод к войне. Захват дружественного Риму Сагунта мог стать таким поводом. В 219 году до н.э. Сагунт был осажден карфагенским войском и после восьмимесячной осады сдался.

Римский сенат отправил второе посольство, на этот раз не только в Испанию, но и в Карфаген. Однако послы так и не добились объяснений ни от Ганнибала, ни от членов карфагенского совета.

Становилось очевидным, что Ганнибал, расширяя сферу влияния в Европе, исподволь готовится к войне с Римом. На народном собрании римляне приняли решение первыми объявить войну карфагенянам. С этой целью в Карфаген было отправлено еще одно посольство во главе с Квинтом Фабием. Прибыв в Карфаген, Квинт Фабий сказал членам карфагенского совета:

– Карфагеняне, в складках своей тоги я принес вам войну и мир. Что вы выбираете?

– Войну! – услышал он в ответ.

– Ну что ж, я даю вам войну! – воскликнул Фабий, распуская складки своей тоги.

– Мы принимаем ее, – заявили карфагеняне.

Так была объявлена Вторая Пуническая война. Римляне начали подготовку к военным действиям. По решению сената недавно избранные консулы Публий Корнелий Сципион и Тиберий Семпроний Лонг набрали из римских граждан шесть легионов, что составило двадцать пять тысяч пехотинцев и тысяча восемьсот всадников. Кроме того, союзники Рима прислали сорок тысяч пехоты и четыре с половиной тысячи всадников. В морском порту Остия снаряжалось 240 кораблей.

Консулы по жребию разделили между собой провинции, где им предстояло воевать: Семпронию досталась Сицилия и Африка, Сципиону – Испания.

Первым Рим покинул консул Семпроний. Сципиону же пришлось задержаться. Причиной задержки явилось поражение претора Луция Манлия от галлов, которое он потерпел в Цисальпийской Галлии. Манлию срочно требовались подкрепления, чтобы предотвратить всеобщее восстание подвластных Риму галлов. Сенат постановил отправить на помощь Манлию легионы Сципиона, а вместо

них набрать новые. На это потребовалось время. Но вот новый набор был завершен, и консул назначил день выступления в поход.

* * *

Накануне выступления сын консула Сципиона Публий обратился к нему с просьбой взять его с собой. Ему было всего семнадцать лет, и по римским законам он не подлежал призыву в армию как несовершеннолетний. Естественно, что Сципион-старший ответил отказом, но с каждым днем угрозы сына становились все настойчивее, и отцу в конце концов пришлось уступить. Публий-младший был вне себя от радости: еще бы, он будет сражаться с карфагенянами – покорителями многих племен и народов.

Публий-младший родился в 237 году до н.э. В детстве он получил прекрасное воспитание и образование. Под руководством опытных учителей юный Сципион научился писать и читать по латыни. Изучал он и греческий язык, входивший тогда в моду у римских аристократов. Знание греческого языка давало ему возможность познакомиться с произведениями греческих классиков; особенно мальчику нравились книги знаменитых историков Эллады, в которых описывались великие события прошлого. Калькулятор – учитель арифметики – помог Публию овладеть приемами сложения и вычитания, заставил его выучить на зубок таблицу умножения. Изучал молодой Сципион и римское право, основу которого составляли «Законы XII таблиц», а также много внимания уделял риторике. Лучшими его учителями в ораторском искусстве были знаменитые греческие ораторы, чьи речи он перечитывал по многу раз, восхищаясь эллинским красноречием.

Одновременно с науками юный Сципион постигал основы военного дела. Начиная с десятилетнего возраста, он регулярно посещал военную школу на Марсовом поле, где инструкторы из числа ветеранов обучали молодых римлян фехтованию, метанию дротиков, стрельбе из лука и верховой езде. Нередко он возвращался домой в синяках и ссадинах, при виде которых мать украдкой роняла слезу. Зато отцу было по душе усердие сына, и он говорил, что скоро из него получится хороший воин, а впоследствии – полководец.

По свидетельству античного историка Полибия, Публий Сципион с юных лет зарекомендовал себя человеком великодушным и обходительным. Он умел расположить к себе людей, благодаря чему приобрел немало хороших и верных друзей. Так, со своим лучшим другом Гаем Лелием, происходившим из зажиточной плебейской семьи, он познакомился еще в детстве и пронес дружбу с ним через всю жизнь.

Войско консула Сципиона покинуло Рим в сентябре 218 года до н.э. Численность его составляла 23 800 воинов. В распоряжении Сципиона было шестьдесят пятипалубных боевых кораблей и восемь легких вспомогательных судов.

Время было неблагоприятным для плавания в открытом море, поэтому Сципион поплыл в Испанию вдоль побережья. Три дня потребовалось, чтобы добраться до Писы, портового города в Этрурии (север Италии). Там консул дал воинам немного отдохнуть, после чего снова вышел в море и через пять дней прибыл в союзный Риму греческий город Массалия, расположенный на побережье Галлии.

Поначалу в планы консула Сципиона не входило задерживаться в Массалии, но как только ему стало известно от массалиотов, что войско Ганнибала, перевалив через Пиренейские горы, подошло к реке Родан и готовится к переправе, он принял решение высадиться и предпринять все необходимое, чтобы помешать карфагенянам преодолеть Родан. Однако быстроте его действий помешало одно обстоятельство: большинство римских воинов страдало от морской болезни и им требовалось два-три дня, чтобы привести себя в порядок. Так что вместо того, чтобы немедленно идти навстречу Ганнибалу, Сципиону пришлось разбить лагерь в устье Родана недалеко от Массалии. Он понимал, что потеря времени может дорого обойтись, но ничего поделать не мог.

Правда, им были предприняты некоторые меры. Прежде всего он отправил несколько кораблей к берегам Испании для сбора сведений относительно количества войск, оставленных там Ганнибалом. Кроме этого консул решил послать отряд разведчиков к месту предполагаемой переправы карфагенян через Родан. С этой целью было отобрано триста всадников, менее других пострадавших от морской качки. Командование ими консул поручил своему брату Гнею, который состоял при нем легатом¹. Массалиоты предоставили римлянам надежных проводников из числа местных галлов, служивших у них наемниками.

Публий-младший попросил отца отправить его вместе с разведчиками. Консул дал согласие, взяв с сына обещание быть осторожным и выполнять все распоряжения дяди.

¹ Легат — помощник консула; консул имел право набирать по своему усмотрению десять легатов.

В течение трех дней триста римских всадников и несколько конных галлов двигались берегом Родана. Галлы прекрасно знали местность, поэтому можно было не опасаться засады. Тем не менее Гней Сципион зорко следил за тем, чтобы отряд не растягивался. Шли в основном рысью, пуская лошадей в галоп лишь тогда, когда этому благоприятствовала местность.

Публий-младший находился в авангарде, рядом с дядей. Он уверенно держался в седле. Время от времени ему приходилось выполнять поручения дяди, и делал он это с большой охотой и усердием.

На четвертый день разведчикам стали попадаться группы вооруженных людей. Галлы-разведчики выяснили, что они из племени вольков. Выяснилось также, что несколько дней назад вольки предприняли попытку помешать Ганнибалу переправиться через Родан, но были разбиты.

Гней Сципион посоветовал волькам идти в лагерь консула Сципиона. Он заверил, что вскоре у них появится возможность расквитаться с карфагенянами за поражение, если они встанут под римские знамена.

Во второй половине дня римляне из редколесья выбрались на широкую равнину и в полумиле от себя увидели отряд вражеской конницы. Это были нумидийцы, посланные Ганнибалом на разведку.

Отступать было поздно, да и гордость не позволила Гнею Сципиону сделать это, поэтому он дал приказ к бою. Несколько минут хватило командирам турм¹, чтобы построить римских всадников в боевой порядок.

¹ Турма – в римской коннице отряд из 30 всадников.

Первыми в атаку пошли нумидийцы, устремившись на римлян с диким гиканьем. Они растянулись длинной цепью, собираясь обойти противника с флангов.

Гней Сципион лично повел римлян на врага. Публий последовал за дядей.

Расстояние между противниками стремительно сокращалось. Вскоре над головами римлян засвистели дротики нумидийцев, и первые убитые полетели под копыта коней.

Наконец противники сошлись. Завязался ожесточенный рукопашный бой, в котором преимущество было на стороне римлян. Плохо вооруженные и не имевшие защитных доспехов нумидийцы десятками гибли от римских мечей. Однако и у римлян были потери. Они погибали преимущественно от вражеских дротиков. К вечеру нумидийцы не выдержали натиска римлян и пустились наутек. Многие римские всадники рванулись в погоню за ними, но Гней Сципион остановил их, приказав трубачу трубить сигнал сбора.

Во время схватки Публий-младший находился в самой гуще сражения. Он сразил наповал одного нумидийца и нескольких ранил. Как только бой закончился, он отыскал убитого им врага и снял с него золотые украшения, забрав их себе в качестве первого боевого трофея.

Между тем начинало темнеть. Гней Сципион приказал убрать с поля боя убитых римлян. Потери оказались большими: полегла половина отряда. Затем наскоро был возведен лагерь, в котором утомленные битвой римляне провели ночь.

На следующий день Гней Сципион, взяв с собой одну турму, отправился вперед, чтобы разузнать, где находится и чем занят Ганнибал. Остальным он велел остаться в лагере и заняться погребением павших.

Публий-младший и на этот раз последовал за дядей. На второй день они подобрались к лагерю Ганнибала и, осмотрев его издали, поспешили назад.

Вернувшись на поле недавней битвы с нумидийцами, Гней Сципион нашел его занятым римским лагерем: это подошло консульское войско.

Промчавшись галопом по главной улице лагеря, Гней и Публий-младший спешили у консульской палатки. Консул Сципион вышел на шум и велел ликторам пропустить брата и сына. Гней доложил брату о битве с нумидийцами и произведенной им разведке. Консул внимательно выслушал его, хотя ему было уже известно о победе и потерях. Куда больше его заинтересовало сообщение о том, что Ганнибал находится совсем близко.

– Завтра мы снимемся с лагеря и двинемся на карфагенян, – заявил он после непродолжительного молчания.

– Ты хочешь дать Ганнибалу сражение? – спросил Гней.

– А как же иначе, – решительно ответил консул, – ведь для этого меня и послали сюда сенат и римский народ.

– Это хорошо, Публий, но не следует забывать, что Ганнибал превосходит тебя численностью войска, к тому же он коварен и большой мастер устраивать западни.

– Ты прав, Гней, – консул похлопал брата по плечу, – однако ты не учел, что войско Ганнибала представляет собой разноплеменный сброд; его воины даже говорят на разных языках. У меня же в распоряжении два легиона и пятнадцать тысяч союзников, дисциплинированных и знающих толк в военном деле. К тому же твоя недавняя победа над нумидийской конницей вселила уверенность в на-

ших воинов. Так что мы находимся в более выгодном положении и обязательно возьмем верх над Ганнибалом.

– Я разделяю твою уверенность в успешном исходе дела, но с Ганнибалом все же следует быть поосторожнее.

– А ты, Публий, как думаешь, – спросил консул у сына, – одержим мы победу над Ганнибалом?

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – воскликнул Публий-младший, обрадовавшись, что отец наконец обратил на него внимание.

– Да, кстати, мне тут доложили, что в битве с нумидийцами ты дрался как лев. Так ли это?

Вместо ответа Публий-младший достал из своей походной сумки украшения, снятые с убитого им нумидийца, и протянул их отцу. Какое-то время Публий-старший внимательно рассматривал трофеи сына, затем воскликнул:

– Я горжусь тобой, сын мой; ты – настоящий Сципион!

Утром следующего дня римское войско покинуло лагерь и двинулось вверх по течению Родана. На третий день оно достигло лагеря карфагенян. Но каково было удивление римлян, когда они увидели, что неприятельский лагерь пуст. Консул Сципион и его легаты терялись в догадках, не имея представления, куда мог деваться Ганнибал. Лишь к вечеру от местных жителей стало известно, что карфагеняне, снявшись с лагеря, подались в сторону Альп.

– Неужели Ганнибал отважился перейти Альпы и вторгнуться в Италию? – в недоумении спросил консул у своих легатов. – Но ведь Альпы непроходимы для столь большого войска как у него.

– Если учесть упорство этого человека, то вполне можно допустить, что Альпы не помеха для него, – высказал свое мнение Гней Сципион.

– Выходит, он заранее составил план похода на Италию через Альпы и обвел нас вокруг пальца, а мы напрасно потеряли время.

– Выходит, что так.

– Что же нам делать?

– Надо скорее возвращаться к морю, садиться на корабли и плыть в Италию, чтобы там во всеоружии встретить Ганнибала, – посоветовал Гней.

– Пожалуй, ты прав, – согласился с братом консул.

Переночевав вблизи опустевшего карфагенского лагеря, римское войско с наступлением утра выступило в обратный путь.

Спустя неделю консул Сципион вернулся в Массалию. Там он снова собрал легатов и объявил им о своем решении по поводу дальнейших действий: Гней Сципион отправится в Испанию с двумя легионами и частью союзников, он же, Публий Сципион, последует в Италию, где соединится с войсками преторов Луция Манлия и Гая Атилия и даст Ганнибалу сражение, как только тот переправится через Альпы, если он, конечно, переправится через них.

Никто из легатов не стал возражать, тем более что план консула показался им разумным и наиболее приемлемым в создавшейся ситуации. На прощание Публий Сципион убедительно просил брата зорко следить за карфагенскими войсками, оставленными Ганнибалом в Испании, и постараться наладить контакты с племенами иберов, чтобы иметь в их лице надежных союзников для дальнейшей борьбы с пунийцами. Гней пообещал выполнить эту просьбу. На том и расстались.

* * *

Весной 218 года до н.э. Ганнибал принял окончательное решение идти походом на Рим через Альпы. Его армия насчитывала восемьдесят тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. У него имелось тридцать семь боевых слонов. Для поддержания порядка в Испании и охраны ее от возможного появления римлян он оставил своего брата Гасдрубала с пятнадцатитысячной армией, придав ему шестьдесят кораблей для связи с Карфагеном.

Итак, поход Ганнибала на Рим начался. Выступив из Нового Карфагена, пунийское войско двинулось вдоль морского побережья Испании. Вплоть до реки Ибер Ганнибал шел по подчиненной территории, не встречая препятствий. Однако на берегах Ибера он столкнулся с упорным сопротивлением местного населения, не желавшего впустить его в свои владения. Пришлось пробиваться вперед с боями, во время которых карфагенское войско понесло большие потери.

Наконец карфагеняне сломили сопротивление местных племен и преодолели Ибер. Перед ними раскинулись просторы Трансальпийской Галлии¹. Прежде чем двинуться дальше, Ганнибал оставил в Восточной Испании полководца Ганнона с одиннадцатитысячным войском.

В Трансальпийской Галлии Ганнибал столкнулся с новыми проблемами. Местные племена рассматривали его как завоевателя и встретили с оружием в руках. На помощь Ганнибалу пришло его умение вести переговоры и договариваться. Он разослал своих людей к племенным вождям и старейшинам. Повсюду послы заявляли, что Ганнибал пришел воевать не с галлами, а с римлянами. Карфагеняне клятвенно заверяли, что не причинят

¹ Территория современной Франции.

вреда галлам, если те позволят им пройти по своей территории. Галлы поверили этим заверениям и согласились пропустить многочисленное карфагенское войско. Правда, в определенных местах все же не обошлось без нападений со стороны галлов.

В середине лета войско Ганнибала вышло к берегам реки Родан. Здесь упорное сопротивление карфагенянам оказали вольки. Но Ганнибал, одержавший до этого не одну победу, разбил их и приступил к переправе через бурную реку. По его приказу было изготовлено множество больших плотов, на которых переправили лошадей, слонов и повозки. Большинство воинов переплыли Родан на кожаных щитах.

Переправившись через Родан, карфагенская армия двинулась дальше. В сентябре она подошла к Альпам. В это время к Ганнибалу прибыло посольство от галльского племени бойев, живших по ту сторону Альп в Цисальпийской Галлии, на севере Италии. Они сообщили карфагенскому полководцу, что бойям уже известно о походе Ганнибала на Рим и они с нетерпением ждут его прихода, чтобы соединиться с ним и вместе ударить по ненавистным римлянам. Послы также заверили Ганнибала, что его появления в Северной Италии ждут и другие галльские племена. Это сообщение придало еще большей уверенности Ганнибалу, и он повел войско в горы.

Античные историки Полибий и Тит Ливий пишут, что Ганнибалу потребовалось всего пятнадцать дней, чтобы перевалить через Альпы. Однако этот беспримерный в истории переход дорого обошелся карфагенскому полководцу. Его войску пришлось столкнуться с большими трудностями. Местные горцы враждебно встретили пришельцев. Зачастую на карфагенян с горных круч летели ка-

менные глыбы, убивая и калеча людей и лошадей. Сотни карфагенян стали жертвами вражеских стрел и дротиков. Временами узкая обледеневшая тропа шла над пропастью; достаточно было сделать неверный шаг, и человек летел в бездну. Таким образом погибли десятки тысяч карфагенян. Многие умерли от лютого холода. Немало людей погребли под собой снежные лавины.

Как бы там ни было, карфагенская армия перevalила через Альпы. Даже у Ганнибала дрогнуло сердце, когда ему доложили, что уцелело всего около двадцати тысяч пехоты и девять тысяч конницы. Из тридцати семи боевых слонов осталось не более десятка. Однако Ганнибал был не из тех, кто отступает от задуманного. Предоставив уцелевшим воинам несколько дней отдыха, он приступил к переговорам с цисальпийскими галлами, чтобы за их счет пополнить свое изрядно поредевшее войско.

Если бы римляне в это время действовали активнее и сконцентрировали свои силы, то поход Ганнибала закончился бы его поражением в Северной Италии, а они избежали бы тех бедствий, которые им предстояло претерпеть в будущем. Но римляне замешкались.

* * *

Между тем консул Публий Корнелий Сципион с небольшой частью своего войска на нескольких кораблях отправился из Массалии в Италию. Плавание по осеннему бурному морю заняло приблизительно столько же времени, сколько Ганнибалу потребовалось, чтобы перевалить через Альпы. Из-за непогоды и частых штормов приходилось подолгу задерживаться в гаванях. Наконец консульская эскадра добралась до города Генуя. Там

Сципион узнал, что Ганнибал уже в Италии. Консулу также доложили, что большая часть карфагенского войска осталась в горах. Это известие вселило в консула надежду на скорую победу над заклятым врагом Рима.

Из Генуи Сципион добрался до Писы, а оттуда налегке поспешил в город Плацентия, где находились легионы преторов Луция Манлия и Гая Атилия.

Спустя несколько дней состоялась передача легионов. Передав войско консулу, Манлий и Атилий отбыли в Рим, а Сципион двинулся к берегам реки Пад¹, послав впереди себя разведчиков разузнать местонахождение Ганнибала. Вскоре разведчики доложили, что Ганнибал, подчинив племя тавринов, обитавших в верховьях Пада, движется вниз по реке левым берегом.

Узнав об этом, Сципион решил преградить Ганнибалу путь. Он переправил свое войско на левый берег Пада и расположился лагерем недалеко от того места, где в Пад впадала небольшая речка Тицин.

Ганнибал не замедлил со своим появлением. Вскоре римские постовые заметили на противоположном берегу Тицина нумидийских всадников. Сципион понял, что это передовой отряд карфагенского войска, и стал готовиться к битве.

По традиции консул решил обратиться к своим воинам с речью, рассчитывая поднять их боевой дух. По его приказу легионеры собрались на сходку внутри лагеря.

«Воины! – воскликнул Сципион, взойдя на трибунал², – Совсем недавно я принял командование над вами. Вы для меня – новые подчиненные, по-

¹ Пад – совр. По.

² Трибунал – возвышение, на котором обычно восседали высокие должностные лица (консулы, преторы и др.).

этому выслушайте меня перед близкой уже битвой. Прежде всего хочу спросить: кто наши враги? Те же самые карфагеняне, которых мы неоднократно били на суше и на море в Первую Пуническую войну. Значит, и сейчас мы будем сражаться с отвагой и храбростью победителей, а они — со страхом и унынием побежденных. Далее: переход через Альпы отнял у них две трети пехоты и столько же конницы. Те из них, кому посчастливилось уцелеть, — не люди, а только тени людей, измученные голодом, холодом, грязью; их руки, ноги, спины, бока побиты, переломаны, ободраны и обморожены; их оружие притупилось и заржавело, их кони охромели. Боюсь, как бы после нашей скорой победы не стали говорить, что не римляне одолели Ганнибала, но Альпы.

Очень важно, чтобы в битве с карфагенянами вы испытывали не только обычные во всяком сражении чувства, но и особую ненависть и гнев, словно бы умиряя восставших рабов. Ведь в первую войну с ними мы могли бы переморить голодом все их войско, окруженное в Сицилии, могли переправиться в Африку и без всякого сопротивления стереть Карфаген с лица земли. Но мы великодушно пощадили побежденных, даровали им мир и даже приняли под свою защиту. И какова же их благодарность? Они идут на Рим!

Я хочу, чтобы вы поняли, что не славы ищем мы в нынешней войне, не спасения родины, не за Сицилию боремся, как тридцать лет назад, но за Италию. Нет за нашей спиной другого войска, которое остановит неприятеля, если этого не сделаем мы, нет на пути Ганнибала других Альп. Поэтому здесь, на берегах Тицина, нам следует сражаться с таким же упорством, с каким бы мы бились под стенами Рима».

Закончив речь, Сципион распустил воинов. Короткий ноябрьский день клонился к концу. Консул в сопровождении ликторов направился к своей палатке, намереваясь собрать на военный совет легатов. Вдруг до его слуха донеслись крики со стороны лагерных ворот. Сципион послал одного из ликторов узнать, в чем дело. Вскоре ему стало известно, что в лагерь забежал волк и, искусав нескольких легионеров, беспрепятственно покинул территорию лагеря.

«Это плохой знак, – сказал Сципион. – Надо принести умиловительные жертвы богам». Военный совет так и не состоялся в тот день: консул был занят жертвоприношениями.

На следующий день Сципион отдал приказ войску как следует подкрепиться и выходить из лагеря. Сам он во главе небольшого отряда конницы отправился на разведку. Приблизительно на полпути к неприятельскому лагерю он повстречался с Ганнибалом, который тоже осматривал местность с отрядом нумидийских всадников. Заметив друг друга, противники остановились как вкопанные и несколько минут простояли в нерешительности. Первым повернул Ганнибал. Его примеру последовал Сципион. Во весь опор он помчался к своему войску, чтобы построить его для битвы.

В распоряжении Сципиона было два римских легиона и несколько тысяч союзников. Впереди он поставил метателей дротиков и галльских всадников: они должны были начать сражение. Вторую линию заняли римские легионеры и тяжелая пехота союзников.

Имевший значительное преимущество в коннице, Ганнибал в первую линию поставил конницу, причем центр линии заняла тяжелая испанская кавалерия, а на флангах были размещены нумидий-

ские всадники, вооруженные дротиками. Пехоте карфагенский полководец отвел место во второй линии.

Готовое к бою римское войско по сигналу консула мерным шагом двинулось на противника. В это время и Ганнибал велел трубить сигнал атаки. Первыми в атаку пошли испанские всадники, и через несколько минут они всей своей массой навалились на римских метателей дротиков и галльских всадников. Последние, не выдержав стремительного нападения, повернули и бросились бежать ко второй линии. У римлян оставалась надежда, что их тяжелая пехота сдержит натиск вражеской конницы. Так оно и случилось. Римские легионеры вступили в ожесточенную схватку с испанцами. Они не только остановили их, но в какой-то момент даже начали теснить. Однако исход сражения решился не в центре, а на флангах, где многочисленные нумидийские всадники стали обходить римлян и вот-вот готовы были взять их в кольцо.

Узнав об этом, консул Сципион предпринял отчаянную попытку навалиться на противника в центре. Он спешился и, обнажив меч, лично повел своих воинов в бой. Однако эта контратака успехом не увенчалась. Вскоре Сципион был окружен врагами и получил тяжелое ранение в бок. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы на помощь отцу не пришел его сын Публий, который сражался неподалеку, возглавляя отряд всадников. Заметив, что отцу грозит смертельная опасность, Публий немедленно устремился на врага. Словно молния он обрушился на испанцев, окруживших лежащего на земле консула и его ликторов, которые отбивались из последних сил. Римские всадники подобрали раненого полководца и, защищая его не только мечами, но и своими телами, вывезли с поля битвы.

Когда по римскому войску разнеслась весть о ранении консула и о том, что он покинул поле битвы, оно стало отступать. От полного разгрома римлян спасло то, что они отступали организованно, к тому же карфагеняне не преследовали их. К вечеру все уцелевшие римляне укрылись в лагере.

На следующий день римское войско поднялось ни свет ни заря. Консул дал приказ как можно скорее покинуть лагерь. Полагая, что Ганнибал может возобновить боевые действия, он счел разумным отойти в более безопасное место.

Римляне переправились через Тицин по ранее построенному мосту и тут же разрушили его. Они направились к Паду и во второй половине дня переправились на правый берег. В окрестностях Плацентии Сципион нашел подходящее место и велел возвести новый лагерь. Отсюда он отправил в Рим гонцов с вестью о поражении.

Ганнибал в это время тоже не бездействовала. Победа при Тицине имела для него большое значение. Многие галльские племена, которые еще вчера колебались, на чью сторону им перейти, теперь твердо решили стать под знамена Ганнибала и отправили к нему послов, чтобы заключить союз.

Затем Ганнибал повел свое войско к Паду и переправился через него на лодках. Вскоре карфагеняне появились вблизи римского лагеря. Два дня Ганнибал выстраивал войско в боевом порядке, надеясь вызвать римлян на новую битву, но консул Сципион не принял вызов. Тогда карфагеняне отошли на расстояние чуть больше мили от римского лагеря и возвели собственный.

В следующую ночь в римском лагере произошла измена: более двух тысяч галлов-союзников сговорились перейти на сторону Ганнибала. Подождав, пока римляне уснут, они покинули свои палат-

ки и направились к лагерным воротам. Караульные пытались преградить им дорогу, но были перебиты. Вырвавшись из лагеря, галлы побежали к карфагенянам. Ганнибал принял их радушно и пообещал им большие награды, если они будут преданно служить ему.

После этого случая консул Сципион принял решение отойти от противника еще дальше. Несмотря на страдания, которые причиняла ему рана, он на следующую ночь дал сигнал к выступлению. Под покровом ночи его войско направилось к берегам реки Требия, которая впадала в Пад. По данным разведки, местность там была холмистая и вследствие этого недоступная для вражеской конницы.

Как только Ганнибалу стало известно об уходе римлян, он послал вслед за ними нумидийских всадников. Однако нумидийцы так и не напали на отходивших римлян. Вместо этого они свернули в покинутый ими лагерь в надежде чем-нибудь пожить-ся там. Это спасло римлян от лишних потерь.

У Сципиона дорогой разбередилась рана. Несколько раз он терял сознание, но все же выполнил долг полководца и проследил, чтобы его воины возвели новый лагерь в недоступном и безопасном месте. Как только лагерь был возведен, к консулу прибыли гонцы из Рима. Они сообщили, что сенат велел консулу Семпронию оставить Сицилию и идти на соединение со Сципионом. Это было хорошее известие, вселившее в воинов Сципиона надежду на скорую перемену к лучшему.

* * *

В отличие от Сципиона консулу Тиберию Семпронию Лонгу удалось достичь значительных успехов в борьбе с карфагенянами. За короткое вре-

мя он выиграл у них несколько морских сражений, захватив немало вражеских кораблей вместе с экипажами. На Сицилии у него был надежный союзник – сиракузский царь Гиерон, который оказывал действенную помощь. Так что Сицилия по-прежнему оставалась в руках римлян.

Получив распоряжение сената, Семпроний поспешил на соединение со Сципионом. Гордый своими победами, он был уверен, что ему в ближайшее время удастся справиться и с Ганнибалом.

В первой половине декабря 218 года до н.э. оба консульских войска соединились. Семпроний расположился неподалеку от лагеря Сципиона и отправился навестить товарища по консульству. Он застал Сципиона лежащим на походной койке. Обменявшись приветствиями, консулы долго беседовали. Семпроний расспрашивал о событиях последних месяцев и рассказывал о своих успехах на Сицилии. В конце свидания он заявил о своем желании дать новую битву Ганнибалу в ближайшие дни.

– С битвой торопиться не следует, – возразил ему Сципион.

– Чего же мы будем ждать? – спросил Семпроний.

– Нужно запросить у сената подкреплений, прежде всего конницу, ибо противник превосходит нас в ней.

– Однако вскоре консульские выборы, и слава победителей Ганнибала может достаться нашим преемникам.

– Когда отечество в опасности, о славе лучше забыть, а направить все усилия на всеобщее благо.

Консулы расстались, так и не придя к согласию.

Между тем Ганнибал перенес свой лагерь поближе к римлянам. Теперь между противниками было не более мили. За короткое время после битвы при Тицине карфагенское войско значительно

пополнилось за счет галлов. Видя, что преимущество на его стороне, Ганнибал ждал удобного момента, чтобы снова сразиться с римлянами, причем его несколько не пугало, что войско противника увеличилось более чем вдвое. Однако сколько он ни пытался вызвать римлян на битву, те не покидали своих лагерей. Тогда карфагенский полководец пошел на хитрость.

Территория между Падом и Трeбией была заселена галлами. Ганнибал велел жадным до наживы нумидийцам разграбить их селения. Его расчет был прост: местные жители обратятся к римлянам за помощью и те, скорее всего, окажут ее.

Так оно и случилось. Когда галлы пришли искать заступничества у римлян, Сципион отказал им. Зато рвавшийся в бой Семпроний решил вступить за галлов. Во главе своей конницы он напал на нумидийцев, занятых грабежом. Его вылазке сопутствовал успех. Многие нумидийцы погибли от римских дротиков и мечей, остальные поскакали к своему лагерю. Их спасло только то, что Ганнибал выслал им подкрепление. На этом столкновение закончилось. Простояв некоторое время вблизи карфагенского лагеря, Семпроний вернулся к своим. Он распространил слух о своей победе, не сомневаясь, что она поднимет боевой дух легионеров.

Во время очередного свидания Сципион осудил легкомысленное поведение Семпрония и напомнил, что день для решающей битвы еще не настал, надо терпеливо ждать. Однако и на этот раз Семпроний остался глух к увещаниям товарища по консульству.

Чутье полководца подсказывало Ганнибалу, что римляне в ближайшее время все-таки решатся на сражение. Поэтому он стал заранее готовиться к нему.

Осмотрев местность, карфагенский полководец выбрал подходящее место для построения своего войска. Он также определил, где ему спрятать засаду, где расположить резервные силы.

В то же самое время между римскими консулами по-прежнему не было согласия. Семпроний рвался в бой. Посещая лагерь Сципиона, он не упускал случая поговорить с его воинами.

«Римляне, – говорил он, – наши деды и отцы, привыкшие бить врага под стенами Карфагена, покраснели бы от стыда, если бы увидели, как два консульских войска дрожит от страха за лагерным частоколом на своей собственной территории, а Ганнибал в это время хозяйничает между Альпами и Апенниннами. К чему нам откладывать битву с пунийцами и напрасно терять время? Какого еще войска мы дожидаемся, если у нас и так достаточно сил, чтобы прекратить войну?»

Обращения подобного рода имели успех. Видя, что большинство воинов поддерживают его, Семпроний велел готовиться к битве.

Настал день зимнего солнцестояния. Именно в этот день Ганнибал и решил дать битву. На рассвете он приказал нумидийцами приблизиться к римскому лагерю и, метая дротики в караульных, вызвать римлян на бой. Несколько сотен нумидийских всадников поскакали выполнять приказ полководца. Остальное войско не спеша подкрепилось, облачилось в доспехи и стало покидать лагерь.

Лишь только консулу Семпронию доложили о появлении нумидийцев вблизи лагеря, он приказал своей коннице атаковать их. Семпроний был уверен, что его всадникам понадобится не более часа, чтобы расправиться с нумидийцами, над которыми совсем недавно была одержана, по его мнению, убедительная победа. Однако не тут-то было. На

этот раз нумидийцы получили от Ганнибала приказ драться по-настоящему, а не играть в поддавки. Уже в первые минуты схватки они уничтожили несколько десятков римлян. Видя это, Семпроний послал на подмогу своей коннице около шести тысяч метателей дротиков. Но и сейчас нумидийцы не думали отступать. Наоборот, они стали сражаться более ожесточенно.

Тогда Семпроний принял решение вывести в поле остальное войско. И вот трубачи затрубили сигнал к выступлению. Римские легионеры неохотно подчинились приказу консула. Они недавно проснулись и не успели позавтракать. У многих было только одно желание – обогреться у костра после холодной ночи. К тому же моросил дождь, и за каких-то полчаса одежда воинов промокла до нитки. Движения римлян были вялыми, настроение – подавленным. Чтобы заставить воинов шевелиться, центурионы и военные трибуны бранились на них, но в ответ слышали одни ругательства.

В такой обстановке консул Семпроний хотел вступить в битву с войском Ганнибала, и даже был уверен в победе.

– Боги окончательно лишили Семпрония разума, – произнес консул Сципион, когда ему доложили о происходящем. – Сегодня у римлян появилась прекрасная возможность потерпеть еще одно поражение от Ганнибала. Остается только молить богов, чтобы потери были не очень большими.

Тем не менее он срочно собрал легатов и передал им командование своим войском, так как сам не мог подняться из-за раны. Публий-младший просил отца послать и его на битву, но Сципион-старший категорически запретил сыну покидать его.

– Ты мне нужен живым, – сказал он.

Между тем битва разгоралась. Римлянам удалось оттеснить нумидийцев к Требии. Преследуя их, они вошли в реку и перешли ее вброд. «Когда они вышли на тот берег, — пишет историк Тит Ливий, — все до того окоченели, что едва были в состоянии держать оружие в руках; к тому же они, так как часть дня уже прошла, изнемогали от усталости и голода».

Впереди римлян ожидало готовое к битве войско противника. По сведениям Полибия и Тита Ливия, Ганнибал поставил в первую линию балеарских пращников и легкую пехоту общей численностью до восьми тысяч человек. Во второй линии он разместил двадцать тысяч тяжеловооруженных пехотинцев. Фланги карфагенского войска прикрывала конница — по пять тысяч всадников на каждом. Здесь же находилось по несколько боевых слонов. Кроме того, Ганнибал спрятал в засаде три тысячи отборных нумидийских всадников под предводительством своего брата Магона.

Увидев готовое к битве войско противника, консул Семпроний отозвал назад свою конницу, преследовавшую нумидийцев, и приступил к построению. В его распоряжении было восемнадцать тысяч римских легионеров, около двадцати тысяч пеших союзников, четыре тысячи конницы и небольшой отряд галлов-ценоманов.

Таковы были силы противников, которым с минуты на минуту предстояло сойтись в кровопролитной битве.

Тит Ливий мастерски описал битву при Требии, поэтому предоставим ему слово: «Начали сражение балеарцы. Встретив, однако, сильный отпор со стороны легионов, легкая пехота поспешно разделилась и была разведена по крыльям. Вследствие этого ее движения положение римской конницы

сразу стало очень затруднительным. И без того уже трудно было держаться четырьмя тысячам всадников против десяти тысяч, людям уставшим против людей, большей частью еще свежих, а тут еще балеарцы засыпали их градом дротиков. В довершение всего слоны, шествовавшие на краях впереди конницы, наводили ужас на воинов, но еще более пугали лошадей, притом не только своим видом, но и непривычным запахом. И вот поле на широком пространстве покрылось беглецами. Римская пехота дралась не менее храбро, чем карфагенская, но была значительно слабее. Пуниец, незадолго до битвы отдохнувший, вступил в бой со свежими еще силами; римлянам, напротив, голодным, уставшим, с окоченевшими от мороза членами, всякое движение стоило труда. Все же они взяли бы одной храбростью, если бы против них стояла только пехота; но здесь балеарцы, прогнав конницу, метали свои дротики им во фланги, тут слоны напирали уже на самую середину передового строя, а там вдруг Магон с нумидийцами, мимо засады которых пехота пронеслась, ничего не подозревая, появился в тылу и привел задний ряд в неопишное замешательство. И все-таки среди всех этих бедствий, окруживших ее со всех сторон, пехота крепко держалась некоторое время; наиболее успешно отразила она вопреки всеобщему ожиданию натиск слонов. Легкие пехотинцы, особо для этого отряженные, забросали их дротиками и обратили в бегство, а затем, преследуя бегущих, кололи под хвост, где у них кожа тоньше и ранить их поэтому легче.

Заметив, что слоны в испуге начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из середины и отвести на левый край, чтобы они пришлось против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство,

и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты. Пришлось им образовать круг. При таких обстоятельствах приблизительно десять тысяч, не видя другой возможности спастись, прорубились через центр африканской пехоты, укрепленной галльскими вспомогательными отрядами, нанеся врагу страшный урон. Отсюда они, не будучи в состоянии вернуться в лагерь, от которого их отделяла река, и не видя из-за дождя, куда им направиться, чтобы прийти на помощь своим, прямым путем проследовали в Плацентию. По их примеру было сделано много попыток пробиться в различные стороны; направившись к реке были либо поглощены водоворотами, или застигнуты врагами, если не решались войти в реку; те, которые в беспорядочном бегстве рассыпались по равнине, последовали за отступающим отрядом и достигли Плацентии; другим страх перед врагами внушил смелость войти в реку, и они, перешедши ее, добрались до лагеря».

* * *

Такова была битва при Требии, принесшая римлянам еще одно поражение. Потери их были огромными. Однако и победители потеряли не меньше людей. У карфагенян не было ни сил, ни желания преследовать разгромленного противника. Дойдя до реки, они вернулись в свой лагерь, чтобы скорее отогреться у костров. Это позволило разрозненным отрядам римлян и их союзников добраться до лагеря консула Сципиона. Последний, преодолевая боль, поднялся с койки и вышел навстречу шатавшимся от усталости и голода воинам. Он долго допытывался, где Семпроний, что с ним стало, жив ли он вообще. Но никто не мог ска-

зять ему ничего определенного. Наконец нашлись воины, сообщившие, что Семпронию удалось с остатками легионов пробиться в Плацентию.

«Выходит, остальных он бросил на произвол судьбы», – сделал вывод Сципион.

Перед раненым консулом стояла нелегкая задача: собрать всех, кто уцелел, и отвести в безопасное место. В его распоряжении была одна ночь, ведь утром можно было снова ожидать появления врагов. Сципион приказал развести несколько больших костров, чтобы они служили маяками для блуждающих в окрестностях римлян. К полуночи поток беглецов прекратился, и консул велел сниматься с лагеря, взяв с собой только необходимое.

Несколько часов потребовалось римлянам, чтобы добраться до Плацентии. Многие не вынесли трудной дороги, погибнув от ран и смертельной усталости. Подбирать их не было сил. В эту страшную ночь каждый заботился только о себе.

Видя все это, Сципион скрипел зубами от гнева на Семпрония, которого считал единственным виновником случившегося. Его гнев усилился еще больше при встрече с нерадивым товарищем по консульству.

Семпроний сообщил, что уже отправил в Рим гонца.

– Что же ты велел ему передать согражданам? – спросил Сципион.

– Я приказал ему доложить сенаторам, что произошла битва с карфагенянами, но нашей победе помешала непогода, – как ни в чем не бывало ответил Семпроний.

– Но ведь это ложь! – вскричал Сципион.

– Как сказать.

– Что ты собираешься делать дальше?

– Сегодня же я еду в Рим, чтобы провести консульские выборы, как того требует обычай.

– Ну что ж, счастливого пути, – только и сказал Сципион.

Итак, Семпроний отправился в Рим, а Сципион занялся размещением воинов на зимние квартиры. Одну часть войска консул оставил в Плацентии, препоручив его легатам Семпрония, другую увел в Кремону: он не хотел обременять непосильными расходами один город.

Римское войско ожидали тяжелые дни. Вскоре в окрестностях Плацентии и Кремоны появились нумидийские и испанские всадники, посланные Ганнибалом. Они перехватывали обозы с продовольствием и кормом для лошадей, нападали на римлян, выходящих на заготовку дров. Открытым оставался только путь по Паду, но вскоре Ганнибал перекрыл и его, захватив укрепленную пристань вблизи Плацентии. С этого момента и Кремона, и Плацентия, по сути дела, очутились в осаде. Римским воинам удалось избежать голода лишь потому, что Сципион разрешил убивать боевых лошадей.

Тем временем в Риме прошли консульские выборы. В консулы были избраны Гней Сервилий и Гай Фламиний. Им предстояло продолжить борьбу с Ганнибалом.

Вскоре в Плацентию прибыл Семпроний. Ему с большим трудом и опасностью для жизни удалось проникнуть в город. Видя в каком плачевном положении находится его войско, он предпринял отчаянную попытку прорвать кольцо блокады. На этот раз удача сопутствовала ему. Римлянам под его руководством удалось одержать победу над карфагенянами в открытом сражении и покинуть Плацентию. Семпроний благополучно добрался до

города Лука, куда вскоре прибыл и Сципион, воспользовавшись тем, что внимание карфагенян было отвлечено. В Луке они стали дожидаться новых консулов, чтобы передать им свои войска.

* * *

Теперь оставим Италию и перенесемся в Испанию, куда осенью 218 года до н.э. консул Публий Сципион отправил своего брата Гнея. У Гнея Сципиона было два легиона, несколько тысяч союзников и около тысячи всадников. Он располагал флотом численностью не менее пятидесяти кораблей. Перед ним стояла задача привлечь на свою сторону как можно больше испанских племен и держать под контролем карфагенские войска, оставленные в Испании Ганнибалом. Его противниками были Гасдрубал Барка, брат Ганнибала, и Ганнон. Особую угрозу представлял Гасдрубал, армия которого насчитывала более пятнадцати тысяч человек, а численность его флота превышала шестьдесят судов. Кроме того, у него было около двадцати боевых слонов.

Простившись с братом в Массалии, Гней Сципион обогнул на кораблях Пиренеи и высадился в греческом городе Эмпории на северо-восточном побережье Испании. Здесь он дал своему войску кратковременный отдых, после чего приступил к боевым действиям. Всего несколько дней ему понадобилось, чтобы покорить племя леетанов. Затем он снова посадил войско на корабли и двинулся берегом моря.

Гней Сципион делал частые высадки, во время которых осаждал прибрежные города, отказывавшие ему в покорности. Следует заметить, что ни одного города он не отдал на разграбление своему

войску; ни один житель покоренного города не был продан в рабство. Оставляя гарнизоны в покоренных городах, он шел дальше. Вскоре испанское побережье до реки Ибер было покорено римлянами. Затем Гней Сципион предпринял несколько походов вглубь страны и привлек на свою сторону даже самые дикие племена иберов. Из них он сформировал несколько вспомогательных отрядов.

Успех окрылил Сципиона, и он решил помериться силами с карфагенским полководцем Ганноном, который стоял лагерем у города Кисса. Переправившись через Ибер, римское войско направилось к Киссе.

Слухи об успехах римлян в Испании уже дошли до Ганнона. Узнав, что они переправились через Ибер, он стал готовиться к битве. К сожалению, ни Полибий, ни Тит Ливий не оставили описания битвы при Киссе. Из кратких сообщений этих авторов становится ясным, что войско Гнея Сципиона без особого напряжения сил разбило армию Ганнона. Тит Ливий пишет, что «шесть тысяч неприятелей было убито, две тысячи взято в плен, сверх того, еще охрана лагеря, который также был взят, и сам полководец с несколькими вельможами».

На следующий день после битвы Гней Сципион подошел к Киссе, рассчитывая захватить ее с ходу. Однако карфагенский гарнизон оказал упорное сопротивление. Несколько дней римляне ходили на штурм города и наконец взяли его. В Киссе они нашли обоз войска Ганнибала. Среди добычи оказалось немало ценных вещей. Это было на руку Гнею Сципиону, так как теперь он мог не только сполна выплатить жалованье воинам, но и оставить средства на дальнейшее ведение войны в Испании.

Когда Гасдрубалу Барке стало известно о поражении Ганнона, он выступил против Гнея Сципиона со всеми своими силами. Покинув Новый Карфаген, Гасдрубал направился к Иберу. Всего несколько дней ему понадобилось, чтобы преодолеть неблизкий путь. Переправившись через Ибер, он двинулся к приморскому городу Тарракон, вблизи которого стояло римское войско. Однако до решающей битвы дело не дошло. Гасдрубал ограничился тем, что напал на римских воинов, свободно разгуливавших по окрестностям, и многих перебил. После этого он отступил во владения племени илергетов, которое недавно перешло на сторону Сципиона. Гасдрубал уговорил илергетов поднять восстание против римлян.

Действия Гасдрубала побудили Гнея Сципиона к выступлению. В конце зимы 217 года до н.э. он оставил Тарракон и направился в область илергетов. Однако Гасдрубал уже ушел оттуда. Это дало возможность Сципиону быстро подавить восстание. Он захватил столицу илергетов Атангр и наложил на них большую контрибуцию за неповиновение.

Сципион не остановился на этом. Он пошел на авсетанов, которые были союзниками карфагенян, и осадил их главный город. На помощь авсетанам поспешили их соседи лацетаны, но Сципион устроил им засаду и в кровопролитной битве перебил около двенадцати тысяч.

В течение месяца римское войско осаждало столицу авсетанов. Сципион неоднократно предлагал вождю авсетанов Амузику сдать город, но тот не соглашался. Дело кончилось тем, что Амузик тайно покинул осажденный город, после чего авсетаны сдались на милость победителям. Сципион потребовал от них заложников и двадцать талантов

серебра. Получив требуемое, он вернулся в Тарракон. Оттуда он послал в Рим подробный отчет о своих действиях в Испании.

* * *

Весна 217 года до н.э. принесла римлянам еще одно потрясение. К этому времени Ганнибал уже контролировал всю Цисальпийскую Галлию. Как только настали теплые дни, он двинулся в Северную Этрурию с сорокатысячной армией. Консул Гай Фламиний решил преградить ему путь у города Арреций. Однако Ганнибал не собирался терять времени и сил на атаку укрепленных позиций противника и пошел в обход Арреция по местности, считавшейся непроходимой. Трое суток шла карфагенская армия по болотам. Много воинов погибло. Сам Ганнибал ехал на единственном уцелевшем слоне; полководец ослеп на один глаз. Тем не менее цель перехода была достигнута: Ганнибал обошел позицию Фламиния и вышел на дорогу, ведущую в Рим.

Узнав о маневре Ганнибала, Фламиний снялся с лагеря и пустился вдогонку карфагенской армии. Вскоре римляне вошли в узкую долину между северным берегом Тразименского озера и окрестными холмами. Здесь Ганнибал устроил засаду. Когда основные силы римлян оказались в долине, на них устремились отряды карфагенян и стали теснить их к берегу Тразименского озера. Среди римлян началась паника. Им так и не удалось организовать сопротивление. Спаслись лишь те из римлян, кто перебрался вплавь на противоположный берег озера. В этой битве погибло около двадцати тысяч римлян вместе с консулом Фламинием.

Когда весть о разгроме у Тразименского озера достигла Рима, сенат объявил чрезвычайное поло-

жение. Прибегнув к крайней мере, римляне выбрали диктатора, который должен был возглавить все вооруженные силы и организовать оборону города. Им стал Квинт Фабий Максим. Римляне готовились к встрече Ганнибала у стен своего города.

Однако Ганнибал не пошел на Рим, а повел свою победоносную армию через Умбрию и Пицен к побережью Адриатического моря. Он прекрасно понимал, что взятие Рима потребует длительной осады. Вести же такую осаду было бы рискованно, имея в тылу еще не завоеванную Италию. Кроме того, после удачного опыта с привлечением на свою сторону цисальпийских галлов он имел основание рассчитывать на поддержку, а может быть и на восстание, жителей Средней и Южной Италии. Поэтому Ганнибал, опустошая на своем пути владения римлян, не трогал поля и селения италиков¹.

Диктатор Квинт Фабий Максим учел опыт трех проигранных сражений. Сознавая, что карфагеняне сильнее римлян в открытом бою, он перешел к тактике изматывания противника. Уклоняясь от решительных сражений с главными силами Ганнибала, он следовал за ним по пятам, нападал на отдельные отряды и, уничтожая продовольственные запасы, затруднял снабжение вражеской армии. Однако тактика Квинта Фабия не пользовалась популярностью и поддержкой римских граждан, прежде всего крестьян, которым затяжная война и пребывание карфагенской армии на территории Италиинесли полное разорение. За нерешительность в действиях Фабия прозвали Кунктатором (Медлителем).

* * *

¹ Италики – жители Италии, подчиненные римлянами.

В течение весны 217 года до н.э. Гней Сципион и Гасдрубал Барка готовились к решающей схватке.

Гасдрубал оснастил и укомплектовал командами сорок кораблей. Командование флотом он поручил Гимилькону, а сам возглавил сухопутную армию, пополненную за счет союзников-испанцев. С этими силами он покинул Новый Карфаген и берегом моря двинулся в сторону Тарракона, где находилось римское войско. Карфагенский флот шел вблизи берега.

Гней Сципион внимательно следил за действиями противника. Из донесений разведки он узнал, что войско Гасдрубала многочисленнее римского. Вследствие этого он счел неразумным вступать в сухопутное сражение и решил попробовать счастья на море. Как уже говорилось, у Гнея Сципиона было около пятидесяти кораблей. Он отобрал из них тридцать пять самых лучших и посадил на них наиболее отважных и опытных в морском деле воинов. Передав временное командование сухопутным войском военным трибунам, Сципион покинул Тарракон и поплыл к устью Ибера. В целях осторожности впереди его эскадры плыли два корабля-разведчика. На следующий день после выхода в плавание разведчики доложили, что карфагенский флот стоит на стоянке в устье Ибера, а сухопутное войско противника разбило лагерь на берегу недалеко от корабельной стоянки. Карфагеняне чувствовали себя настолько уверенно, что даже не вытащили корабли на берег и не выставили охраны.

Это было хорошее сообщение для Сципиона. Трезво оценив обстановку, он решил атаковать противника с моря.

А теперь снова предоставим слово Титу Ливию, который оставил нам подробное описание

морской битвы в устье Ибера: «Сципион снялся с якоря и двинулся на беспечного, ничего не подозревавшего врага, рассчитывая, что тот потеряет голову со страху. В Испании по высоким местам поставлены башни, с которых и наблюдают за разбойниками, и отбиваются от них. Оттуда, едва лишь заметив неприятельские суда, подали знак Гасдрубалу. Тревога поднялась раньше на суше в лагере, чем на море на судах. Еще не слышно было ни плеска весел, ни окликов с кораблей, а флота, скрытого предгорьями, не было видно, как вдруг один за другим прискакали всадники от Гасдрубала с приказом: не разгуливать по берегу и не отдыхать в палатках, забыв сегодня о враге и сражении, а братья за оружие и садиться поскорей на суда — римский флот уже близко от гавани. Приказ выкрикивали разосланные повсюду всадники; тут же со всем войском находился и Гасдрубал; всюду смятение, грохот и крик; гребцы и солдаты ринулись на суда, похожие скорее на беглецов, чем на идущих в битву. Только все погрузились, как одни, отвязавши канат, закрепленный на берегу, бросаются к якорям, другие чтобы не было задержки, перерубают якорный канат — все делалось в спешке; солдаты со своим оружием мешали морякам с их снастями; суета моряков мешала солдатам как следует вооружиться. А Сципион не только подошел ближе, но и выстраивал суда в боевом порядке. Тут карфагеняне растерялись не столько при виде врага, готового сразиться, сколько от собственной бестолковой суеты: они едва лишь вступили в бой, как обратились всем флотом в бегство. Множество судов, шедших развернутым строем, не могли, конечно, войти в реку против течения, и карфагеняне повели их к морскому берегу: одни корабли застряли на отмелях, другие вытащены были на берег;

солдаты, и вооруженные, и безоружные, торопливо присоединялись к своему войску, выстроившемуся по берегу. Два карфагенских корабля были взяты в первой же схватке, четыре — уничтожены.

Римляне хоть и видели, что суша в руках врага и неприятельские солдаты выстроены вдоль берега, не медля погнались за флотом оробевших врагов; все суда, которые не разбились носом о берег и не сели крепко на мель, римляне, привязав за корму, увели в открытое море; из сорока судов взято было двадцать пять».

Победа римлян была полной; флот противника в одночасье был уничтожен. Однако Гней Сципион не остановился на достигнутом. Отправив захваченные у противника корабли в Тарракон, он двинулся вдоль испанского побережья на юго-запад. Вскоре римляне пристали к берегу и разграбили принадлежавший карфагенянам город Онуса. Затем снова вышли в море и направились к Новому Карфагену. А Гасдрубал в это время пребывал в растерянности на берегах Ибера. Главный опорный пункт карфагенян в Испании мог рассчитывать только на оборонительные стены и мужество гарнизона.

Однако в планы Гнея Сципиона не входил штурм Нового Карфагена. Он ограничился тем, что опустошил окрестности и поджег строения, примыкавшие к городу. При этом была взята большая добыча.

Римляне покинули окрестности Нового Карфагена так же неожиданно, как и появились. Путь их лежал в Лонгутику. Там они тоже неплохо поживились, после чего направились к острову Эбус. Два дня они штурмовали главный город острова, но так и не смогли его взять. Считая дальнейшую осаду города делом бесполезным, Сципион велел

воинам обчистить окрестности и садиться на корабли. Перед самым отплытием к нему прибыли послы от Гасдрубала с просьбой о перемирии. Сципион ничего конкретного им не пообещал, зато узнал от них, что Гасдрубал уже покинул берега Ибера. Это побудило его прекратить поход и вернуться назад.

Как только победоносный римский флот вошел в устье Ибера, к Гнею Сципиону стали приходить послы от многих племен, даже тех, которые заселяли дальние области Испании. Они признали власть Рима и в знак своей верности дали заложников. Таким образом, обстановка в Испании была весьма благоприятной для римлян. Правда, оставался Гасдрубал со своей многочисленной сухопутной армией, но ведь и римское войско пополнилось за счет новых союзников. К тому же римляне господствовали на море.

В конце лета 217 года до н.э. в Испании произошли события, которые принесли римлянам новый успех.

В окрестностях города Кастулон вспыхнуло антиримское восстание. Подстрекаемые Гасдрубалом племена взялись за оружие. Во главе восстания встали братья Мандоний и Индибилис, вожди илергетов. Они начали грабить владения мирных союзников Рима. Узнав об этом, Гней Сципион выслал против них несколько тысяч легковооруженных воинов. В первой же схватке римлянам удалось разгромить войско восставших, однако сами они едва не были разбиты Гасдрубалом, который шел на выручку Мандонию и Индибилису. Римлянам оказали помощь их союзники илергавоны. Объединив свои войска, римляне и илергавоны в двух сражениях одержали победу над Гасдрубалом, уничтожив около пятнадцати тысяч его во-

инов и захватив в плен четыре тысячи. С остатками своей армии Гасдрубал убрался восвояси в Новый Карфаген.

* * *

Римский сенат знал о событиях, происходивших в Испании, так как Гней Сципион периодически докладывал о своих успехах. На одном из заседаний сенаторы постановили послать Гнею подкрепление в надежде на то, что он в ближайшем будущем полностью очистит Испанию от карфагенян. В срочном порядке провели дополнительный набор. Было набрано восемь тысяч легионеров, оснащено тридцать боевых кораблей и собрано большое количество провианта. Командующим над этим войском назначили Публия Корнелия Сципиона, который к этому времени окончательно оправился от ранения, полученного в битве при Тицине. Он был наделен проконсульскими полномочиями.

Осенью 217 года до н.э. Публий Сципион вышел в море и через несколько дней бросил якорь в Тарраконской гавани. Не застав брата в Тарраконе, он со своим сухопутным войском отправился на соединение с ним. Братья Сципионы встретились на берегу Ибера, где войско Гнея стояло лагерем. Они как следует отметили встречу и стали разрабатывать план на ближайшее будущее. Гней предложил отбить у карфагенян город Сагунт, из-за которого началась Вторая Пуническая война. Он располагал сведениями, что в Сагунте находятся заложники, взятые Ганнибалом со всей Испании накануне итальянского похода.

— Если мы их освободим, — говорил Гней, — у нас появятся новые союзники, ведь только этот залог и удерживает племена Испании от союза с нами.

– Прекрасная идея! – поддержал брата Публий.

– Тогда за дело! – воскликнул Гней.

И вот, переправив свое войско на правый берег Ибера, братья Сципионы направились к Сагунту. Несколько дней римское войско шло берегом моря. Местные жители радостно встречали римлян, с появлением которых связывали освобождение от ненавистного карфагенского гнета. Когда до Сагунта оставалось около сорока стадий, братья Сципионы остановились и велели воинам разбить лагерь. Место для лагеря было выбрано на возвышенности у храма Афродиты.

Сципионы решили дать воинам несколько дней отдыха перед штурмом Сагунта. Вскоре лагерная охрана доставила полководцам человека, который требовал личной встречи с ними. Когда его ввели в палатку, Публий Сципион спросил:

– Ты кто?

– Мое имя Абилиг, я ибер, нескольких лет служил карфагенянам, – отрапортовал незнакомец.

– Так служил бы им и дальше, – вступил в разговор Гней, – к нам-то зачем пожаловал?

– События последнего времени убедили меня, что военное счастье на стороне римлян; карфагенянам осталось недолго находиться в Испании.

– Спасибо за комплимент, – нашел место для шутки Гней Сципион.

– Стало быть, ввиду этого ты твердо решил изменить прежним хозяевам и перейти на службу к нам? – уточнил Публий Сципион.

– Да, это так, – подтвердил Абилиг, – более того, у меня есть конкретное предложения.

– Какое же?

– Мне известно, что вы собираетесь отбить у карфагенян Сагунт, чтобы освободить заложников.

– Возможно, это так, ну а ты-то тут при чем?

– Я знаю, как можно вывести заложников из Сагунта без кровопролития, – заявил Абилиг.

– Это уже интересно, – нараспев промолвил Гней Сципион. – Ну, давай, выкладывай свой план.

– Начальника карфагенского гарнизона в Сагунте зовут Бостар, – продолжал Абилиг. – Я его прекрасно знаю. Человек он бесхитростный и доверчивый. Пришел я к нему наемднн с амфорой дорогого вина и после второго кубка говорю: «Бостар, после того как римляне перешли Ибер, вам, карфагенянам, трудно будет удержать Испанию в повиновении страхом. Обстоятельства вынуждают вас заискивать перед подчиненными племенами. Если вы освободите заложников, то вернете себе расположение испанцев. Если не освободите, то за вас это сделают римляне, и тогда вся Испания пойдет за ними. Так что, Бостар, решайся». После этого мы осушили еще по несколько кубков, и Бостар согласился отпустить заложников и даже попросил, чтобы я развел их по домам.

– Ну и когда же вы условились приступить к делу? – спросил Публий Сципион.

– Завтра ночью.

– Итак, ты приведешь заложников к нам, а уж потом начнешь разводить их по домам, чтобы дело выглядело так, будто это мы освободили их.

– Именно так!

– А взамен ты чего требуешь?

– Я же уже сказал: хочу перейти на службу к вам; денег мне не надо, я и так человек богатый, – объяснил Абилиг.

– Ты можешь рассчитывать на признание римского народа, если справишься с передачей нам испанских заложников, – заверил Публий Сципион. – Итак, давай уточним, где и когда нам ожидать тебя с заложниками?

– Завтра ночью я приведу их к храму Афродиты, что недалеко от вашего лагеря.

– Мы будем ждать тебя. Да помогут тебе боги. До встречи!

На том они и расстались.

Абилиг вернулся в Сагунт под вечер и сразу улегся спать. Назавтра он отправился к Бостару и снова завел с ним разговор о заложниках. Бостар подтвердил свою готовность отпустить их, но сказал, что хотел бы получить личное вознаграждение от семей заложников. Абилиг сказал карфагенянину, что вскоре он станет настолько богатым, что ему понадобится отдельный корабль для отправки своего богатства родственникам в Карфаген.

Наконец прошел день, и на Сагунт опустились сумерки. Абилиг в сопровождении верных друзей пришел на старый стадион, на территории которого содержалось несколько сотен молодых заложников. Он велел заложникам подойти поближе и объявил, что намеревается вывести их из города и распустить по домам. Услышав это, заложники очень обрадовались, многие даже принялись кричать и пританцовывать от счастья. Абилиг просил их успокоиться и готовиться к выступлению.

В полночь Абилиг и заложники покинули Сагунт через ворота, которые были открыты по приказу Бостара. Никто из карфагенян их не сопровождал. Ночь выдалась темная. Это позволило Абилигу незаметно свернуть в сторону римского лагеря. Не прошло и часа, как заложники добрались до храма Афродиты, где их ожидали римские легионеры во главе с Гнеем Сципионом. Римляне ласково встретили молодых испанцев и проводили их в свой лагерь.

На следующий день перед заложниками выступил Публий Сципион. В своей краткой речи он

объявил, что все они свободны и могут возвращаться по домам. Но чтобы их опять не схватили пунийцы, он выделит им многочисленную охрану. Абилигу он велел не возвращаться до тех пор, пока последний из них не очутится у родного очага.

Заложники хором выкрикивали слова благодарности римскому полководцу, прославляли его великодушие. В полдень они покинули римский лагерь.

Братья Сципионы еще несколько дней простояли лагерем вблизи Сагунта. Между тем осень подходила к концу, время было весьма неблагоприятным, чтобы продолжать военные действия. Сципионы решили отложить штурм Сагунта до лучших времен и повели свое войско и флот на зимние квартиры в Тарракон.

Спустя месяц после того, как римляне укрылись за высокими стенами Тарракона, вернулся Абилиг. Он доложил Сципионам, что доставка заложников домой прошла благополучно. Сципионы сердечно поблагодарили его и назвали почетным другом римского народа. А вскоре в Тарракон стали прибывать послы от тех испанских племен, которым римляне вернули заложников. Они привозили богатые дары и ручались верой и правдой служить римлянам, быть надежными союзниками в войне с карфагенянами.

Так для братьев Сципионов закончился 217 год до н.э.

* * *

Весной 216 года братья Сципионы по жребию поделили между собой командование: Гнею досталось сухопутное войско, Публию — флот. Их противником в Испании по-прежнему оставался Гасд-

рубал Барка. Потерпевший несколько поражений в прошлом году, Гасдрубал «не доверял ни своему флоту, ни своим сухопутным силам; он держался вдали от неприятеля, защищаемый расстоянием и самой местностью», как об этом сообщает Тит Ливий. К тому же ему изменили многие испанские племена, которые открыто заявили о переходе на сторону римлян. Еще зимой в войске Гасдрубала началось массовое дезертирство воинов-испанцев. Ввиду этого полководец запросил подкрепления в Карфагене. И дождался его. Весной к нему прибыло четыре тысячи пехотинцев и пятьсот нумидийских и мавретанских всадников.

Получив подкрепление, Гасдрубал выступил в поход против тартесиев в надежде снова подчинить это многочисленное испанское племя, которое могло пополнить его войско несколькими тысячами воинов. Тартесии, узнав, что Гасдрубал идет на них войной, выбрали своим предводителем энергичного вождя Халба. Последний возглавил сильное войско и выступил навстречу карфагенянам, намереваясь разбить их в открытом сражении. Учитывая боевую мощь неприятеля, Халб действовал весьма осторожно. С каждым днем расстояние между противниками сокращалось. Вскоре у лагеря тартесиев появилась нумидийская конница, посланная Гасдрубалом грабить окрестности. Нумидийцы напали на людей, работавших на своих полях, и беспощадно убивали их. Это было хорошо видно из лагеря тартесиев. В лагере началось замешательство. Воины уговаривали Халба вести их в бой, но вождь медлил, опасаясь попасть в ловушку. Тем временем к лагерю подошло остальное карфагенское войско.

При виде вражеского войска тартесии пришли в такое неистовство, что сдержать их было уже не-

возможно, и Халб повел их в бой. Выбежав из лагеря, тартесии вступили в беспорядочное сражение с карфагенянами, которые даже не успели построиться в боевой порядок. Внезапное нападение противника, его безрассудная отвага поразили карфагенян. Какое-то время им, правда, удавалось сдерживать натиск тартесиев, но вскоре положение резко изменилось не в пользу карфагенян. Гасдрубал дал команду отступить на крутой холм, возвышавшийся над рекой, рассчитывая там перестроить свое войско. Однако сделать это ему не удалось. До конца дня произошло еще несколько ожесточенных схваток, которые закончились победой тартесиев. Тогда Гасдрубал велел возвести на скорую руку лагерь на вершине холма, где и укрыл свое войско.

В течение последующих дней схватки между карфагенянами и тартесиями продолжались с переменным успехом. В это время Халб отправил отряд конницы к городу Аскуя, где Гасдрубал оставил провиант, вступая на вражескую территорию. Город был взят с ходу. Карфагеняне остались без провианта. Гасдрубал понял, что если он не расправится с тартесиями, то все его войско погибнет. И он решился на приступ неприятельского лагеря. На этот раз удача сопутствовала карфагенянам. С первого же приступа они взяли плохо укрепленный лагерь противника и учинили там кровавую резню. Лишь немногим тартесиям удалось спастись бегством. Надо сказать, что и потери карфагенян были немалыми.

Победа Гасдрубала над тартесиями удержала остальные испанские племена от военных действий против карфагенян. Правда, они стали еще больше ненавидеть пунийцев, но вынуждены были смириться с существующим положением вещей.

Вскоре после расправы над тартезиями Гасдрубал получил приказ из Карфагена немедленно вести войско в Италию. Полководец недоумевал: неужели от него требуют оставить Испанию, на удержание которой за последние два года потрачено столько сил? Вне себя от злости он написал письмо карфагенским властям: «Если я двинусь в Италию, то не успею перейти Ибер, как вся Испания будет римской. Ведь у меня нет ни войска, ни полководца, которого я оставил бы вместо себя, а у римлян в Испании не один, а два опытных военачальника, которым и я едва могу противостоять даже при равенстве сил. Если в Карфагене хоть сколько-нибудь думают об Испании, то пусть пришлют сюда другого военачальника и другое войско».

Ответа ждать пришлось недолго. Власти Карфагена не изменили своего решения. Правда, они сообщили Гасдрубалу, что уже послали в Испанию новое войско и флот под командованием Гимилькона.

Действительно, Гимилькон вскоре прибыл в Испанию. При встрече он передал Гасдрубалу приказ карфагенских властей поторопиться с отправкой в Италию. От него требовали побыстрее набрать из испанцев войско и вести его на соединение с Ганнибалом. Гасдрубалу ничего не оставалось, как приступить к выполнению приказа. Он разослал во все концы Испании гонцов с требованием прислать к нему воинов и деньги.

Какое-то время Гасдрубалу удавалось держать в тайне истинную цель своих приготовлений. Как только войско было готово к выступлению, он двинулся к берегам Ибера. Тем временем наступило лето.

О действиях Гасдрубала стало известно братьям Сципионам. Они заподозрили, уж не собирается ли Гасдрубал покинуть Испанию и идти в Италию.

– Ганнибал один замучил Италию, а если к нему присоединится Гасдрубал со свежими силами, то римскому государству придет конец, – с тревогой заметил Гней Сципион.

– Я полностью согласен с тобой, брат, – сказал Публий Сципион. – Нам необходимо срочно идти ему навстречу и остановить его.

Сципионы отобрали лучших воинов и в спешном порядке выступили к берегам Ибера. Вскоре они переправились через реку и остановились лагерем в том месте, где, по их мнению, Гасдрубал намеревался переправиться через Ибер. И они не ошиблись в своих расчетах. Вскоре, действительно, подошел Гасдрубал и расположился лагерем на расстоянии всего пяти миль от римлян.

Несколько дней противники стояли друг против друга. Ежедневно происходили стычки между их конными отрядами. «И вот, словно сговорившись, – пишет Тит Ливий, – в один и тот же день обе стороны дали сигнал к битве и всем войском вышли на равнину. Римское войско стояло в три ряда; застрельщики частью между передовыми, частью – позади знамен, конники окружали фланги. У Гасдрубала середина строя была крепка испанцами; на правом фланге он поставил пунийцев, на левом – африканцев и вспомогательные отряды наемников, пунийской пехоте придал конницы нумидийцев, а остальную конницу – африканцам на флангах. Не все нумидийцы были помещены на правом фланге, но только конники с двумя лошадьми как опытные наездники в пылу ожесточенной битвы привычно перепрыгивали в полном вооружении с усталой лошади на свежую: так ловки они сами и так выучены их лошади.

Выстроенные таким образом войска стояли одно против другого, и на обеих сторонах надеж-

ды полководцев были почти одинаковы: войска ни численностью, ни составом своим не уступали одно другому, но настроение у воинов было очень разное. Предводители римлян, хотя и сражавшихся вдали от отечества, легко убедили своих, что сражаются они за Италию и за Рим: солдаты, понимая, что их возвращение домой зависит от исхода битвы, твердо решили победить или умереть. В другом войске такой решимости не было: большинство в нем были испанцы, которые предпочитали поражение в Испании победе, после которой их поволокнут в Италию. При первом же столкновении, едва успели метнуть копья, как солдаты в середине Гасдрубалова строя стали отступать, а когда римляне стремительно на них кинулись, повернулись и побежали. На флангах сражались решительнее. Римлян теснили с одной стороны пунийцы, с другой — африканцы; приходились, словно попав в окружение, отбиваться на две стороны, но когда между неприятельскими флангами оказалось все римское войско, у него хватило сил удержать их разъединенными. Теперь шли как бы два разных сражения; в обоих римляне, которые, разгромив середину вражеского строя, превосходили противника и численностью, и мужеством, одержали несомненную победу. Людей было убито множество; если бы испанцы, едва вступив в сражение, не кинулись врассыпную, то мало кто уцелел бы из всего войска. Конница и вовсе не вступила в битву: когда мавры и нумидийцы увидели, что середина строя не выдерживает натиска, они побежали, оставив фланги неприкрытыми и угоняя с собой слонов. Гасдрубал, медливший до самого конца сражения, бежал сопровождаемый немногими. Лагерь его римляне взяли и разграбили. Если среди испанцев и были какие-то колебания, то победа

соединила Испанию с Римом. Гасдрубалу нечего было и думать о походе в Италию; небезопасно было и оставаться в Испании».

Итак, римляне одержали полную победу в битве при Ибере; армии Гасдрубала более не существовало. Испанцы, которые по принуждению воевали на стороне карфагенян, перешли на сторону римлян. Братья Сципионы отнеслись к ним великодушно: тех, кто хотел, они отпустили домой без выкупа, но большинство изъявило желание воевать под их знаменами. Таким образом, римская армия значительно пополнилась.

Несколько дней Сципионы простояли лагерем у Ибера: хоронили погибших, лечили раненых. Затем они победным маршем двинулись вглубь Испании. Где бы они ни проходили, испанские племена встречали их с большой радостью. Дойдя до Лузитании, римское войско повернуло обратно и благополучно добралось до Тарракона.

* * *

Тем же летом произошла еще одна битва. Это была знаменитая битва при Каннах, в которой Ганнибал нанес римлянам сокрушительное поражение.

Накануне битвы римская армия насчитывала восемьдесят тысяч пехотинцев и шесть тысяч всадников; командовали ею консулы Луций Эмилий Павел и Гай Теренций Варрон. У Ганнибала было сорок тысяч пехоты и четырнадцать тысяч конницы.

По инициативе консула Варрона римляне вышли в поле недалеко от города Канны и построились в боевой порядок. В центре расположилась тяжелооруженная пехота. Глубина построения достигала семидесяти рядов. Конница заняла фланги.

Ганнибал построил свои войска в форме полумесяца, обращенного своей выпуклой стороной к противнику. В центре находился двадцатитысячный корпус галльской и испанской пехоты. Это была самая слабая часть карфагенского войска. Лучшая пехота, состоявшая из карфагенян, была расположена на флангах и немного отодвинута назад. Оба конца полумесяца замыкались отрядами конницы по семь тысяч всадников каждый.

Римляне первыми атаковали карфагенян. Их главный удар пришелся на слабый центр неприятеля. Под давлением превосходящего по силе противника галлы и испанцы стали отступать. Вскоре римская пехота втянулась в глубину карфагенского войска. Тем временем карфагенская конница устремилась в обход наступающей римской армии. Увидев это, римляне прекратили наступление; их задние ряды повернулись, чтобы защищать себя от внезапного нападения. Справа и слева в атаку на римлян ринулась отборная карфагенская пехота. Вскоре римляне были полностью окружены, их ряды смешались, началась паника. Между тем успех окрылил карфагенян, и они с невиданным азартом принялись уничтожать противника.

Разгром римлян был ужасающим: они оставили на поле битвы пятьдесят четыре тысячи убитыми, причем погиб один из консулов, Луций Эмилий Павел. Несколько тысяч римлян попали в плен. Лишь немногим удалось спастись. Среди них был и Публий Сципион-младший.

Молодой Сципион принимал участие в битве при Каннах в качестве военного трибуна второго легиона. Подразделение, которым он командовал, мужественно сражалось с карфагенянами и понесло большие потери. Когда исход битвы был очевиден, Сципион предпринял все возможное, чтобы

вывести остатки своего подразделения в безопасное место. Ему удалось прорваться сквозь линию врага и уйти от преследования. С наступлением темноты он привел своих уцелевших воинов в город Канузий. Туда же удалось пробиться еще трем военным трибунам: Фабию Максиму, Луцию Публицию Бибулу и Аппию Клавдию Пульхру.

На следующий день трибуны собрались на совещание, пригласив на него представителей знатных семей, которые занимали должности пониже. Им следовало решить, что делать дальше. Настроение у собравшихся было подавленное, никто не решался выступить первым. Наконец слово взял Публий Фурий Фил.

– Положение римского государства отчаянное, – начал он. – Вчера мы сделали, что смогли, а сегодня нам следует подумать, как бы спастись самим.

На какое-то время наступило глубокое молчание, которое нарушил Марк Цецилий Метелл.

– Я полностью согласен с Публием Фурием, – сказал он. – Нам нужно пробиться к морю – только там мы можем найти спасение.

Публий Сципион считал, что такие предложения были недостойны римского гражданина. Желая положить конец подобному малодушию, он выхватил меч и, размахивая им над головами собравшихся, воскликнул:

– Долг римского гражданина побуждает меня произнести клятву, что я не брошу в беде государство и не потерплю, чтобы его бросил кто-то из вас. Я требую, Публий Фурий и Марк Цецилий, чтобы вы и все, кто присутствует здесь, тоже поклялись; на того, кто не поклянется, поднят мой меч.

В эти минуты глаза Публия блестели так, что собравшимся показалось, будто в его образе к ним

явился сам бог войны Марс. Куда только девалось недавнее малодушие и нерешительность! Все как один вскочили с мест и, выхватив мечи, произнесли ту же клятву, что и Сципион. После этого Сципиона и Аппия Клавдия выбрали предводителями.

Вскоре стало известно, что консул Варрон цел и невредим и находится в городе Венузий. Сципион и Аппий Клавдий послали к нему гонца спросить, что им делать. Консул велел оставаться в Канузии и ждать его прибытия. И действительно, он не замедлил со своим появлением. Варрон принял находившихся в Канузии легионеров под свое командование, а молодым трибунам объявил благодарность.

Так Публий Сципион совершил еще один подвиг, проявив себя в трудную для отечества минуту не только незаурядным командиром, но и настоящим гражданином Римской республики.

* * *

Летняя кампания 216 года до н.э. потребовала от братьев Сципионов больших затрат; они истратили все деньги, которые у них имелись, на выплаты жалованья морякам, легионерам и союзникам. В связи с этим они отправили в Рим письмо, в котором просили прислать им денег на содержание войска. Когда письмо было прочитано в сенате, сенаторы развели руками: о какой финансовой помощи может быть речь, если казна совершенно пуста. В битвах с Ганнибалом погибло огромное количество римских граждан, плативших налоги государству. Откуда взять деньги? Вместе с тем в Риме ценили успехи Сципионов в Испании и понимали, что удержание этой страны имеет большое значение. В конце концов сенат постановил оказать по-

мощь Сципионам провиантом и амуницией. В городе нашлось немало истинных патриотов, взявших на себя расходы за поставку в Испанию продовольствия, одежды, оружия и доспехов.

Между тем в Карфагене были встревожены потерей большей части Испании. Члены карфагенского совета предприняли необходимые меры, чтобы поправить положение дел в Испании. Прежде всего туда были направлены дополнительные войска, которое совсем недавно собирались отправить в Италию. Первым в Испанию прибыл Магон, брат Ганнибала, с тринадцатитысячным войском и двадцатью боевыми слонами. Он привез с собой тысячу талантов серебра. Эти деньги предназначались не только для выплаты жалованья наемникам, значительная их часть должна была пойти на подкуп вождей испанских племен с целью опять переманить их на свою сторону.

Вслед за Магоном в Испанию прибыл еще один карфагенский полководец – Ганнибал, сын Бомилькара. Под его началом было войско не меньшее, чем у Магона. Таким образом, карфагеняне в короткий срок восстановили свои силы в Испании. Теперь там было три полководца – Гасдрубал Барка, Магон Барка и Ганнибал, сын Бомилькара. Численность их войск превышала шестьдесят тысяч. Можно было приступить к возобновлению военных действий. И карфагенские полководцы не замедлили с этим, невзирая на то что уже наступила осень.

Зная, что братья Сципионы удалились в Тарракон, где намеревались расположиться на зимние квартиры, Гасдрубал, Магон и Ганнибал двинулись к испанскому городу Илитургис, расположенному на реке Бетис. В этом городе находился сильный римский гарнизон, оставленный Сципионами.

Илитургис был хорошо укреплен, и взять его с ходу не удалось. Карфагенские полководцы осадили город. Одновременно они посылали конные отряды грабить владения испанских племен, перешедших на сторону римлян.

Узнав об этом, братья Сципионы решили идти на помощь осажденному Илитургису и союзникам-испанцам. Они отобрали из своего войска шестнадцать тысяч лучших воинов, что составило четыре легиона, и форсированным маршем двинулись к Илитургису. Сципионы догадывались, что противник располагает значительно большими силами, но недавние победы придавали им уверенность. Тем не менее действовали они весьма осторожно.

Через каких-то полмесяца Сципионы подошли к Илитургису. Здесь им стало известно, что карфагенские полководцы расположились тремя лагерями на значительном расстоянии друг от друга и осажденного города. Осада Илитургиса велась вяло и неумело, что позволило городу продержаться до прихода римского войска.

Сципионы доставили в город провиант, в котором уже возникла нужда, и призвали жителей и далее мужественно защищать свой город. Затем они приняли смелое решение напасть на один из карфагенских лагерей, которым командовал Гасдрубал Барка. Фактор неожиданности сослужил римлянам хорошую службу. Они подошли к лагерю готовые к битве, в полном боевом порядке. Заметив уступающего по численности неприятеля, Гасдрубал дал сигнал к битве. Беспорядочной толпой карфагеняне вывалили из лагеря в поле, где их ожидали стройные ряды римского войска. Завязалась жаркая схватка. С самого начала перевес был на стороне римлян, которые сразу же охладили боевой пыл карфагенян.

Гасдрубал, который наблюдал за битвой из лагеря, понял, что допустил оплошность, поспешив вывести войско в поле. Пытаясь исправить свою ошибку, он приказал выпустить против римлян тридцать боевых слонов. Но эта мера оказалась безуспешной, наоборот, от слонов больше пострадали карфагеняне, так как четвероногие гиганты вышли из повиновения и начали давить своих. Тогда Гасдрубал отправил гонцов к своему брату Магону и Ганнибалу, сыну Бомилькара, с просьбой о помощи. Но помощь запоздала.

Вступая в битву с Гасдрубалом, Сципионы ничуть не сомневались, что Магон и Ганнибал придут к нему на помощь. Так оно и случилось. Первым подошел Магон. Однако его появление несколько не смутило римлян. Окрыленные успехом и разгоряченные битвой, они дружно ударили по новому вражескому войску, не дав ему построиться для битвы. Не прошло и часа, как войско Магона побежало. А Ганнибал и вовсе замешкался. Он был молод и неопытен. Это сыграло на руку римлянам. Перестроив свои ряды, они напали на войско Ганнибала и тоже обратили его в бегство.

К вечеру римляне захватили все три неприятельских лагеря. Остатки шестидесятитысячной карфагенской армии рассеялись по окрестностям. Когда на следующий день римляне подсчитали потери неприятеля, то оказалось, что у карфагенян погибло около двадцати тысяч воинов и несколько тысяч попало в плен. Добыча, которую римляне взяли в трех карфагенских лагерях, превзошла все ожидания. Например, в лагере Магона победители обнаружили нетронутыми те деньги, которые он привез в Испанию из Карфагена – тысячу талантов серебра. Этого должно было хватить Сципионам надолго на снабжение своей армии и флота.

С Илитургиса была снята осада. Жители города благодарили Сципионов за то, что они не бросили их на произвол судьбы. Вслед за этим римлянами был освобожден город Интибилис, ранее захваченный карфагенянами. Многие мужчины этих городов, в основном жадная до подвигов молодежь, влились в римское войско. Кроме того, под знамена Сципионов встали испанцы из окрестных селений, горя желанием отомстить карфагенянам за недавние грабежи. За их счет римское войско значительно пополнилось.

Между тем карфагенские полководцы оправились от поражения. Объединив остатки своих войск и получив подкрепление из Нового Карфагена в виде сорока девяти боевых слонов, они рассчитывали дать Сципионам новое сражение. И это сражение произошло. Только и на этот раз карфагеняне потерпели сокрушительное поражение, оставив на поле битвы тринадцать тысяч воинов.

О возобновлении военных действий со стороны карфагенян не могло быть и речи. Карфагенские полководцы увели остатки своего войска в безопасные приморские районы Испании, а римское войско с победой вернулось в Тарракон, где наконец расположилось на зимние квартиры.

* * *

После нескольких поражений в 216 году до н.э. карфагеняне оправились не сразу, вследствие чего следующий год в Испании прошел спокойно. Зато в 214 году они снова напомнили о себе. К этому времени в Испанию прибыл еще один полководец — Гасдрубал, сын Гискона. Он заменил Ганнибала, сына Бомилькара, так как тот проявил себя бездар-

ным военачальником. Таким образом, в Испании по-прежнему находилось три карфагенских армии.

Летом Гасдрубал и Магон Баркиды выступили в поход против союзных Риму испанских племен. Сципионы в это время пребывали в Тарраконе. Это позволило карфагенянам разбить большое войско испанцев, которое было собрано на скорую руку, и овладеть огромной территорией. Карфагенские полководцы вели свои войска к берегам Ибера.

Каждый день в Тарракон на взмыленных конях прибывали гонцы от испанских племен с просьбами о помощи. На военном совете братья Сципионы приняли решение идти на помощь союзникам.

Первым Тарракон покинул Публий Сципион с передовым отрядом. Вслед за ним снялся с лагеря Гней.

Переправившись через Ибер, Публий Сципион подошел к тем местам, где уже хозяйничали карфагеняне. Он расположился лагерем у Белой Крепости. Буквально на следующий день у римского лагеря появилась вражеская конница, которая не давала возможности римлянам спокойно выйти на заготовку дров. Публий Сципион вынужден был перенести лагерь в более спокойное место и остановился у горы Победы. Несколько дней прошло спокойно. Однако вскоре разведчики доложили, что в окрестностях появилось вражеское войско, которым командовал Гасдрубал, сын Гискона.

Публий Сципион с отрядом легковооруженных воинов вышел осмотреть местность и поближе разглядеть противника. Во время этой вылазки римляне столкнулись с отрядом карфагенской конницы. Завязалась неравная схватка, в которой погибла треть римлян. И остальных ожидала бы та же участь, не уведи их Сципион на соседний

холм. Расположившись там, римляне организовали круговую оборону. Однако дела их были плохи. Враги наседали со всех сторон. Еще немного, и они были бы перебиты все до одного, не появившись в этих местах второе римское войско под командованием Гнея Сципиона. Заметив, что свои в опасности, он вовремя пришел на выручку, отогнав карфагенских всадников, которые уже радовались победе.

Дальнейшие события этого лета развивались следующим образом. Римлянам стало известно, что карфагеняне опять осадили город Илитургис, где стоял римский гарнизон. Гней Сципион немедленно выступил на помощь. Ему пришлось с боями продвигаться по территории, занятой врагами. Тем не менее он без особых потерь пробился к осажденному Илитургису и вошел в него. Спустя несколько дней Гней сделал вылазку из города и неожиданно напал на карфагенян, беспечно покинувших свой лагерь. Удача сопутствовала римлянам. В завязавшемся сражении они положили около двенадцати тысяч врагов. Карфагеняне спешно покинули окрестности Илитургиса и отошли к союзному Риму городу Биггера, который осадили. Однако осада длилась недолго. Едва Гней Сципион подошел к Биггере, как карфагеняне сняли осаду и убралась восвояси, направившись к городу Мунда. Гней Сципион последовал за ними по пятам.

Вскоре произошла еще одна битва. Длилась она всего четыре часа. Этого времени римлянам хватило, чтобы одержать решающую победу. Однако в конце битвы, когда карфагеняне уже начали отступать, Гнея Сципиона ранило копьем в бедро. Известие о ранении полководца внесло смятение в ряды римских воинов. Они опасались, как бы

рана не оказалась смертельной, и поэтому остановили преследование, дав карфагенянам возможность укрыться в лагере.

Вопреки опасениям легионеров, рана Сципиона оказалась не опасной, правда, он лишился возможности ходить. Ему соорудили носилки, и буквально на следующий день он велел выступить вслед за отступающим противником, рассчитывая добить его окончательно.

Войско Гнея Сципиона нагнало карфагенян у города Авринга. Невзирая на ранение Сципион решил дать еще одно сражение. На передовую его вынесли на носилках. Так он и командовал битвой. Римские легионеры словно сговорились отомстить за ранение своего любимого полководца и дрались с удвоенной отвагой. И на этот раз они одержали победу, усеяв поле битвы трупами врагов. По окончании битвы к ногам Гнея Сципиона было брошено пятьдесят восемь вражеских знамен.

Таким образом, в 214 году до н.э. братья Сципионы расстроили планы карфагенских полководцев, не дав им отвоевать Испанию. В том же году римляне наконец освободили город Сагунт, из-за которого началась Вторая Пуническая война.

Как сообщает Тит Ливий, в следующем году «в Испании не произошло ничего достопамятного». Желая укрепить свое войско, Сципионы призвали на службу испанцев и сформировали из них по римскому образцу несколько вспомогательных отрядов. Не забывая о многострадальной Италии, где по-прежнему хозяйничал Ганнибал, они послали туда более трехсот знатных и влиятельных испанцев с целью отговорить своих соплеменников от службы в карфагенской армии.

* * *

Летнюю кампанию 212 года до н.э. братья Сципионы решили посвятить полному изгнанию карфагенян из Испании. Они считали, что сил у них для этого достаточно. Приготовления начались еще зимой. В римскую армию было призвано двадцать тысяч испанцев.

Сципионы тщательно разработали план военных действий. Им было известно, что два карфагенских полководца – Гасдрубал, сын Гискона, и Магон Барка – объединились, а третий – Гасдрубал Барка – стоит лагерем у города Амторгис. Римские полководцы разделили свои силы и договорились, кому из них с кем придется воевать. Публию Сципиону достались две трети римского и союзнического войска. Он взял на себя Магона и Гасдрубала. Гнею Сципиону следовало воевать с Гасдрубалом Баркой. Под его началом была оставшаяся треть римских легионеров и союзники-испанцы.

Сципионы выступили в поход одновременно, но в разных направлениях. Они и предположить не могли, что видятся в последний раз.

Гней Сципион отправил впереди себя испанских союзников. Вскоре они добрались до Амторгиса, где стоял лагерь Гасдрубал Барка, и расположились вблизи неприятеля в ожидании римского войска. Этим воспользовался карфагенский полководец. Он отправил в лагерь испанцев верных людей, которые от его имени принялись уговаривать испанских вождей покинуть римлян. Вначале испанцы ни в какую не соглашались, но потом в ход пошли деньги, и Гасдрубалу удалось добиться своего: вожди испанцев клятвенно заверили его, что оставят римлян, как только дело дойдет до сражения. Так оно и случилось.

Когда Гней Сципион подошел к Амторгису, то нашел лагерь союзников почти пустым. У остав-

шихся испанцев он спрашивал, что случилось. Испанцы отвечали, что их соплеменники разошлись по домам из-за внутренних распрей. Даже дождавшихся его прихода испанцев ему так и не удалось уговорить остаться. Таким образом, Гней Сципион лишился половины войска в самый неподходящий момент, когда неприятель находился совсем рядом и мог напасть в любой момент. Единственным правильным решением в сложившейся ситуации было отступление, что и сделал Гней Сципион. Однако Гасдрубал Барка, чувствуя, что его час настал, двинулся вслед за ним с превосходящим по численности войском, стараясь помешать ему соединиться с братом.

* * *

Тем временем и у Публия Сципиона возникли проблемы. Как уже говорилось, он выступил против Магона и Гасдрубала, сына Гискона, надеясь разгромить их в одном сражении. Однако в пути ему пришлось столкнуться с многочисленной нумидийской конницей, которой командовал энергичный и воинственный вождь по имени Массиниса. Тит Ливий пишет, что Массиниса «двинулся со своей нумидийской конницей навстречу Публию Сципиону и затем ни днем ни ночью не давал римлянам ни отдыха, ни сроку: он не только захватывал солдат, далеко ушедших за дровами и фуражом, но носился вокруг лагеря, часто врвался в линию сторожевых постов и учинял невероятный беспорядок. Часто его ночной налет приводил в трепет находившихся в лагере; римлянам приходилось быть всегда настороже — и в лагере, и за его воротами, загнанные в лагерь, они были отрезаны от всего жизненно необходимого».

Таким образом, нумидийская конница сковала действия римского войска. Между тем Магон и Гасдрубал стягивали свои войска к лагерю Сципиона. С каждым днем положение римлян становилось все более опасным. А тут еще поступило сообщение, что вождь илергетов Индибилис идет на соединение с карфагенскими полководцами с семью с половиной тысячами воинов.

Публию Сципиону следовало что-то срочно предпринимать. И он принял рискованное решение покинуть лагерь и выступить навстречу Индибилису. Для охраны лагеря, который мог еще пригодиться, он оставил своего легата Тиберия Фонтея, выделив ему несколько сот легионеров. Сам же с основными силами выступил под покровом ночи. Покидая лагерь, Сципион рассчитывал незаметно ускользнуть от всадников Массинисы. И действительно, нумидийцы не заметили, как римляне покинули лагерь.

На рассвете войско Сципиона столкнулось с отрядом Индибилиса. Завязалась неравная схватка. Еще немного и римляне расправились бы с испанцами, но вдруг на них с тыла и флангов налетела нумидийская конница. На какое-то время римляне пришли в замешательство. Публию Сципиону пришлось личным примером ободрять легионеров.

Около двух часов продолжалось сражение с нумидийцами, и римлянам в конце концов удалось бы справиться с ними, но тут Сципиону доложили о приближении основного карфагенского войска.

«Этого еще не хватало», — только и сказал Сципион. Вскочив на коня, он взобрался на соседний холм и оттуда увидел, что карфагенское войско в полном боевом порядке приближается к месту сражения. Он также окинул взглядом свое собствен-

ное войско. Оно было полностью расстроено. Чтобы построить его для битвы требовалось немало времени, а враг находился уже совсем близко. Оставалось надеяться только на удачу.

Окруженные со всех сторон, римляне сражались с отвагой обреченных. Публий Сципион появлялся в тех местах, где его воинам приходилось труднее всего. Однако силы были неравными. И все же, как бы худо ни приходилось римлянам, они продержались до самого вечера. Несколько тысяч полегло на поле битвы. Остальные еще надеялись дождаться наступления ночи и под покровом темноты ускользнуть от неприятеля.

В разгар битвы к Публию Сципиону подобрался нумидийский всадник и метнул в него дротик. Смертоносное оружие угодило полководцу в правый бок, поразив печень. Сципион выронил окровавленный меч и мертвым свалился с лошади. Нумидиец завопил от восторга, оповещая своих, что предводитель римлян убит. Вскоре весть о гибели Сципиона облетела поле битвы: карфагеняне торжествовали, римляне упали духом. Отдельными отрядами они кинулись бежать, пытаясь пробиться сквозь вражеский строй. Некоторым это удалось. Но карфагенские полководцы организовали преследование, во время которого, по словам Тита Ливия, «бежавших погибло, пожалуй, больше, чем пало на поле брани, да никто бы и не остался в живых, если бы не темнело так быстро и не наступила ночь».

Так было уничтожено одно римское войско в Испании и погиб доблестный полководец, одно имя которого наводило ужас на карфагенян.

* * *

Одержав победу над Публием Сципионом, карфагенские полководцы Магон и Гасдрубал, сын Гискона, буквально на следующий день покинули поле битвы, даже не дав своему войску как следует отдохнуть. Они спешили на соединение с Гасдрубалом Баркой, чтобы всеми силами навалиться на второе римское войско под командованием Гнея Сципиона.

Известие о гибели брата и полном разгроме его войска дошло до Гнея Сципиона лишь через несколько дней и очень опечалило его. Однако обстановка не позволяла долго предаваться скорби. Гней Сципион прекрасно понимал, что, объединив свои силы, карфагенские полководцы ударят по нему. Его положение было незавидным: союзники-испанцы ушли, в его распоряжении не более двух легионов, есть проблемы со снабжением войска продовольствием. А тут еще и неприятель может нагрянуть со дня на день. Единственный путь к спасению — уйти к берегам Ибера, а там добраться до Тарракона и укрыться за его высокими стенами. Гней Сципион принял решение отступать. Снявшись с лагеря, его войско двинулось на восток.

Римляне шли ускоренным маршем, стараясь как можно дальше оторваться от врагов. Два дня прошли спокойно. Однако на третий день появилась нумидийская конница под предводительством Массинисы. Нумидийцы словно бестии стали нападать на отступающих римлян. Они совершали стремительные налеты то с тыла, то с флангов, в результате которых десятками гибли римские легионеры. Временами римляне останавливались и пробовали защищаться, но в таких случаях нумидийцы быстро отступали. А потом все начиналось сначала.

Гней Сципион ободрял своих воинов как мог. Он требовал защищаться на ходу, не останавлива-

ясь и не замедляя движения. Полководец был уверен, что вслед за нумидийской конницей идет многочисленное карфагенское войско – оно-то и представляет основную опасность.

С каждым днем римское войско продвигалось вперед все медленнее. Останавливаясь на ночлег, римляне всякий раз возводили лагерь на скорую руку. Однажды на рассвете они покинули лагерь, но не успели пройти и пяти миль, как нумидийская конница преградила им путь на широкой равнине. Сципион остановил войско. Он разгадал замысел противника: карфагенские полководцы приказали нумидийцам остановить его, дав возможность остальному карфагенскому войску догнать римлян.

Построив войско в боевой порядок, Гней Сципион повел его на нумидийцев. До самого вечера продолжалось ожесточенное сражение. Римляне изо всех сил пытались расчистить себе дорогу, но им это не удалось. В сумерках Сципион приказал остановить сражение.

Для разбивки лагеря Сципион выбрал пологий холм. Однако поблизости не было деревьев, чтобы обнести лагерь частоколом. Попытка вырыть вокруг лагеря ров и насыпать вал оказалась неудачной: почва была чересчур каменистой. Чтобы создать какое-то подобие вала, Сципион велел использовать тюки с поклажей и повозки. Когда это было сделано, римляне расположились на ночлег.

На рассвете следующего дня они обнаружили, что окружены: к востоку от них находилась нумидийская конница, а с трех других сторон стояло готовое к битве многочисленное карфагенское войско. Оценив обстановку, Гней Сципион понял, что местом для битвы будет территория лагеря. Он велел трубить сигнал к бою.

Невзирая на малочисленность, римлянам все же удалось продержаться до полудня. Большинство из них полегло с оружием в руках. Видя, что битва проиграна, Гней Сципион с остатками войска предпринял отчаянную попытку прорваться сквозь вражеские ряды. Попытка удалась, но в погоню за отрядом римских храбрецов пустилась нумидийская конница. Об организованном отступлении не могло быть и речи; римляне спасались, кто как мог.

Гней Сципион и еще несколько человек из его окружения укрылись в доме, случайно попавшемся по пути. Однако это было ненадежное убежище. Вскоре враги окружили дом и подожгли его со всех сторон. Гней Сципион и его товарищи по несчастью считали ниже достоинства римского гражданина сдаваться врагу и предпочли заживо сгореть.

Так погибло второе римское войско в Испании вместе со своим полководцем. По свидетельству Тита Ливия, это произошло через двадцать девять дней после гибели Публия Сципиона.

Братья Сципионы до конца выполнили свой гражданский и воинский долг. «О смерти их, — пишет Ливий, — сильно скорбели в Риме и не меньше — по всей Испании: граждан печалила потеря войска и провинции и беда, постигшая всех. Испания горько оплакивала Сципионов, особенно Гнея: он дольше управлял страной, первый завоевал любовь населения, первый показал, как справедливы и воздержны римляне».

* * *

Прежде чем перейти к повествованию о следующем герое нашей книги — Публии Корнелии Сципионе Африканском, — следует рассказать о том,

что же случилось с остатками римского войска в Испании, иначе не совсем понятным будет ход дальнейших событий.

Нескольким сотням римских легионеров все же удалось выйти невредимыми из побоища на холме. Они добрались до лесистой местности и на какое-то время укрылись там. Среди них был Луций Марций. Совсем молодым он в 218 году до н.э. вместе с консулом Публием Сципионом отправился воевать в Испанию. Когда командование римским войском в Испании перешло к Гнею Сципиону, Марций служил под его началом и участвовал во всех его кампаниях. Он был человеком незаурядным и на редкость одаренным, что способствовало продвижению по службе. Сначала он был рядовым легионером. Затем отличился в нескольких битвах с карфагенянами, и Гней Сципион назначил его центурионом. В последней битве Гнея Сципиона Луций Марций участвовал уже в звании военного трибуна.

Этот человек и возглавил уцелевших после побоища на холме легионеров. Он привел их в прежний лагерь Публия Сципиона, которым командовал легат Тиберий Фонтей. Соединившись, они еще лучше укрепили лагерь и стали дожидаться, когда до них доберутся воины из римских гарнизонов, оставленных братьями Сципионами в испанских городах. Ждать пришлось около месяца, и лишь затем они снялись с лагеря и направились к берегам Ибера. Путь был не близкий. В любой момент можно было столкнуться с врагом, поэтому римляне передвигались в основном по ночам. Добравшись наконец до Ибера, они переправились на левый берег и разбили лагерь.

По должности старшим считался Тиберий Фонтей. Но за последнее время легионеры настолько по-

любили Луция Марция, что на воинской сходке единодушно избрали его своим командиром. Тиберию Фонтею пришлось сложить свои полномочия.

Получив командование, Луций Марций занялся укреплением лагеря и сбором продовольствия. Легионеры охотно выполняли его приказы и распоряжения. Ему удалось наладить контакты с местными жителями и получить от них подкрепление. Это было очень кстати, ибо вскоре разведчики доложили, что на противоположном берегу Ибера стоит карфагенское войско под командованием Гасдрубала, сына Гискона. Было очевидно, что карфагеняне задумали полностью выдворить римлян из Испании. Появления противника на левом берегу реки можно было ожидать со дня на день.

Так оно и случилось. Вскоре передовые отряды карфагенского войска подошли к римскому лагерю. Луций Марций велел трубачу трубить сигнал к битве. Услышав его, легионеры возроптали. Многие усомнились, правильное ли решение принял их молодой командир, решив вступить в битву с превосходящим по численности противником; не лучше ли готовиться к обороне лагеря или вовсе отступить. Тщетно центурионы пытались успокоить воинов. Луций Марций метался по лагерю, призывая легионеров братья за оружие. Он всячески старался убедить их, что можно одержать победу даже малыми силами, стоит этого захотеть.

Тем временем карфагеняне подошли вплотную к лагерю и громкими криками стали вызывать римлян на битву. Римляне молча смотрели на них из-за лагерного частокола. И тут случилось неожиданное: сердца бывалых римских воинов наполнились гневом, в них вселилась отвага, они разом схватились за оружие и потребовали вести их в бой. Луций Марций только этого и ждал. Он приказал от-

крыть ворота, и легионеры с воинственными криками выбежали из лагеря и неистово набросились на противника.

Карфагеняне никак не ожидали такого маневра. Поведение римлян привело их в замешательство, нагнало страху. Они сначала попятились, а потом и вовсе побежали. Римляне устремились вслед за ними. Настигая бегущих врагов, они беспощадно рубили их мечами, пронзали копьями.

Луций Марций находился в первых рядах. От его меча погиб уже не один карфагенянин. Битва разгорячила его. Однако как опытный командир он понимал, что чересчур долгое преследование противника может оказаться роковым для его небольшого войска. Предоставив воинам возможность утолить свой гнев, он в конце концов дал сигнал к возвращению в лагерь. Многие легионеры не послушались его и продолжали избиение бегущих врагов. Таких молодому командиру пришлось останавливать силой.

Более двух миль римляне преследовали карфагенян. Нехотя возвращаясь в лагерь, они нашли все это пространство усеянным телами врагов. Среди мертвых попадалось немало раненых; римляне безжалостно добивали их. Вернувшись наконец в лагерь, победители расположились на отдых.

Только Марцию было не до отдыха. Уединившись в своей палатке, он анализировал недавнюю схватку и раздумывал над тем, как быть дальше. Он несколько не сомневался, что завтра карфагенский полководец Гасдрубал предпримет еще одну попытку захватить римский лагерь. «Не лучше ли, не дожидаясь завтрашнего дня, – размышлял Марций, – нанести противнику еще один неожиданный удар, напав ночью на его лагерь, который практически не укреплен и плохо охраняется».

Кому-нибудь другому эта идея показалась бы бредовой: что могла сделать горстка римлян против целой армии? Однако Марций был человеком решительным, для него был приемлем оправданный риск. «Внезапность – вот наш главный помощник, – продолжал он свои размышления. – Если мы нападём на карфагенян ночью, когда они будут спать, то многие из них не увидят завтрашнего утра».

Приняв окончательное решение, Луций Марций собрал воинов на сходку и посвятил их в свой план.

«Сегодня ночью мы нападём на пунийцев, – сказал он. – Их лагерь не укреплен, у них нет ни передовых постов, ни караульных. Под покровом темноты и в полной тишине мы ворвемся в неприятельский лагерь и учиним там избиение, от которого я благоразумно остановил вас во время сегодняшней вылазки. Призываю вас быть храбрыми и решительными и приказываю в точности выполнять все мои команды, и тогда завтра утром вы вновь станете победителями».

Легионерам понравился план командира, и они единодушно поддержали его. Разойдясь по палаткам, они принялись приводить в порядок оружие и доспехи. Затем был ужин, после которого воины несколько часов поспали. В полночь они, хорошо отдохнув, поднялись, облачились в доспехи и стали ждать сигнала к выступлению.

Первыми Луций Марций выслал из лагеря когорту пехоты и отряд конницы. Он велел им обойти карфагенский лагерь и, зайдя в тыл, спрятаться в засаде, чтобы во время ожидаемого отступления карфагенян напасть на них.

Подождав, пока передовой отряд удалится, он дал приказ к выступлению. Стараясь не шуметь, римляне направились к неприятельскому лагерю.

В ту ночь, как и предполагал Марций, карфагеняне не выставили караульных постов и стражи около ворот. Это позволило римлянам беспрепятственно войти в их лагерь. Подождав, пока его воины рассредоточатся по лагерю, Луций Марций велел трубачу протрубить сигнал к бою. И тут началось... Римляне разом навалились на спящих врагов. Одни кололи их копьями и рубили мечами, другие поджигали палатки и соломенные хижины, третьи, заняв позицию у лагерных ворот, готовились встречать беглецов.

Карфагеняне не сразу сообразили, в чем дело. В первые же минуты схватки их погибло около тысячи, так и не проснувшись. Те, кому удалось избежать римского меча или копья, пустились в бегство к лагерным воротам, однако там их уже ждали римляне. Те же, кому посчастливилось вырваться наружу, натолкнулись на засаду и были перебиты.

Когда дело подходило к концу, к Марцию прискакал гонец из засадного отряда с сообщением, что милях в шести обнаружен еще один карфагенский лагерь. Гонец также сообщил, что там еще не знают об уничтожении первого лагеря. Разгоряченный битвой, Марций принял молниеносное решение атаковать второй лагерь противника. Он дал сигнал сбора, и когда легионеры собрались вокруг него, сказал им о своем решении. «Веди нас скорее, пока не поубавился боевой пыл», — услышал он в ответ.

На рассвете римляне подошли ко второму лагерю и спрятались в густом кустарнике, откуда было хорошо видно, что карфагеняне уже поднялись. Многие из них разбрелись — кто за дровами, кто напоить коня в протекавшем поблизости ручье. Большинство же лениво лежали возле еле дымящихся костров. Оружие небрежно валялось

прямо на земле. Караульных нигде не было видно, передовые посты тоже отсутствовали. Короче, царила полная беспечность.

Оценив обстановку, Луций Марций дал сигнал к атаке. Римляне высыпали из кустарника и бегом устремились на противника. Они бежали молча, стараясь как можно дольше не обращать на себя внимание. И надо сказать, что им это удалось: их заметили лишь тогда, когда они были уже на валу. Встретив слабое сопротивление у ворот, они ворвались в лагерь. Тут-то карфагеняне поняли, что на них напали, и стали хвататься за оружие. Кое-как им удалось организовать сопротивление, но когда они заметили, что щиты и доспехи римлян обильно забрызганы кровью, им стало ясно, что те уже побывали в первом лагере и учинили там резню. У карфагенян началась паника, которая и явилась причиной повального бегства.

В этом лагере находился и полководец Гасдрубал, сын Гискона. Увидев, в чем дело, он даже не попытался остановить своих воинов. Вскочив на коня, Гасдрубал в окружении телохранителей покинул лагерь через еще не занятые римлянами тыловые ворота.

К полудню карфагенский лагерь оказался в руках у римлян. Карфагеняне, которым удалось убежать, даже не думали возвращаться. Это дало римлянам возможность спокойно собрать добычу в двух лагерях. А добыча была богатейшей.

В течение нескольких дней римляне оставались на поле битвы. Они собирали оружие, доспехи, ловили вражеских лошадей и все это отправляли в свой лагерь. Они также произвели подсчет убитых врагов. По сообщению Тита Ливия, погибло около тридцати семи тысяч карфагенян. Невероятно, но исторический факт.

«Это наша расплата за Публия и Гнея Сципионов!» – воскликнул Луций Марций, осматривая груды вражеских трупов.

Собрав добычу и похоронив павших, римляне перенесли свой лагерь ближе к Тарракону и расположились там на зимние квартиры. Луций Марций послал в Рим донесение о своих действиях и большую часть добычи, среди которой был серебряный щит Гасдрубала с его изображением. Вскоре из Рима пришел ответ: сенат благодарил Марция за отвагу и умелое ведение боевых действий, а также велел оставаться на занятых позициях и дожидаться дальнейших распоряжений.

Решительные действия Луция Марция показали, что в Испании для римлян еще не все потеряно, можно начать сначала, стоит только собраться с силами.

Когда в Риме появилась надежда удержать Испанию, туда послали подкрепление – шесть тысяч пехоты и триста всадников. Их привел военачальник Гай Клавдий Нерон. Он принял под свое командование небольшое войско Луция Марция. Теперь римское войско насчитывало около десяти тысяч воинов. Прибавив к нему вспомогательные отряды союзников, Нерон выступил против Гасдрубала Барки, который стоял лагерем у Илитургиса. Он горел желанием дать битву карфагенянам. Но до битвы дело так и не дошло. Гасдрубал уклонился от нее и увел свое войско к Сагунту, где расположился на зимние квартиры. Нерону пришлось вернуться на левый берег Ибера.

Часть 2

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ — ПОБЕДИТЕЛЬ ГАННИБАЛА

В Риме не сразу назначили нового командующего на место погибших Сципионов: шла осада города Капуя, который перешел на сторону Ганнибала. Но как только Капуя была взята, вспомнили об Испании. В сенате на должность проконсула в Испании было предложено несколько кандидатур, но кандидаты добровольно отказались возложить на себя бремя ответственности. Тогда сенаторы приняли решение созвать Народное собрание, что делалось в Риме в исключительных случаях: пусть народ сам решает, кому возглавить испанскую армию.

И вот настал день, когда римские граждане собрались на Марсовом поле. Однако и на этот раз никто не соизволил подняться на помост, сооруженный специально для кандидатов. Консулы Гней Фульвий Центимал и Публий Сульпиций Гальба неоднократно спрашивали у сограждан, кого они хотели бы видеть продолжателем дела погибших братьев Сципионов. Народ молчал.

И тут случилось невероятное: на помост для кандидатов поднялся молодой Публий Корнелий Сципион и смело заявил, что он притязает на должность проконсула. Сначала по Народному собранию прошел шумок, затем наступило еще более глубокое молчание. Римляне, и стар и млад, устремили на Сципиона оценивающие взгляды. У многих появилось сомнение: не издевается ли над ними

молодой патриций, которому шел только двадцать пятый год, и по возрасту он не мог быть выбран проконсулом, ибо еще не был даже претором.

Видя растерянность и недоумение сограждан, Публий Сципион заявил, что намерения у него самые серьезные.

– Я готов заменить отца и дядю в Испании и смогу очистить ее от пунийцев! – воскликнул он.

Люди почувствовали, что молодой человек вполне искренен, их сомнения исчезли. Народное собрание приветствовало Сципиона одобрительными криками. Поступило предложение голосовать. Результаты голосования были ошеломляющими: за Сципиона отдали голоса все до единого человека. Это означало, что народ вручил ему власть и командование в Испании.

Когда Публий уже в должности проконсула спустился с помоста, к нему подбежал его старший брат Луций.

– Поздравляю, Публий! – радостно воскликнул он, обнимая брата. – Я никак не ожидал от тебя такого. Почему ты не сказал мне заранее о своем решении. Да и вообще, что тебя побудило к такому поступку?

– Сновидение, брат, сновидение, – ответил Публий. – И долг римского гражданина.

– Опять сновидение? – удивился Луций и, обняв брата, повел его домой поскорее сообщить матери о неожиданной удаче.

Однако уже на следующий день в Риме возникли сомнения насчет выбора молодого Сципиона на такую ответственную должность, от которой отказались многие опытные и бывалые люди. Не повторит ли Сципион роковых ошибок Гая Фламиния у Тразименского озера и Гая Теренция Варрона в битве при Каннах?

Публию Сципиону пришлось снова убеждать сограждан в правильности выбора. «Он созвал народ, — пишет Тит Ливий, — и с таким же воодушевлением говорил и о своем возрасте, и о врученной ему власти, и о предстоящей войне, что остывшее расположение вспыхнуло с новой силой; он внушил людям более верную надежду, чем та, какую обычно внушает вера в человеческое обещание, или доверие к своему избраннику, или разумное убеждение, подсказанное достигнутым успехом... Он убедил толпу, что действует, повинувшись сновидениям и ниспосланным с неба знамениям». И на этот раз римляне, народ суеверный и набожный, окончательно поверили ему, поверили, что он послан богами на погибель карфагенянам.

* * *

Сенат постановил дать Публию Сципиону десять тысяч легионеров и тысячу всадников. Под его командование отходило и то войско, которое находилось в Испании. Помощником и военным советником молодому полководцу назначили Марка Юния Силана, который уже исполнял должности претора и пропретора и имел богатый военный опыт. В качестве легатов с ним отправлялись его брат Луций и друг детства Гай Лелий. Для переправки войска в Испанию было выделено тридцать квинквирем¹.

Осенью 211 года до н.э. проконсул Публий Корнелий Сципион покинул Италию. Через несколько дней он прибыл в Эмпорию. Здесь пехотинцы сошли на берег. Сципион решил идти в Тарракон пешим маршем, чтобы заранее приучить

¹ Квинквирема — корабль с пятью рядами гребцов.

свое войско, в котором было много новобранцев, к тяготам войны. Флот он вверил Гаю Лелию.

Наконец Сципион прибыл в Тарракон. Весть о его назначении уже распространилась по Испании, и в Тарракон прибыли послы от испанских племен, в том числе и тех, которые недавно изменили Риму. Сципиону пришлось уделить им несколько дней. «Послы беспокоились, ведь столько всего случилось, — пишет Тит Ливий. — Но Сципион отвечал им с большим достоинством, с полной уверенностью в себе; у него не вырвалось ни одного оскорбительного слова — во всем, что он говорил, ощущалось не только величие, но и доверие».

После этого Сципион велел вытащить корабли на берег, так как приближалась зима. Заботу о них он по-прежнему поручил Гаю Лелию, а сам направился в лагерь, где размещалось войско Гая Нерона и Луция Марция. Приняв от них командование, он обратился к воинам с речью, в которой поблагодарил их за усердную службу, особенно тех, кто сражался под знаменами его отца и дяди.

«Потерпев поражение в двух битвах и потеряв своих полководцев, — говорил он, — вы, тем не менее, не утратили мужества и, сплотившись вокруг доблестного Луция Марция, не только уцелели для следующих битв, но и не допустили, чтобы карфагеняне утвердились на левом берегу Ибера. Честь и хвала вам за это!».

Гай Клавдий Нерон, сдав свои полномочия, отбыл в Рим, а Луция Марция Сципион оставил при себе, оказывая ему большой почет и прислушиваясь к его советам. Командующим в лагере он оставил Марка Юния Силана, а сам отправился навещать союзные испанские племена, жившие на левом берегу Ибера. Испанцы встречали его восторженно. Их поражало внешнее сходство Публия с

отцом и дядей, с которыми они много лет сотрудничали. Сципион договорился с вождями племен, что весной они пришлют к нему вспомогательные отряды и тогда можно будет возобновить войну с карфагенянами.

Лишь в середине зимы Публий Сципион вернулся в Тарракон и приступил к разработке плана летней кампании.

* * *

Раздумывая над планом предстоящей кампании, Публий Сципион прежде всего собрал сведения о противнике. Оказалось, что карфагенские полководцы стоят на зимних квартирах в разных местах Испании, на значительном отдалении друг от друга: Гасдрубал, сын Гискона, расположился у города Гадес на берегу Атлантического океана, Магон – в Лузитании на берегах реки Таг, Гасдрубал Барка – в области, принадлежащей племени карпетанов. Сципиону доложили, что между карфагенскими полководцами нет согласия, они постоянно ссорятся, особенно два Гасдрубала. Испанцы, которые то поодиночке, то небольшими группами прибывали к Сципиону в Тарракон, жаловались, что карфагеняне обращаются с их соплеменниками чересчур жестоко; от каждого племени было взято большое количество заложников и отправлено в Новый Карфаген. Именно это и удерживает испанцев от восстания против угнетателей.

Проанализировав собранные сведения, Сципион сначала склонился к мысли, что ему следует сразиться с противником поочередно. Но потом возникли сомнения: если он разобьет одного вражеского полководца, не нападут ли на него, объединив-

шись, два других. В таком случае он запросто может оказаться в положении отца и дяди. Нет, только не это! И Сципион отказался от этой мысли.

В дальнейшем внимательно рассматривая карту Испании, он сосредоточил свое внимание на Новом Карфагене, который оставался опорной базой карфагенян, и в его голове созрел другой план: захватить Новый Карфаген. Полководец начал собирать сведения об этом городе. Вскоре ему стало известно, что Новый Карфаген чуть ли не единственный город в Испании, располагающий удобными гаванями. Именно туда прибывают подкрепления из Африки. Там имеется казначейство, которое выдает огромные денежные суммы на нужды трех армий; там в большом количестве хранятся продовольственные припасы, оружие и амуниция. Наконец, в Новом Карфагене содержатся заложники со всей Испании, что позволяет карфагенянам держать в покорности испанские племена, взимать с них непомерную дань и брать наемников.

От моряков из Массалии, неоднократно бывавших в Новом Карфагене, Сципион получил подробную информацию о расположении города. Расскажем о нем словами историка Полибия, лично побывавшего там. «Карфаген находится посередине морского берега Иберии [то есть Испании] в заливе, обращенном к юго-западу, имеющем в глубину стадий¹ двадцать, а ширину входа около десяти стадий. Весь залив получает значение гавани, и вот по какой причине: у входа в него лежит остров, по обеим сторонам которого остаются лишь узкие проходы внутрь залива. Так как морская волна задерживается у острова, то во всем

¹ Стадий — греческая мера длины в 192 м.

заливе господствует затишье, если только не производят волнения юго-западные ветры, врывающиеся обоими проходами внутрь залива; другие ветры не имеют сюда доступа благодаря замыкающему залив материку. В глубине залива выдается в виде полуострова возвышенность, на которой и расположен город. С востока и юга он омывается морем, с запада и севера к нему прилегает лагуна, так что свободная полоса земли от озера до моря, соединяющая город с материком, имеет не больше двух стадий в ширину. Что касается самого города, то внутренняя часть его представляет собой впадину; с южной стороны от моря к городу ведет ровная местность; с прочих сторон город окружают холмы, из которых два имеют вид крутых возвышенностей, остальные три гораздо ниже, но скалисты и недоступны. Самая значительная возвышенность господствует над городом с востока и тянется к морю; на ней находится святилище Асклепия. Противолежащий этому холм на западной стороне похож на него по виду... Три остальные меньшие возвышенности замыкают город с севера. Одна из них обращена на восток и называется холмом Гефеста; следующая за ней носит имя Алет... Третий холм называется холмом Крона. Ради рыбаков лагуна соединена искусственно с морем, а для доставки в город припасов из окрестностей вьючными животными или на повозках жители перекинули мост в том месте, где водораздел пересекается».

К этому следует добавить, что Новый Карфаген населяли в основном ремесленники и рыбаки, которым совершенно чуждо военное дело. В то время город охранялся гарнизоном в тысячу воинов, которым командовал комендант по имени Магон.

Все тщательно обдумав, Публий Сципион принял окончательное решение захватить Новый Карфаген. К осуществлению своего плана он рассчитывал приступить с наступлением весны, когда армии противника будут еще размещены на зимних квартирах. При этом Сципион учел и то, что каждый из карфагенских полководцев к моменту штурма города будет находиться на расстоянии не менее десяти дневных переходом и не сможет помешать римлянам.

Какое-то время Сципион хранил план взятия Нового Карфагена при себе и лишь позднее, когда продумал все до мелочей, посвятил в него своего друга, легата Гая Лелия. Последний одобрил грандиозный замысел молодого полководца и очень обрадовался, узнав, что ему в этом предприятии отведена роль начальника флота. Остальное войско оставалось в неведении; legionеры знали только то, что с наступлением весны им предстоит переправиться через Ибер и двинуться вглубь Испании, где их ждут серьезные испытания.

* * *

В последние дни зимы 210 года до н.э. Публий Сципион покинул Тарракон, началась его первая испанская кампания. Вскоре его войско подошло к лагерю на левом берегу Ибера, которым командовал Марк Силан. Здесь Сципион провел смотр войска и обратился к воинам с речью. В своей речи он вспомнил седую старину, былые поражения и победы римского народа, своих отца и дядю, особое внимание уделил противнику, с которым придется иметь дело. Но и тут ни словом не обмолвился о том, что собирается вести войско на штурм Нового Карфагена. В конце молодой полководец об-

ратился с призывом к ветеранам, много лет воевавшим под знаменами отца и дяди: «Вперед, ветераны! Ведите за собой через Ибер новое войско и нового полководца! Ведите нас в те земли, которые прежде исходили вдоль и поперек, где совершили немало ратных подвигов. Пока вы видите во мне лишь внешнее сходство с отцом и дядей, но, клянусь богами, не далек тот день, когда каждый из вас, глядя на меня, скажет: родился новый Сципион».

* * *

На следующий день Сципион переправил войско через Ибер и двинулся вдоль морского побережья в направлении Нового Карфагена. Он вел с собой двадцать пять тысяч пехоты и две с половиной тысячи конницы. В лагере на левом берегу Ибера остался Марк Силан с тремя тысячами пехотинцев и тремя сотнями всадников.

Через семь дней римское войско подошло к Новому Карфагену и расположилось лагерем с северной стороны города. Сципион велел оградить лагерь снаружи валом и двойными окопами, а со стороны города велел вовсе не возводить укреплений. Как только это было сделано, ему доложили о прибытии флота. Он отправил посыльного за Гаем Лелием. Встретившись с ним, Сципион приказал ему войти в гавань и запереть город со стороны моря.

Вечером того же дня полководец собрал воинов внутри лагеря и снова обратился к ним с речью.

«Я знаю, — сказал он, — вы удивлены, что я привел вас сюда. Многие думают, что я задумал захватить один только этот город, но они глубоко ошибаются. Захватив Новый Карфаген, мы захватим всю Испанию. Посудите сами, ведь здесь находится все необходимое для карфагенских войск: и день-

ги, и оружие, и припасы. Овладев всем этим, мы обескровим три армии противника, сделаем их беспомощными. Наконец, здесь содержатся заложники со всей Испании, освободив которых, мы вернем себе прежних союзников. Итак, завтра я поведу вас на штурм; дело будет жаркое, многие погибнут. Но я уверен, что уже завтра к вечеру город будет наш. Вы спросите, откуда я это знаю? Ну что ж, я отвечу: недавно мне приснился сон, в котором явился сам Нептун и обещал оказать свое содействие во время штурма. Как видите, боги на нашей стороне, остальное придется сделать самим. Тем храбрецам, которые первыми заберутся на городскую стену, я обещаю золотые венки за храбрость».

Произнеся речь, Сципион распустил воинов, приказав им пораньше лечь спать, так как завтра придется вставать ни свет ни заря. Вокруг лагеря он выставил усиленные караульные посты. Обойдя весь лагерь и лично убедившись, что все в порядке, он удалился в свою палатку и уснул.

В тот же день в Новом Карфагене тоже велись приготовления к боевым действиям. Как уже говорилось, у коменданта города Магона была всего тысяча воинов. Чтобы увеличить свои силы, он вооружил две тысячи горожан, умевших владеть оружием. Этого было, конечно, крайне недостаточно, так что приходилось уповать на высоту и прочность оборонительных стен.

Римляне поднялись с рассветом. Как следует подкрепившись, они взялись за приготовления. Через три часа Сципион дал сигнал к штурму. Целый легион двинулся к городским стенам, неся с собой длинные лестницы. Легионерам оставалось пройти совсем немного, как неожиданно открылись ворота и оттуда появились вооруженные карфагеняне. С громкими криками они устремились на про-

тивника. Завязалась жаркая схватка, в начале которой перевес был на стороне карфагенян. Римлянам пришлось отступить до самого лагеря.

Наблюдая за схваткой, Сципион увидел, что карфагеняне достаточно далеко удалились от города, и бросил на них дополнительные силы, чтобы полностью уничтожить. Положение резко изменилось. Потеряв много своих, карфагеняне пустились наутек. Римляне преследовали их до самых ворот и, вероятно, ворвались бы в город вслед за бегущими, если бы Сципион не дал отбой.

Как бы там ни было, римляне очутились у самых стен. Это дало им возможность приступить к штурму. К стенам были приставлены лестницы, и легионеры стали взбираться по ним.

Сципион лично командовал штурмом. При нем находились три щитоносца, которые заслоняли его от вражеских стрел и дротиков. Присутствие полководца ободряло воинов, во всяком случае, они знали, что он видит, кто из них храбр, а кто трусит.

Карабкающим по лестницам легионерам приходилось не сладко. Защитники города метали в них дротики, сбрасывали бревна и камни, длинными баграми сталкивали лестницы. Бывало, лестницы ломались под тяжестью людей, и те насмерть разбивались при падении. Один за другим гибли римские воины. Невзирая на это, Сципион продолжал штурм. На место погибших и раненых он посылал новых легионеров. Только к полудню он велел трубить сигнал к отступлению. Подобрав погибших и раненых, римляне вернулись в лагерь.

Видя, что противник, не добившись успеха, отходит, карфагеняне высыпали на стены и огласили воздух радостными криками, некоторые из них даже пустились в пляс.

По возвращении в лагерь Сципион велел всем легионерам, принимавшим участие в штурме, отдыхать, а вместо них послал к стенам других. Как раз в это время к нему прибыло несколько человек, внешний вид которых выдавал в них рыбаков. Они сообщили ему, что начался отлив.

– Прекрасно! – воскликнул полководец.

Взяв с собой пятьсот отборных воинов, он направился к лагуне, которая омывала стены города. Очутившись на месте, римляне заметили, как вода стремительно убывает; лагуна мельчала на глазах. И тут они поняли, что Сципион решил подвести их к городу именно этим путем.

– Я же говорил, нам поможет Нептун, – сказал Сципион и первым вошел в воду.

Карфагеняне никак не ожидали, что римляне догадаются подойти к их городу со стороны лагуны, и поэтому в этом месте оставили стену незащищенной. Пока внимание защитников было сосредоточено на другом участке города, отряд Сципиона незаметно подошел к стене и, приставив лестницы, беспрепятственно взобрался на нее. Первым был легионер Квинт Треллий. Очутившись наверху, он помахал руками, обращая на себя внимание полководца, и выкрикнул свое имя в надежде, что после захвата города Сципион наградит его золотым венком.

Взошедшим на стену воинам Сципион приказал пробиться к воротам и открыть их, а сам в сопровождении нескольких человек поспешил туда, где часть его войска по-прежнему безрезультатно штурмовала город.

Римлянам, которые уже проникли внутрь, сопутствовала удача. Вскоре они пробились к воротам и, перебив находившихся там карфагенян, стали рубить засовы. Через несколько минут ворота распахнулись, и в город хлынули легионеры.

Как только Сципион увидел, что в Новый Карфаген вошло достаточно много воинов, он приказал одним истреблять всех, кто будет оказывать сопротивление, других повел к акрополю, где засел гарнизон. Комендант Магон сначала хотел было обороняться, но, увидев численное превосходство противника и его решительность, сдался.

Между тем приближалась ночь. Сципион дал сигнал отбоя, по которому резня в городе закончилась. Часть легионеров он отправил в лагерь, с остальными остался охранять город, разместившись на акрополе. У городских ворот была выставлена стража, а по стенам расхаживали римские караульные.

На следующий день в Новом Карфагене начались грабежи. Добыча сносилась на главную площадь города. Она была огромна. Полибий указывает, что одних только денег набралось около шестисот талантов. Кроме того было много золотой и серебряной посуды, ювелирных изделий. Победителям досталось большое количество оружия и осадных орудий. На продовольственных складах обнаружили столько пшеницы и ячменя, что войску Сципиона хватило бы на несколько лет. В гавани было захвачено более шестидесяти грузовых кораблей с зерном, оружием, бронзой и тканями.

В плен попало десять тысяч карфагенских граждан. Сципион объявил их рабами римского народа, но обещал им свободу, если они будут усердно выполнять его распоряжения. Из пленных он отобрал две тысячи ремесленников. Примерно такое же количество здоровых и сильных мужчин было отправлено на корабли в качестве гребцов, которых не доставало римскому флоту. Остальным карфагенянам Сципион разрешил разойтись по домам.

Затем полководец занялся заложниками, которых насчитывалось несколько сот. «Детей он под-

зывал к себе по одному, — пишет Полибий, — ласкал их и просил ничего не опасаться, так как, говорил он, через несколько дней они снова увидят своих родителей. Что касается остальных, то всем им он предлагал успокоиться и написать родным прежде всего о том, что они живы и благополучны, потом, что римляне желают отпустить всех их невредимыми по домам, если только их родные вступят в союз с римлянами. С этими словами он наделил их довольно ценными подарками, приличными возрасту и полу каждого, которые ради этого заранее выбрал из добычи; девушкам раздавал серьги и запястья, а юношам кинжалы и мечи».

Среди заложников была жена вождя илергетов Мандония и две ее юные племянницы, дочери Индибилиса. Пожилая женщина беспокоилась, чтобы римляне не изнасиловали ее племянниц. Она просила у Сципиона заступничества, и тот заверил ее, что никто из легионеров пальцем не тронет девушек, и они могут спокойно дожидаться, когда за ними приедут родственники.

В тот же день легионеры привели к Сципиону молодую и очень красивую испанку. Они думали, что полководец сделает ее своей наложницей. Увидев девушку, Сципион был поражен ее красотой. Он попросил приближенных оставить его наедине с ней. Предложив девушке сесть, он начал расспрашивать, кто она такая, кто ее родители. Девушка рассказала о себе. Из ее рассказа Сципион узнал, что она дочь влиятельного и богатого отца, что у нее есть жених по имени Аллуций, сын одного из испанских вождей. Она давно вышла бы замуж за Аллуция, если бы карфагеняне не заставили отца отдать ее в заложницы.

«Тебе не стоит бояться меня, — сказал Сципион, выслушав ее, — я не стану покушаться на твою

девственность; наоборот, немедленно отправлю людей к твоим родителям и жениху – пусть приедут и заберут тебя без всякого выкупа. Ну, а пока поживи у меня, тебя окружают почетом и уважением, как будто ты моя сестра».

Разобравшись с заложниками, Сципион принялся делить добычу среди воинов. Его квестор¹ Гай Фламиний подсчитал, какую сумму должен получить каждый легионер. Полководец увеличил эту сумму в полтора раза. При этом он пообещал легионерам и впредь не скупиться на добычу, лишь бы они усердно служили на благо римского государства.

Пришло время вручить золотые венки наиболее отличившимся при штурме воинам. Сципион своими глазами видел, как рядовой легионер Квинт Требеллий первым взобрался на стену. Ему-то он и хотел отдать высокую награду, но неожиданно объявился еще один претендент на золотой венок. Это был Секст Дигитий, служивший во флоте. Он утверждал, что первым из моряков взобрался на стену, когда римский флот предпринял атаку на Новый Карфаген с моря. У Дигития было немало свидетелей, в том числе и Гай Лелий.

Не долго думая Сципион надел золотые венки на головы одному и другому. Третий золотой венок достался Гаю Лелию за умелое командование флотом. Кроме этого Гай Лелий получил из добычи в качестве вознаграждения сумму, равную стоимости тридцати быков, как об этом пишет Тит Ливий. Более скромные награды были вручены и многим другим легионерам, центурионам и военным трибунам. В результате войско осталось довольным своим полководцем.

¹ Квестор – казначей.

Павших во время штурма легионеров похоронили со всеми воинскими почестями, а их долю добычи Сципион распорядился отослать родственникам.

Затем Сципион послал в Рим Гая Лелия с донесением о взятии Нового Карфагена. Вместе с ним в Рим были отправлены комендант Магон и пятнадцать членов городского совета Нового Карфагена, захваченные в плен. Гай Лелий взял с собой значительную часть добычи и несколько грузовых кораблей с зерном.

Сципион еще более недели оставался в Новом Карфагене. Он не бездействовал, а непрестанно заботился о своей войске, «упражняя в военном искусстве и воинов, и моряков. В первый день легионеры в полном вооружении пробежали четыре мили; на второй – получили приказ: сидя у палаток, почистить и привести в порядок свое оружие; на третий – биться деревянными мечами, разыгрывая настоящее сражение, и метать друг в друга тупые дротики; на четвертый – им дали отдых; на пятый – опять бег с оружием. Такое чередование труда и отдыха соблюдалось, пока стояли в Новом Карфагене. Гребцы и моряки, выйдя в тихую погоду в открытое море, проверяли подвижность своих судов в примерных морских сражениях. Эти упражнения на суше и на море, за городом, укрепляли тело и поддерживали воинский дух. В городе было шумно: ремесленники, запертые в городской мастерской, изготавливали различное оружие. Сципион одинаково внимательно следил за всем: он бывал на судах и в доках, бегал вместе с легионерами, следил за работами в мастерских, на оружейных складах и в доках, где огромное множество работников трудилось, состязаясь друг с другом». Так Тит Ливий описывает то, что в те дни творилось в

Новом Карфагене. Дополняя его, Полибий называет Новый Карфаген настоящей «мастерской войны».

Как раз в это время в город стали прибывать родственники испанских заложников. Среди прочих были родители и жених красавицы-испанки, которую Сципион держал при себе, оберегая ее честь. Придя к нему, они сложили к его ногам большое количество дорогих подарков. Сципион категорически отказался принять их. Отец девушки был огорчен его отказом.

– Если этого мало, я привезу еще столько же, – заявил он.

– Мне не нужно ни золото, ни серебро, – сказал Сципион. – Лучшим подарком для меня будет, если ты и твой будущий зять станете друзьями римского народа.

Услышав слова Сципиона, юноша, которого, как уже говорилось, звали Аллуций, протянул полководцу руку и крепко пожал ее.

– Более преданного друга, чем я, ни тебе, ни римлянам не найти, – громко произнес он, – и я скоро докажу это.

– Так-то лучше! – воскликнул Сципион. – Ну а теперь забирай свою невесту, а выкуп, который твой тесть принес мне, пусть будет вам свадебным подарком.

Долго еще Аллуций, его невеста и ее родители благодарили Сципиона. Они пригласили его на свадьбу и были очень огорчены, когда тот деликатно отказался, сославшись на массу неотложных и важных дел.

Во второй половине марта 210 года до н.э. Публий Сципион покинул Новый Карфаген. Он оставил в городе сильный гарнизон, а сам направился в Тарракон. Туда же двинулся и его флот, увозя с собой много оружия и зерна.

Когда римское войско подходило к берегам Ибера, к Сципиону снова явился Аллуций. Он привел с собой отряд отборной конницы в тысячу четыреста человек.

– От такого подарка, Аллуций, я не откажусь, – обрадовался Сципион.

– Так сделай и ты мне подарок, – попросил Аллуций.

– Какой же?

– Позволь служить под твоими знаменами.

– С удовольствием позволяю, мой дорогой друг.

* * *

Целый год Публий Сципион провел в Тарраконе, занимаясь своим войском. Вначале он думал, что карфагенские полководцы после потери Нового Карфагена, объединив свои силы, предпримут попытку отвоевать город и перейти в наступление. Однако проходили месяцы, а карфагеняне бездействовали в отношении римлян. Стараясь выместить злобу, они еще больше стали угнетать испанские племена. Свободолюбивые испанцы не стерпели этого и начали переходить на сторону римлян.

Первым к Сципиону прибыл влиятельный вождь эдетанов Эдекон, приведя с собой целое войско. Его жена и дети были заложниками карфагенян и теперь находились у римлян. Встретившись со Сципионом, Эдекон заявил, что в силу сложившихся обстоятельств он переходит на его сторону.

– Если ты признаешь меня своим другом и союзником, – говорил Эдекон, – то извлечешь из этого большую выгоду: ведь как только испанцы узнают, что я на твоей стороне, они тоже захотят стать союзниками Рима.

– Эдекон, ты поступаешь благоразумно, протягивая руку дружбы мне и римскому народу, – ответил Сципион. – Я принимаю твою дружбу и в подтверждение этого возвращаю тебе твоих жену и детей.

В течение нескольких дней Эдекон находился в Тарраконе и каждый день благодарил Сципиона за возвращение родных. Затем он удалился в свои владения, оставив римскому полководцу несколько тысяч воинов. Вскоре стало известно, что пример Эдекона вдохновил других испанских вождей, и они явились к нему с просьбами принять их под свое покровительство.

Только Мандоний и Индибилис, вожди илергетов, пока не давали о себе знать. Их жена и дочери по-прежнему находились у Сципиона, и он твердо решил не отпускать их, пока муж и отец сами не приедут за ними. Полководец чувствовал, что рано или поздно это случится, и терпеливо ждал.

Между тем Мандоний и Индибилис тоже подумывали, как бы оставить карфагенян, которые совсем обнаглели, требуя от них все больше и больше денег на содержание своего войска. Они находились в лагере Гасдрубала Барки, который стоял в верхнем течении реки Бетис у города Бекула. Улучив удобный момент, когда Гасдрубал отсутствовал, они покинули карфагенский лагерь и направились в Тарракон, к Сципиону.

* * *

В начале весны 209 года до н.э. Сципион решил выступить в поход. В его планы входило сразиться с Гасдрубалом Баркой, который находился ближе остальных карфагенских полководцев. К сожалению, античные историки не называют численность его войска. Надо полагать, что за прошед-

ший год оно возросло вдвое за счет союзников-испанцев. К тому же, покидая Тарракон, Сципион велел вытащить корабли на берег, и за счет моряков пополнил свои сухопутные силы.

Переправившись через Ибер, римское войско двинулось вглубь Испании. На третий день пути римляне столкнулись с большим отрядом испанцев. Сципион подумал, что это авангард Гасдрубала Барки, и уже собирался дать приказ коннице атаковать противника. Но тут от испанцев прибыли парламентарии с сообщением, что вожди илергетов Мандоний и Индибилис желают встретиться и поговорить с римским полководцем.

– Ну наконец-то! – воскликнул Сципион и в сопровождении Гая Лелия и ликторов выехал вперед. Навстречу ему приближались Мандоний и Индибилис. Поравнявшись, они первыми приветствовали Сципиона. Затем Индибилис обратился к нему с речью.

– Было время, – сказал он, – когда я и мой брат Мандоний служили твоему отцу и дяде, но затем перешли на сторону карфагенян. Не буду оправдываться, ссылаясь на разного рода обстоятельства: нашему поступку нет оправдания. Нынче мы явились к тебе, и ты, пользуясь своим превосходством, можешь схватить нас и казнить, а наших воинов перебить или продать в рабство. Но мы знаем, что ты великодушен и не сделаешь этого. Поэтому мы просим тебя дать нам еще одну попытку, и мы сделаем все возможное, чтобы искупить свое прежнее преступление, и усердной службой вернуть доверие римского народа.

– Хорошо, – промолвил Сципион, – от имени римского народа я прощаю вам вашу вину и принимаю под свои знамена, но вы должны принести клятву верности.

– Клянемся, что душой и телом будем служить тебе и Риму, – в один голос произнесли Мандоний и Индибилис.

После этого Сципион велел привести Мандонию жену, а Индибилису двух его дочерей. Увидев родных, грозные вожди илергетов прослезились от счастья.

Так Публий Сципион заполучил расположение еще одного испанского племени, а его войско увеличилось на несколько тысяч воинов.

На следующий день римляне продолжили путь. Проводниками были Мандоний и Индибилис, которые знали точно, где находится Гасдрубал Барка. Через несколько дней римляне подошли к карфагенскому лагерю и недалеко от него разбили свой.

Гасдрубал занимал очень выгодную позицию: тыл ему прикрывала река, а перед лагерем лежало плато, состоявшее из двух площадок. В течение двух дней он строил войско для битвы: верхнюю площадку занимали тяжелая пехота и боевые слоны, а на нижней размещались нумидийская конница и легковооруженные воины.

Оценив выгоду позиции неприятеля, Сципион призадумался. Он внимательно осмотрел местность и совместно с Гаем Лелием разработал план битвы.

На третий день Сципион решил атаковать противника. Первыми он вывел из лагеря легковооруженных и, построив их длинной цепью, лично повел на врага. Перед легковооруженными стояла задача на первом этапе сражения выбить противника с нижней площадки плато и закрепиться там. «Шли сначала по неровной, каменистой дороге, – пишет Тит Ливий, – потом, когда подошли ближе, в римлян полетели дротики, камни и прочее. Они в ответ стали бросать камни, которыми была усеяна

дорога... Хотя подъем был труден и воины под градом дротиков и камней едва шли, на площадку они взошли первыми – казалось врожденное упорство и привычка брать стены. Как только они заняли небольшое, но ровное место, где можно было твердо стоять на ногах, они прогнали противника, который был подвижен и хорош в стычках, но уклонялся от настоящего боя, поражал неприятеля с безопасного расстояния, но не выдерживал рукопашной. Римляне перебили многих, а остальных отогнали к войску, стоявшему наверху».

Как только нижняя площадка была захвачена и римские воины укрепились там, Сципион вернулся вниз. За время первой атаки Гай Лелий успел разделить остальное войско на две части. Сципион велел Лелию взять одну часть войска и, обойдя плато справа, напасть на карфагенян. Сам полководец с другой частью зашел слева.

Чтобы отразить смелое нападение римлян с флангов, карфагеняне тоже разделились на две части. Благодаря своей выгодной позиции, они сначала успешно оборонялись, и неизвестно, чем бы закончилась битва, если бы на помощь римлянам не пришли боевые слоны карфагенян. В разгар битвы четвероногие гиганты взбесились и стали давить своих. Это внесло панику в ряды карфагенян, а тут еще римляне напирали на них с трех сторон. Не выдержав такого прессинга, карфагеняне начали отступать в направлении лагеря. Однако путь к отступлению был отрезан двумя римскими когортами. Видя безвыходность положения, многие карфагеняне сдались в плен.

Из всего карфагенского войска только несколькими тысячам удалось ускользнуть невредимыми. Это была нумидийская конница и личная гвардия Гасдрубала Барки, которая спасла своего полко-

водца от позорного плена. Сципион не стал преследовать неприятеля, так как, по словам Полибия, «опасался нападения прочих карфагенских вождей». Вместо этого он отдал legionерам на разграбление неприятельский лагерь.

Так закончилась битва при Бекуле, в которой Публий Сципион еще раз доказал свой полководческий талант.

Римляне взяли в плен двенадцать тысяч человек. Из них половина были испанцами. Сципион объявил, что отпускает их по домам без выкупа, так как они против своей воли сражались на стороне карфагенян. Услышав это, испанцы в знак благодарности опустились перед ним на колени и провозгласили его царем. Сципион очутился в неловком положении, потому что после упразднения в Риме царской власти в 510 году до н.э. слово «царь» было ненавистным, римляне старались его не употреблять.

«Испанцы! – воскликнул Сципион. – Я знаю, что в вашей стране самым почетным является царский титул, чего не могу сказать о своей родине. Поэтому прошу вас называть меня императором, то есть полководцем, – так называют меня мои legionеры. Если же вы считаете, что у меня царственный дух, то я не могу вам запретить этого, но требую не произносить вслух слово «царь» в моем присутствии».

С пленниками-карфагенянами Сципион поступил иначе. Он велел квестору Гаю Фламинию продать их в рабство, а вырученные деньги рассчитывал пустить на нужды своего войска.

Среди пленников оказался подросток лет тринадцати-четырнадцати, чья внешность выдавала в нем нумидийца. Когда очередь дошла до него, он вдруг заявил, что римляне не могут продать его в

рабство, ибо он царского рода. Квестор отправил его к Сципиону. Полководец стал расспрашивать юного пленника, как его зовут, почему он называет себя царевичем и, вообще, как он очутился на войне.

– Меня зовут Массива, – сказал мальчик. – Я внук Галы, царя нумидийцев-массилиев. Мой отец несколько лет назад погиб в битве и заботу обо мне взял мой дядя Массиниса, сын Галы. Вместе с ним я прибыл в Испанию. Дядя запретил мне принимать участие в сражении и оставил в лагере. Но когда все началось, я сел на коня и присоединился к соплеменникам. Моего коня убили, и я упал, потеряв сознание. Очнувшись, я понял, что попал в плен.

Выслушав рассказ нумидийца, Сципион какое-то время молчал.

– Ты хотел бы вернуться к своему дяде? – спросил он пленника через несколько минут.

– Да-да, конечно! – обрадовался мальчик.

– Ну что ж, я дарю тебе свободу.

– Благодарю тебя, вождь римлян. Я обязательно расскажу дяде о твоём великодушии.

Отпуская Массиву, Сципион подарил ему золотое кольцо, новую туну римского образца и испанский плащ с красивой застежкой, а в придачу дал коня в полной сбруе. Десять римских всадников сопровождали мальчика в течение нескольких дней в том направлении, куда бежал Гасдрубал Барка.

Сципион не сразу покинул поле битвы. Он разделил добычу между легионерами, не забыл и о союзниках. Испанские вожди получили от него дорогие подарки. Одному Индибилису он подарил триста лошадей за активное участие в битве.

По приказу полководца лагерь карфагенян, расположенный в весьма удобном и малодоступ-

ном месте, был еще лучше укреплен. Оставив в нем многочисленный отряд для охраны местных племен, Сципион направился обратно в Тарракон.

* * *

Потерпев поражение в битве при Бекуле, Гасдрубал Барка с остатками войска поспешил на соединение со своим братом Магоном и Гасдрубалом, сыном Гискона. Встретившись, они долго обсуждали, как дальше продолжать войну. Было очевидно, что испанцы в своем большинстве изменили им и переметнулись на сторону римлян. Верными остались лишь те племена, которые жили вблизи атлантического побережья, куда еще не дошел слух о победе Сципиона. В войсках карфагенских полководцев пока оставалось немало испанцев, но на их верность надежды было мало. Чтобы в дальнейшем избежать измены среди испанских воинов, их следовало держать подальше от римлян, а лучше и вовсе убрать из Испании. И тут родился план, согласно которому Гасдрубалу Барке надо было собрать из испанцев войско и увести его в Италию на подмогу Ганнибалу. Также было решено, что Магон передаст свое войско Гасдрубалу, сыну Гискона, а сам отправится на Балеарские острова вербовать наемников. Гасдрубалу же следовало обосноваться в Лузитании и всячески избегать сражений с римлянами, пока не вернется Магон и не прибудет подкрепление из Карфагена. Нумидийскому царю Массинисе, в распоряжении которого было три тысячи всадников, поручили разорять селения союзных Риму испанцев.

Договорившись об этом, карфагенские полководцы расстались; каждый занялся своим делом.

Как бы Гасдрубал Барка ни торопился, сборы в поход на Италию, которые он проводил в секрете, затянулись почти на год. Он покинул Испанию лишь в 208 году до н.э.

Публий Сципион мог остановить Гасдрубала Барку на берегах Ибера, но по неизвестным нам причинам не сделал этого и тем самым допустил грубую стратегическую ошибку, пожалуй единственную в своей полководческой карьере.

Гасдрубал Барка благополучно переправился через Альпы приблизительно в том месте, где несколько лет назад прошел его брат Ганнибал, и вторгся в Северную Италию. В короткий срок ему удалось привлечь на свою сторону цисальпийских галлов и этрусков, за счет которых он значительно пополнил свое войско. Против него выступил консул Марк Ливий Салинатор с сорокатысячной армией. Стремясь хоть как-то исправить свою ошибку, Публий Сципион переправил в Северную Италию десять тысяч пехоты и тысячу конницы под командованием легата Марка Лукреция. Чуть позже на помощь Марку Ливию прибыл другой консул, Гай Клавдий Нерон с двумя неполными легионами. Так что у римлян было достаточно сил, чтобы остановить Гасдрубала Барку. И они остановили. В 207 году до н.э. у реки Метавр в Умбрии произошла битва. Карфагенское войско было полностью разгромлено, сам Гасдрубал Барка погиб в гуще сражения. Благодаря этой победе, римляне избавили себя от войны на два фронта в своей собственной стране.

* * *

В том же 207 году до н.э. активизировались военные действия в Испании. Больше года потребовалось карфагенянам, чтобы собраться с новыми

силами. Из Карфагена на место Гасдрубала Барки прибыл другой полководец, Ганнон. Он соединился с Магоном, и они направились в Кельтиберию (Центральная Испания), где намеревались пополнить свое войско наемниками из кельтиберов. Гасдрубал, сын Гискона, остался у Гадеса.

Располагая сведениями, что у Магона и Ганнона не очень многочисленное войско, Публий Сципион послал против них Марка Юния Силана с двумя легионами. Силан форсированным маршем двинулся в Кельтиберию. Перебежчики-кельтиберы провели его войско по лесам и ущельям, и вскоре оно совершенно незамеченным подошло к неприятелю. Разведчики доложили, что противник расположился двумя лагерями: в одном находились карфагеняне, в другом – новобранцы-кельтиберы. Последние плохо укрепили свой лагерь и не выставили караульных. Вдобавок к этому большинство кельтиберов разбрелось по окрестностям.

Марк Силан решил сначала расправиться с кельтиберами, а потом напасть на лагерь карфагенян. Он велел легионерам сложить поклажу и подкрепиться перед сражением. Когда это было сделано, Силан построил войско в боевой порядок и повел на кельтиберов. Римляне шли быстро, но при этом держали строй. Кельтиберы заметили их лишь тогда, когда до лагеря оставалось не больше мили. Они засуетились, среди них не нашлось человека, который мог взять командование на себя. В этот момент из карфагенского лагеря прискакал Магон, которому только что доложили о появлении римлян. Ему кое-как удалось вывести в поле перед лагерем четыре тысячи тяжеловооруженных и двести конников. Вместе с тем он послал в свой лагерь гонца с приказом готовиться к битве.

Используя численное преимущество, римляне менее чем за час расправились с нестройной толпой кельтиберов, многие из которых полегли на поле битвы, остальные разбежались. За это время успели подойти карфагеняне, но и они не смогли сдержать натиска разгоряченных битвой римлян и почти сразу показали им спины.

Видя, что дело плохо, Магон удалился с поля битвы, забрав с собой всю конницу и отряд отборной пехоты.

Когда сражение уже закончилось, Марку Силану сообщили, что вблизи появился отряд конных карфагенян: это Ганнон пришел на помощь Магону.

Силан послал против него свою конницу. Карфагеняне были окружены и взяты в плен вместе с полководцем.

Спустя несколько дней Силан с победой вернулся к Сципиону. Полководец искренне поблагодарил его за удачно проведенную операцию.

* * *

Узнав о поражении Магона и пленении Ганнона, Гасдрубал, сын Гискона, не на шутку встревожился, как бы римляне уже в этом году не захватили всю Испанию. Покинув Гадес, он направился в Бетику (Южная Испания), надеясь удержать в своих руках хотя бы эту область.

Гасдрубал прекрасно понимал, что пока его войско при нем, он является мишенью для Сципиона; рано или поздно римский полководец явится в Бетику, чтобы сразиться с ним. Поэтому сын Гискона принял смелое решение разделить войско и разместить его по городам в качестве гарнизонов: «стены пусть защищают солдат, а солдаты оружием — стены» — как пишет Тит Ливий.

Наиболее многочисленный гарнизон был размещен в городе Оронгий, на северо-востоке Бетики. Отсюда карфагеняне имели возможность совершать набеги на центральные районы Испании, где проживали племена, перешедшие на сторону римлян.

В это время Публий Сципион находился в Центральной Испании. Он рассчитывал этим же летом дать битву Гасдрубалу и в случае победы закончить войну. Но Гасдрубал своим неожиданным решением рассредоточить войско помешал этому. Штурмовать же занятые карфагенянами города было весьма обременительно и долго, поэтому Сципион решил не браться за это дело. Правда, один город он все же решил захватить. Это был Оронгий. Полководец послал туда своего брата Луция, дав ему десять тысяч пехоты и тысячу конницы.

Прибыв к Оронгию, Луций Сципион расположился лагерем и велел вырыть вокруг города глубокий ров и насыпать двойной вал. Несколько дней подряд римские легионеры усердно трудились. Когда же саперные работы были закончены, Луций разделил войско на три части и приступил к штурму.

«На приступ пошла первая часть – так начинается описание штурма Оронгия Тит Ливий, – завязалась жестокая битва, которая шла с переменным успехом; трудно было под градом дротиков подойти к стенам и поднести лестницы. А тех, кто успел приставить лестницы к стенам, сбрасывали вниз заготовленными для этого вилами или подцепляли железным захватом, чтобы втащить на стену. Сципион понял, малочисленность нападавших уравнивает силы, а положение врагов лучше уже потому, что они на стене; он отвел первую

часть своего войска и с обеими остававшимися пошел на приступ. Это внушило такой ужас осажденным, уже уставшим от битвы с одной частью Сципионова войска, что они тут же бежали со стен, а воины пунийского гарнизона, испугавшись, что город предан, оставили свои посты и сгрудились все вместе. Горожан обуял страх: если неприятель войдет в город, убивать будут всех без разбора – пунийцев ли, испанцев ли. И вот ворота вдруг распахнулись – из города хлынула толпа людей, державших перед собой щиты, чтобы прикрыться от дротиков, и поднявших правую руку в знак того, что меч брошен. Трудно сказать почему – то ли их издали не рассмотрели, то ли заподозрили какую-то хитрость, – но на перебежчиков кинулись, словно на вражеский строй, и всех перебили, а римляне вошли в открытые ими ворота. Другие ворота рубили и ломали топорами и мотыгами; конники, как им было приказано, мчались занять форум; к ним подошла подмога – отряд триариев¹, – и легионеры разбрелись по остальным частям города. Город не грабили, встречных не убивали – разве тех, кто защищался с оружием в руках. Всех карфагенян и около трехсот горожан взяли под стражу; остальным горожанам отдали город, вернули имущество. При взятии города погибло около двух тысяч врагов, римлян – не более девяноста».

Так в течение короткого времени был взят Оронгий. Когда Луций Сципион с победой вернулся к брату, тот крепко обнял его. Он не скупился на похвалы и даже приравнял захват Оронгия к взятию Нового Карфагена.

¹ Триарины – самые пожилые и опытные воины в римской армии, находившиеся в третьей линии боевого построения легиона.

Между тем приближалась зима, и Публий Сципион повернул в Тарракон. В землях союзных испанских племен он оставил гарнизоны. По прибытии в Тарракон полководец отправил в Рим брата с подробным отчетом о летней кампании. Луций увез с собой Ганнона и других знатных карфагенских пленников.

* * *

В начале 206 года до н.э. Гасдрубал, сын Гискона, и Магон, перезимовавшие в Гадесе, с двадцатитысячным войском направились в Бетику, чтобы собрать воедино свои силы. В течение зимы их командиры на вербовали много наемников в Бетике и соседней Лузитании. Произведя подсчет, карфагенские полководцы с удовлетворением отметили, что у них семьдесят тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Кроме того, из Гадеса они привели тридцать два боевых слона. Это придало им бодрости, и они начали готовиться к решающей битве со Сципионом, который, по слухам, снялся с зимних квартир в Тарраконе и двигался вглубь Испании. Расположившись лагерем вблизи города Илипа, Гасдрубал и Магон стали дожидаться появления римского войска.

Сципион, действительно, уже покинул Тарракон и направился на юг Испании. По пути к нему присоединялись отряды испанцев; один только вождь Кулх прислал ему три тысячи пеших воинов и пятьсот всадников.

Добравшись до Кастуллона, Сципион дал своему войску передышку. Здесь он точно разузнал о местонахождении карфагенян и численности их войска. Численное преимущество противника сильно озадачило его: против семидесяти четырех тысяч он мог выставить только сорок пять тысяч пехоты и

три тысячи конницы. К тому же его войско наповину состояло из союзников-испанцев, которым Сципион не очень-то доверял, памятуя о том, как шесть лет назад они предали его отца и дядю в решающий момент.

Римский полководец долго раздумывал, как ему быть. В конце концов он все же решил дать сражение Гасдрубалу и Магону, опираясь на боевую мощь своих легионов, а испанцев «выставить против неприятеля только для виду», как об этом сообщает Полибий.

Выступив из Кастуллона, Сципион вскоре прибыл к Илипе и остановился вблизи карфагенского лагеря. Пока римляне занимались разбивкой лагеря, на них напала конница противника под командованием Магона и Массинисы. Сципион предвидел это и держал наготове своих всадников. Завязалось конное сражение, которое, впрочем, было непродолжительным и закончилось отступлением карфагенян. Отогнав неприятеля, римляне продолжили заниматься возведением лагеря и управились с этим лишь к ночи.

В течение нескольких дней продолжались схватки между всадниками и легковооруженными воинами. Наконец Гасдрубал и Магон осмелились вывести войско из лагеря и построить его для битвы. Сципион последовал их примеру. Однако в тот день битва так и не состоялась: ни та, ни другая сторона не решилась напасть первой. То же самое происходило и в последующие дни.

Сципион внимательно наблюдал за построениями противника. Он заметил, что Гасдрубал и Магон ставят в центре карфагенян вперемешку с африканскими воинами, на флангах – испанцев. Боевые слоны прикрывали фланги, а конница находилась в тылу.

Приблизительно такое же построение было и у Сципиона: римские легионы в центре, по бокам испанцы, конница сзади.

Один за другим тянулись одинаковые дни. Как правило, первыми покидали лагерь карфагеняне, они же первыми и уходили. Неизвестно, как долго это продолжалось бы, если бы Сципион, внимательно изучивший поведение противника, не решился первым начать сражение. У него появился план, претворение которого, по его мнению, несомненно, приведет римлян к победе.

Однажды вечером Сципион собрал на военный совет легатов, военных трибунов и центурионов.

– Завтра состоится битва, – сказал он. – Поднимемся до рассвета, поедем сами и накормим лошадей, вооружимся и покинем лагерь. Первой в атаку пойдет конница. Это даст возможность нашей пехоте построиться в боевой порядок. А сейчас самое главное – завтра в центре станут испанцы, легионеры же, разделившись пополам, займут место на флангах. Это будет неожиданностью для противника. Ну а теперь отбой; нам надо хорошо выспаться.

Распустив военный совет, Публий Сципион попросил задержаться своего брата Луция, Гая Лелия, Марка Силана и Луция Марция.

– Я завтра возглавлю правое крыло; вы, Марк Силан и Луций Марций, будете командовать левым. Обойдя противника, мы ударим по нему с флангов; действовать будем быстро и решительно. Вам, Луций Сципион и Гай Лелий, я поручаю центр. Ваша задача – не спеша наступать на противника, а сойдясь с ним, сдерживать его натиск, – таковы были дополнительные распоряжения полководца.

Быстро пролетела летняя ночь. За час до рассвета римляне и их союзники поднялись. Костров

не разводили, подкрепились заранее приготовленной пищей. Всадники напоили и накормили лошадей. Едва забрезжил рассвет, конница была готова к бою, и Сципион велел ей напасть на лагерь неприятеля. Вслед за ней он послал легковооруженных воинов. Затем лагерь покинула тяжелая пехота.

Нападение римской конницы было полной неожиданностью для карфагенян. Гасдрубала разбудил громкий шум, доносившийся из-за лагерьного частокола. Выскочив из палатки, он увидел, что его воины в панике мечутся по лагерю. Сообразив в чем дело, он послал свою конницу против римлян. Вскоре нумидийские всадники под командованием Массинисы выровняли положение и даже заставили римскую конницу немного отступить. Это дало время Гасдрубалу вывести остальное войско на боевые позиции. Следует заметить, что карфагеняне выходили в поле не подкрепившись, кое-как натянув на себя доспехи. Кто-то в спешке забыл щит, кто-то – копье, кто-то не успел зашнуровать обувь или как следует застегнуть шлем. Тем не менее Гасдрубал построил войско, разместив его в том же порядке, что и в предыдущие дни.

Между тем конное сражение затянулось. Видя, что его войско готово к битве, Сципион велел трубить коннице сигнал отхода. Послушные приказу, римские всадники отступили. Ряды легионеров расступились, и конница по свободным проходам удалилась в тыл, чтобы перестроиться и ждать сигнала к следующей атаке.

Гасдрубал тоже убрал свою конницу с поля битвы. Пешие войска противников очутились друг против друга, их разделяло всего около пятисот шагов. И тут Гасдрубал заметил, что Сципион построил свое войско не так, как накануне. Это встревожило его, но уже не было времени что-либо изменить.

Римские легионы, возглавляемые на правом фланге самим Сципионом, а на левом — Марком Силаном и Луцием Марцием, быстрым шагом двинулись в атаку. Даже боевые слоны карфагенян не стали для них помехой. Вскоре римляне сошлись с испанцами, сражавшимися на стороне Гасдрубала, и сразу же потеснили их. Заметив это, карфагеняне, стоявшие в центре, остановились, не зная, что делать: то ли оказать помощь флангам, то ли продолжать движение. Если бы они предприняли первое, то разорвали бы свой строй, дав возможность противнику вклиниться в свои ряды. Гасдрубал велел центру ни в коем случае не останавливаться, что и было сделано.

Когда центры обеих войск наконец сошлись, на флангах римляне уже одерживали победу. Легионерам оставалось сделать небольшое усилие, чтобы обратить врагов в бегство. В этот момент Сципион дал приказ коннице, которая все еще находилась в тылу, оказать поддержку флангам. Как только это было исполнено, фланги карфагенского войска обратились в бегство. Нумидийская конница так и не успела прийти им на выручку. Не помогли так же и слоны.

Увидев, что фланги разбиты, карфагеняне в центре сначала остановились, а затем начали отступать. Какое-то время отступление было организованным, но потом утомленные голодом и сражением, а еще больше опасаясь за свои жизни, воины побежали. Напрасно Гасдрубал, выехав на коне на передовую, пытался остановить их.

Римляне гнали неприятеля до самого лагеря. Возможно, они захватили бы лагерь с ходу, если бы неожиданно не разразилась гроза. Ливень был настолько сильным, что почва в миг превратилась в грязевое месиво. Молнией убило нескольких во-

инов. Суеверным римлянам показалось, что в дело вмешались боги, дав знак прекратить сражение. Не дожидаясь приказа полководца, они повернули и побежали в свой лагерь, чтобы поскорее укрыться в палатках.

Сципион был доволен исходом битвы. Правда, он не мог сказать, что разгром противника был полным, но его боевая мощь была сильно подорвана. Карфагеняне потеряли убитыми несколько тысяч, большое количество испанцев сдалось в плен. Завтра можно будет возобновить боевые действия и довести дело до конца. А пока он велел воинам отдыхать.

Пока римляне спали крепким сном под шум дождя, который шел всю ночь, карфагенянам было не до сна. Страх перед смертельной опасностью заставил Гасдрубала сняться с лагеря и вдоль правого берега реки Бетис двинуться к Атлантическому океану. Однако не все последовали за ним. Сначала от него умышленно отстал вождь турдетанов Аттен с большим отрядом своих воинов. Следуя его примеру, другие испанцы тоже начали сворачивать в сторону. Войско Гасдрубала таяло на глазах.

Утром римляне обнаружили карфагенский лагерь пустым. Об этом доложили Сципиону, и он тут же послал конницу вдогонку за отступающим противником. Чуть позже он выступил и сам во главе легионов. Перед ним стояла задача – настичь неприятеля и полностью уничтожить его. Выполнение этой задачи положило бы конец войны в Испании.

Римская конница быстро настигла карфагенян, она старалась замедлить движение противника. И ей это удалось. Вскоре показались легионы. Утомленные вчерашней битвой, не отдохнувшие ночью, голодные и промокшие до нитки, карфагеняне уже

не имели сил сопротивляться. Они шли вразброд, еле переставляя ноги. Их полководец находился в авангарде и думал не о своей войске, а о спасении собственной жизни.

И вот римские легионеры настигли неприятеля. «Тут уже не сражение началось, а бойня, — пишет Тит Ливий, — людей резали, как скот, пока сам вождь [то есть Гасдрубал] не бросился первый бежать к соседним холмам; с ним спаслось и около шести тысяч полувооруженных солдат; остальные были либо перебиты, либо были взяты в плен».

На какое-то время Гасдрубалу удалось оторваться от римлян. Ему хотелось одного — поскорее добраться до берега океана, где его ждали корабли. Однако его воины падали от усталости, они уже не могли идти. Видя это, Гасдрубал отвел воинов на высокий холм и велел разбить лагерь. Кое-как возведя укрепления, карфагеняне попадали от усталости. Не спалось только Гасдрубалу, его не покидала мысль о спасении. И вот в полночь он в сопровождении нескольких телохранителей бросил войско и пустился наутек.

На следующий день римляне подошли к карфагенскому лагерю. Отдохнувшие за ночь карфагеняне приготовились к обороне. Им удалось отбить первую атаку римлян, так как их лагерь был расположен в труднодоступном месте. Они могли бы продержаться довольно долго при наличии продовольствия, но у них не было пищи, за исключением нескольких лошадей.

Сципион понимал, что осажденные карфагеняне находятся в безвыходном положении. Он счел нецелесообразным брать лагерь штурмом: зачем лишние потери, если карфагеняне рано или поздно сдадутся сами. Поэтому полководец оставил Марка Силана осаждать лагерь, а сам повернул назад.

Во время осады к Марку Силану тайно явился предводитель нумидийцев Массиниса и вступил с ним в переговоры. Массиниса заявил о своей готовности перейти на сторону римлян. Марк Силан спросил, что побудило его принять такое решение. Массиниса оставил вопрос без ответа. Вместо этого он сообщил, что в ближайшее время отправляется в Африку, чтобы выведать, как отнесутся соплеменники к переходу на римскую службу. На этом они расстались.

Вскоре карфагеняне сдались, и Марк Силан поспешил на соединение со Сципионом.

* * *

Одержав победу при Илипе, Сципион вернулся в Тарракон. Он отправил своего брата Луция в Рим с донесением о том, что Испания полностью очищена от карфагенян, у них уже нет войска, чтобы продолжать войну в этой стране. В Риме с величайшей радостью встретили известие о покорении Испании. Сципиона называли героем, многие сравнивали его с Марком Фурием Камиллом, который некогда спас Рим от галлов.

Что до самого Сципиона, то он погрузился в раздумья. Его мысли были прикованы к Африке, где по-прежнему нерушимо стоял грозный Карфаген — оплот войны с Римом. В беседах с Гаем Лелием он признался, что связывает окончание войны с захватом Карфагена.

— До сих пор карфагеняне воевали против римлян, — говорил Сципион, — теперь же, после покорения Испании, судьба позволяет римлянам идти войной против карфагенян. Как только римские легионы появятся под стенами Карфагена, вот увидишь, Ганнибал оставит Италию и поспешит на защиту родины.

– Однако для этого потребуется немало сил, к тому же вряд ли сенат решится на такое предприятие, – засомневался Гай Лелий.

– За это надо бороться, – продолжал Сципион. – Необходимо также обзавестись союзниками в самой Африке. Массиниса уже согласился воевать на нашей стороне, но кроме него в Нумидии есть еще один влиятельный вождь – Сифак.

– Да, но Сифак – союзник карфагенян, – напомнил Лелий.

– Мне это известно, но не следует забывать, что Сифак – варвар, а у варваров святость договоров не в почете. К тому же Сифак любит золото, и если мы дадим ему больше, чем карфагеняне, то, скорее всего, он переметнется на нашу сторону.

– Ты хочешь вступить в переговоры с Сифаком? – спросил Лелий.

– Да, – ответил Сципион, – и хочу отправить к нему тебя.

– Я готов выполнить твое поручение, Публий, – заверил друга Лелий.

– Тогда бери квинквирему и в путь.

На следующий день Гай Лелий отплыл в Африку. Через три дня он был у Сифака, который очень обрадовался не столько его приезду, сколько подаркам, которые тот привез. Он сказал Лелию, что готов заключить союз с римлянами, так как им последнее время необычайно везет, но при этом заявил, что хочет вести переговоры с самим Сципионом.

– Если Сципион отважится посетить меня, то я со своей стороны гарантирую ему полную безопасность, – заверил Сифак.

С этим и вернулся Гай Лелий в Тарракон. Выслушав его, Сципион решил плыть в Африку. Вместо себя он оставил в Тарраконе Луция Марция, а Марка Силана отправил в Новый Карфаген. Сци-

пион вышел в море на двух квинквиремах, взяв с собой Гая Лелия. Плавание прошло спокойно, но у африканского берега римлянам повстречалось семь карфагенских кораблей. Воины и моряки схватились за оружие, готовясь вступить в неравную схватку. Однако до схватки дело не дошло. В этот момент поднялся сильный попутный ветер, который помог римлянам войти в гавань раньше карфагенян. Высадившись на берег, Сципион и Лелий направились во дворец Сифака. Уже через час Сифак принял их у себя.

Вслед за римлянами к Сифаку прибыл Гасдрубал, сын Гискона: это его корабли повстречались римлянам у входа в гавань. По чистой случайности недавние противники встретились в совершенно неожиданной для них обстановке. Руки друг другу они, правда, не подали, но и былой ненависти не показали. Сифак был польщен тем, что полководцы самых могущественных государств одновременно явились к нему искать его дружбы. По этому случаю он устроил пир.

Во время пира между Сципионом и Гасдрубалом завязалась беседа. Они вспоминали недавнее прошлое. Сципион говорил непринужденно, он и не думал подтрунивать над неудачами Гасдрубала в Испании, не бахвалился также своими подвигами. Этим он расположил к себе Гасдрубала, и тот не преминул сказать, что еще не видел более благородного и рассудительного человека, чем Сципион.

«Сегодня ты изумил меня еще больше, чем на поле битвы, – признался Гасдрубал, – Оказываясь, ты не только отличный полководец, но и прекрасный собеседник».

На следующий день Сципион встретился с Сифаком наедине и заключил с ним союзный договор. В качестве подарка он вручил ему несколько

сундуков с деньгами. После этого они поклялись друг другу именем своих богов, что будут верными союзниками.

На обратном пути разыгрался сильный шторм, из которого две римские квинквиремы вышли изрядно потрепанными. Тем не менее Сципион и Лелий благополучно добрались до Нового Карфагена.

* * *

По прибытии в Новый Карфаген Сципиону доложили, что жители городов Кастулон и Илитургис поднялись на вооруженный мятеж против римлян. Из Кастуллона был изгнан римский гарнизон, в Илитургисе – и вовсе перебит. «Вот она – испанская верность, – в сердцах промолвил Сципион, – но ничего, вскоре мятежников постигнет справедливая кара».

Из Тарракона в срочном порядке был вызван Луций Марций. Сципион поручил ему осадить Кастулон, а сам двинулся к Илитургису. Его войску хватило пяти дневных переходов, чтобы добраться до мятежного города. Римлян охватил сильный гнев, когда они увидели висящие на стенах трупы своих соотечественников. Ворота города были наглухо закрыты, а мятежники со стен выкрикивали ругательства.

«Вы видите сами, – обратился Сципион к легионерам, – что жители Илитургиса, которых мы недавно освободили от карфагенского гнета, закрыли ворота перед нами. Как свидетельство своего страшного преступления, они вывесили на стены трупы наших сограждан. За это пощады им не будет. Захватив город, мы уничтожим всех его жителей. Пусть знает вся Испания, что убийство римских воинов не останется безнаказанным».

Штурм начался на следующий день. Сципион разделил войско на две части: одной командовал сам, другую отдал Гаю Лелию. На приступ пошли одновременно с двух сторон. Неоднократно римские легионеры пытались приставить лестницы к стенам, но защитники города не давали им сделать этого. В римлян летели дротики и стрелы, камни и бревна. После нескольких неудачных попыток легионеры упали духом и отошли на безопасное расстояние.

Нерешительность воинов озадачила Сципиона; он испугался, как бы они окончательно не утратили мужества и веры в себя. И он решил личным примером увлечь легионеров за собой.

«Ну что же вы струсили, – закричал он. – Неужто не вы брали Новый Карфаген и резали карфагенян, у Бекулы и Илипы. Если вы не можете взобраться на стену, то за вас это сделает ваш император. Эй, где там лестница? Несите ее к стене».

С мечом в правой руке Сципион быстрым шагом направился к стене. Увидев это, пристыженные легионеры все разом громко закричали и ринулись вслед за ним. Через несколько минут они добежали до стены. Над их головами замелькали поднимающиеся лестницы, которые на этот раз удалось приставить к стене. Один за другим легионеры полезли наверх. Ни дротики, ни стрелы, ни камни – уже ничто не могло остановить их.

Легионеры взобрались на стену быстрее, чем ожидал Сципион. Сначала им удалось закрепить себя на небольшом участке. Орудя своими короткими мечами, они безжалостно уничтожали защитников и уверенно продвигались вперед. А в это время по лестницам наверх карабкались другие. Вскоре стены были заняты римлянами. Жаркая

схватка завязалась возле ворот, но и тут римляне одержали победу и распахнули ворота. Увидев это, Сципион устремился в город во главе нескольких резервных когорт.

Ворвавшись в Илитургис, пылавшие жаждой мести римляне устроили кровавую бойню. «Никого не брали в плен, – пишет Тит Ливий, – никто и не вспомнил о добыче, хотя все было настезь; убивали подряд всех: вооруженных и безоружных, женщин и мужчин; жестокий гнев не угашали даже младенцы. Поджигали дома, разрушали то, что не горело; уничтожить следы города, стереть даже память о нем – вот чего хотелось римлянам».

Так был взят Илитургис, его жители были полностью перебиты. Еще дымились пепелища, а Сципион повел свое войско к Кастулону, осадой которого занимался Луций Марций. Слух о разгроме Илитургиса опередил Сципиона. Успешно отразившие несколько приступов кастулонцы пали духом, ими овладели ужас и отчаяние.

Обороной Кастуллона руководил вождь по имени Кердубел. Как только Сципион подошел к городу, Кердубел отправил к нему парламентеров. Он предлагал сдать город, если римский полководец пощадит его жителей. Сципион клятвенно обещал, что никому не причинит вреда; он только потребовал выдачи зачинщиков мятежа. Кердубел согласился выполнить это условие, хотя сам являлся одним из зачинщиков. Ворота были открыты, и римляне без боя заняли город. Жителей не тронули, зачинщиков мятежа взяли под стражу.

Предоставив воинам передышку, Сципион собрался в обратный путь. Перед выступлением он велел Луцию Марцию пройти по всей Бетике и навести там порядок, чтобы испанцы больше не беспокоили римлян мятежами.

Вернувшись в Новый Карфаген, Сципион решил устроить гладиаторские бои в честь погибших шесть лет назад отца и дяди. Таков был римский обычай.

В качестве арены была выбрана главная площадь города. Зрители расселись на принесенных скамейках, а то и просто на мостовой. Однако места хватило не всем, и многие забралась на крыши соседних домов.

На арену выходили не специально обученные гладиаторы, а военнопленные, среди которых были карфагеняне, нумидийцы, балеарцы и представители других народов. Некоторые испанские вожди прислали лучших бойцов, чтобы те показали военное мастерство своего племени. Немало было и желающих. Сражались парами насмерть. После того как выступило несколько десятков пар, к Сципиону подошли два испанца и попросили его разрешения на поединок. Сципион осведомился, кто они такие и почему решили подвергнуть себя смертельной опасности. Оказалось, добровольцы были двоюродными братьями. Старшего звали Кордис, младшего – Орсуя. Они уже давно оспаривали друг у друга верховную власть в родном городе. Сципион предложил свое посредничество, но кузены отказались от него, заявив, что только на мечах могут разрешить давний спор.

«Пусть будет так», – сказал Сципион, дав тем самым сигнал к началу схватки.

Поединок был недолгим. Более опытный в обращении с оружием, Кордис легко одолел Орсуя, и уже через несколько минут тело безрассудного юноши унесли с арены.

* * *

Вскоре после проведения гладиаторских боев Сципион тяжело заболел; видимо, сказалось напряжение последних лет. Весть о его болезни облетела всю Испанию; многие даже поговаривали о скорой смерти полководца. Слухи о безнадежном состоянии Сципиона взбудоражили испанцев. В Новый Карфаген пришло известие, что Мандоний и Индибилис, которые совсем недавно принесли клятву на верность Риму, возомнили себя царями всей Испании и подняли илергетов и лацетанов на восстание против римлян.

Еще один мятеж вспыхнул в лагере у города Сукрон. Там мятежниками стали не испанцы, а римские легионеры. Вот как Тит Ливий описывает причины мятежа: «Волнения начались еще раньше, чем до солдат дошли смутные слухи о болезни Сципиона. Длительное безделье, как водится, породило распущенность; солдатам, привыкшим во вражеской стране жить, не стесняя себя, жизнь без войны показалась скучной. Сначала разговоры велись втихомолку: если в провинции идет война, то что же им делать среди замиренных племен? А если война окончена и провинция покорена, почему их не отправляют в Италию? Жалованья требовали с наглостью, не подобающей воинам; караульные громко ругали трибунов, обходивших посты; некоторые ночью выходили пограбить мирных соседей, а под конец и днем открыто покидали лагерь без отпуска. Не военный порядок, не правила, не распоряжения начальства – все вершили солдатская прихоть и произвол. Облик римского лагеря все-таки сохранялся, хотя лишь в одном: солдаты, рассчитывая, что трибуны заразятся безумием и станут их соучастниками в неповиновении и мятеже, не препятствовали им творить суд на главной площади лагеря, спрашивали у них пароль и шли,

как положено, в караул. Отняв у командиров власть, они, сами распоряжаясь, сохраняли видимость послушания».

Зачинщиками мятежа были рядовые легионеры Гай Альбий и Гай Атрий. Пользуясь поддержкой других легионеров, они в конце концов отстранили от власти военных трибунов и центурионов; дерзнули и на большее – присвоили себе розги и топоры, которые считались знаками высшей власти.

Мятежники с нетерпением ждали известия о смерти Сципиона, но так и не дождались. Вместо этого из Нового Карфагена прибыли семь военных трибунов. Они объявили, что их послал Сципион, который уже выздоровел и чувствует себя превосходно. Эта новость сильно озадачила мятежников.

Между тем военные трибуны навевались в палатки и разговаривали с легионерами. Выполняя инструкции Сципиона, они никого ни в чем не упрекали и не обвиняли, а только расспрашивали, что толкнуло их к беспорядкам. Легионеры охотно делились с ними своими проблемами.

Трибуны признали, что требования легионеров вполне справедливы, и сказали, что Сципион ждет их в Новом Карфагене для выплаты жалованья. Кое-кто из мятежников высказал опасение, что вместо жалованья они получают в Новом Карфагене суровое наказание. «Ничуть нет, – ответил один из трибунов. – В настоящий момент в Новом Карфагене нет даже войска, так как все силы брошены на подавление восстания Мандония и Индибилиса».

Поверив посланникам Сципиона, мятежники отправились в Новый Карфаген. Шли не спеша. Альбий и Атрий послали вперед нескольких человек разузнать, правда ли то, что войска покинули город. Когда же стало известно, что в Новом Кар-

фагене действительно остался лишь небольшой гарнизон, мятежники приободрились и ускорили шаг. Вскоре они вошли в город. Их встретили нарочито радушно. Трибуны пригласили к себе предводителей мятежников и хорошенько угостили их вином. Как только последние уснули, их схватили и заключили под стражу.

На следующий день Сципион созвал мятежников на сходку. Поднявшись на трибунал, он обратился к ним с речью, в которой пристыдил за недостойное римского легионера поведение. Пока он говорил, в город вернулись войска, выведенные накануне. Мятежники и не заметили, как площадь, на которой проходила сходка, была окружена.

Видя, что мятежники взяты в оцепление, Сципион закончил говорить и дал знак ликторам привести зачинщиков мятежа. Дальше произошло следующее. «Войско, окружавшее сходку, ударило мечами в щиты, — пишет Тит Ливий, — глашатай назвал имена осужденных... Их нагими вытащили на середину и показали все орудия казни: осужденных привязали к столбу, высекли розгами и обезглавили топорами. Присутствовавшие окаменели от страха: не только не раздалось голоса против жестокости казни; не было слышно ни вздоха. Тела убрали, место очистили; военные трибуны поименно выкликали солдат: те повторяли за Сципионом слова присяги и получали жалованье. Таков был конец и исход мятежа в Сукроне».

* * *

Разобравшись с мятежными легионерами и сурово наказав их предводителей, Сципион вспомнил о мятежных испанских вождях Мандонии и Индibiliсе. Со всем своим войском он выступил в

поход против них. Его сопровождали Гай Лелий, Марк Силан и Луций Марций. Брата Луция Сципион оставил в Новом Карфагене.

За десять дней римляне добрались до Ибера и переправились на левый берег. Дальше начинались земли илергетов. Еще четыре дня потребовалось римскому войску, чтобы достигнуть того места, где стояли войска Мандония и Индибилиса. Римляне разбили лагерь вблизи от неприятеля; противников разделяла лишь небольшая долина, окруженная высокими холмами.

На следующий день Сципион велел выпустить в долину весь скот, который был захвачен по пути у илергетов. Это была военная хитрость римского полководца, которая сработала. Жадные до добычи испанцы бросились ловить животных. Увидев это, Сципион послал против них легковооруженных воинов и часть конницы, которой командовал Гай Лелий. Вскоре в долине завязалось сражение. И хотя в нем участвовали далеко не все силы противников, оно было ожесточенным. Лишь к вечеру римлянам удалось вытеснить испанцев из долины. Однако торжествовать победу было рано: решающая битва была впереди.

Лишь только настало утро, Мандоний и Индибилис начали выводить войско в долину, которая, однако, не могла вместить все их силы. Поэтому третью часть войска мятежным вождям пришлось разместить на соседнем холме в качестве резерва. Кстати, во время битвы они сами тоже находились там, а не в гуще сражения, как полагаются настоящим полководцам.

Наблюдая за неприятелем, Сципион обратил внимание, что у него в боевом строю всадники стоят вперемешку с пехотинцами. Это был большой плюс для римлян, так как конница и пехота в та-

ких случаях мешают друг другу вести правильный бой. Поэтому Сципион поставил против испанцев одни легионы, а конницу решил вовсе не выводить на поле битвы. Но это не означало, что римский полководец рассчитывал обойтись без нее. Наоборот, он отводил коннице едва ли не решающую роль. Вызвав к себе Гая Лелия, он велел ему незаметно зайти противнику в тыл и ударить по нему, когда битва будет в разгаре.

И вот оба войска двинулись навстречу друг другу. Вскоре они сошлись врукопашную. Какое-то время битва шла с переменным успехом. Легионеры с трудом сдерживали натиск превосходящих по численности испанцев. Однако у римлян было неоспоримое преимущество – они сражались в правильном строю, действуя слаженно и организовано. Поэтому уже к середине дня они шаг за шагом начали теснить испанцев.

Тем временем Гай Лелий с конницей незаметно зашел в тыл и ударил по уже дрогнувшему противнику. Испанцы оказались запертыми в долине и подверглись безжалостному избиению.

Третья часть испанского войска, которая стояла на соседнем холме, так и не вступила в битву. Именно там находились Мандоний и Индибилис. Проявив себя никудышными полководцами, они первыми пустились в бегство, как только поняли, что сражение проиграно.

В этой битве погибло две трети испанского войска. Римляне потеряли около тысячи двухсот легионеров и союзников, около трех тысяч было ранено.

Едва римляне предали земле тела погибших соратников, как к Сципиону прибыл Мандоний. Он на коленях вымаливал прощение для себя и своего брата. Долго Сципион выслушивал мольбы Мандония.

«Встань, – сказал он наконец. – Ты и твой брат Индибилис сами погубили себя и свой народ. Однако я не собираюсь казнить вас, мне не нужна ваша кровь – живите по моей и народа римского милости. Я также не стану отнимать у вас оружие и брать заложников, но помните, что если вы вздумаете вновь поднять мечи на римлян, то сами и погибните от мечей. Единственное, чего я требую от вас, так это выплаты контрибуции».

Когда Сципион назвал сумму контрибуции, у Мандония закружилась голова – настолько велика была эта сумма. Но он сдержал себя и промолчал, хотя и осознавал, что выплата контрибуции разорит илергетов.

Отпустив Мандония, Сципион оставался в землях илергетов до тех пор, пока полностью не была выплачена контрибуция. Марка Силана он отправил в Тарракон, а Луция Марция послал в Бетику, так как оттуда пришли слухи, что карфагеняне, засевавшие в Гадесе, нападают на римских союзников.

* * *

Подавив восстание Мандония и Индибилиса, Сципион предпринял попытку захватить Гадес – последний город в Испании, который пока еще оставался в руках карфагенян. В Новом Карфагене его ожидали люди из Гадеса, сообщившие, что в их городе давно созрел заговор против карфагенян, и если римляне блокируют город с моря и суши, то им откроют ворота. Сципион велел Луцию Марцию вести к Гадесу один легион, а Гая Лелия направил туда же по морю, дав ему восемь кораблей.

Однако захватить Гадес так и не удалось: заговор был раскрыт, а брать город штурмом было

бесполезно, так как он представлял собой неприступную крепость. К тому же стало известно, что начальник карфагенского гарнизона Ганнон сделал вылазку и запер римлян в их собственном лагере. Сципион срочно выступил на помощь своему легату. При его приближении карфагеняне отступили в Гадес; отряд Луция Марция был спасен.

Сципион собирался было возвращаться в Новый Карфаген, как ему доложили, что с ним хочет увидеться Массиниса. Сципион охотно принял предводителя нумидийцев в своей палатке. Сначала Массиниса поблагодарил за возвращение племянника, затем заявил, что хочет служить римскому народу.

– Скажи, Массиниса, почему ты принял такое решение? – спросил Сципион. – Неужто из-за того, что я когда-то вернул тебе твоего юного племянника?

– Нет, дело не в этом, – ответил Массиниса.

– Тогда в чем же? – допытывался Сципион.

– Война в Испании закончена, и я полагаю, что вскоре римляне отправят войско в Африку, а тебя, скорее всего, назначат командующим. В таком случае у тебя не будет более верного союзника, чем я.

– Но у меня уже есть союзник в Африке в лице Сифака, который недавно заключил со мной договор.

– Сифак тебя предаст, – заявил Массиниса.

– Откуда тебе это известно? – осведомился Сципион. – Уж не обладаешь ли ты даром провидения?

– Нет, я не провидец, но хорошо знаю этого человека: он всегда действует в своих интересах.

– Что же толкнет его к измене Риму? Уж не деньги ли из Карфагена?

– Не толкнет, а уже толкнуло.

– Что именно?

– На этот раз карфагеняне посулили ему большее, – промолвил Массиниса. – Видишь ли, у Гасдрубала, сына Гискона, который считается в Карфагене одним из самых богатых и влиятельных людей, есть юная дочь по имени Софонисба. Она настолько прекрасна, что все женщины мира не идут с ней в сравнение. Ее-то и пообещали Сифаку в обмен на военный союз.

– Вот оно что! – удивился Сципион. – Выходит, Сифак пренебрег договором со мной из-за какой-то смазливой девчонки.

– Публий Сципион, я прошу тебя не оскорблять Софонисбу.

– Это почему же?

– Потому что я люблю ее так, как не любил ни одной женщины, – объяснил Массиниса. – Это мне, а не Сифаку, обещал отдать ее в жены Гасдрубал. Из-за нее я отправился вместе с ним воевать в Испанию; я подвергся смертельной опасности; один за другим гибли мои люди. И вот она – пунийская благодарность за верную службу...

Когда Массиниса остыл, они еще долго разговаривали, обсуждая кое-какие детали, пока наконец не договорились, что Массиниса в ближайшее время вернется в Нумидию и будет готовиться к встрече Сципиона на африканском континенте. Затем Массиниса принес клятву верности. На этом и распрощались.

* * *

После встречи с Массинисой Сципион отправился в Тарракон. Уже заканчивалась осень, и он торопился отплыть в Рим, где приближались кон-

сульские выборы. К этому времени он принял твердое решение выставить свою кандидатуру на должность консула, о чем уже сообщил в Рим.

В Тарраконе Сципион застал Луция Лентула и Луция Манлия, которых сенат прислал в Испанию на его место, наделив их полномочиями проконсулов. Передав им войско и покоренную страну, Сципион на десяти кораблях отплыл в Рим. Вместе с ним Испанию покинули его брат Луций, Гай Лелий и Марк Силан. Луций Марций остался в Испании в качестве советника новых проконсулов. Вскоре эскадра бросила якорь в порту Остия. Отсюда до Рима было рукой подать, и Сципион в сопровождении соратников отправился в город пешком. Сенаторы встретили его за городской чертой, в храме Беллоны¹. По традиции, ему было предложено выступить с отчетом о своих действиях. Сципион кратко рассказал о сражениях, в которых одержал победу, о захваченных городах, о покоренных испанских племенах.

«Пять лет назад римский народ послал меня воевать в Испанию, – говорил он. – Мне пришлось иметь дело с четырьмя карфагенскими полководцами, но я поочередно разбил каждого из них и уничтожил их войска. В настоящее время в Испании не осталось ни одного карфагенянина. Отцы-сенаторы, за все, мною свершенное, я надеюсь получить триумф, но я не домогаюсь его, поскольку понимаю, что пока Италия не очищена от карфагенян, торжествовать рано».

Здесь же, в храме Беллоны, Сципион передал сенаторам четырнадцать тысяч триста сорок два фунта² серебра в слитках и большое количество

¹ Беллона – богиня войны.

² Римский фунт равнялся 327,45 г.

денег в монете. После этого сенаторы сложили с него проконсульские полномочия, и в город он вошел уже как частное лицо; в триумфе ему все-таки отказали.

Слух о прибытии Сципиона распространился по всему Риму. До самого дома его сопровождала многочисленная толпа. Он шел вместе с братом. На пороге отцовского дома их встречала мать. Издали увидев сыновей, она бросилась им навстречу.

– Мама, мы с Луцием вернулись с победой, – сказал Публий, обнимая мать.

– Как я рада, что вы вернулись живыми, – услышали в ответ братья.

В последующие дни в Риме только и говорили о подвигах Публия Сципиона. На какое-то время он стал любимцем народа. В его доме было полным-полно людей, когда он шел по городу, его окружали толпы поклонников. Видя это, Сципион нисколько не сомневался, что на выборах будет избран консулом.

Вместе с победой и добычей Сципион привез в Рим идею о перенесении войны в Африку. Отчитываясь перед сенатом в храме Беллоны, он даже словом не обмолвился о своих планах. Зато сейчас, когда его популярность была налицо, он открыто говорил со всеми о предстоящей войне в Африке, как будто это уже было делом решенным. В скором времени Рим был заражен идеей Сципиона, которая встретила поддержку большинства.

Настал день консульских выборов, которые проводил консул прошлого года Луций Ветурий Филон. В этот день Рим был переполнен людьми; граждане приходили со всей Италии, чтобы отдать за Сципиона свои голоса и хоть краем глаза посмотреть на него.

Сципион был избран единогласно. Его товарищем по консульской должности римляне назначили Публия Лициния Красса, главного понтифика¹.

Став консулом, Сципион вспомнил о своем обете, который дал накануне испанского похода, — принести в жертву Юпитеру сто быков. Сейчас было самое благоприятное время для этого. Жертвоприношение состоялось в храме Юпитера на Капитолии при огромном стечении народа. Затем были устроены гладиаторские бои в честь победы римлян в Испании. Эти мероприятия подняли популярность Сципиона еще выше.

Вскоре сенат собрался на специальное заседание, чтобы распределить провинции и обязанности между консулами и другими должностными лицами. Публию Лицинию Крассу досталась Италия, так как должность главного понтифика удерживала его в Риме, а Сципиону отдали Сицилию. Такое назначение шло вразрез с планами Сципиона. Он был возмущен и попросил слова. Ему разрешили высказаться.

— Отцы-сенаторы! — воскликнул Сципион. — Римский народ избрал меня консулом не для того, чтобы просто вести войну, но для того, чтобы закончить ее, а это возможно лишь в том случае, если я переправлюсь в Африку. Вы же отправляете меня в Сицилию, которая уже давно забыла, что такое война. Чем же я буду там заниматься? Любоваться красотами сицилийской природы, что ли? Если вы сегодня же не измените свое решение, я обращусь к народу.

Слова Сципиона вызвали недовольство у большинства сенаторов. В курии² слышались разго-

¹ Понтифики — члены высшей жреческой коллегии в Древнем Риме.

² Курия — помещение, где заседал сенат.

воры. Затем слово взял престарелый Квинт Фабий Максим, который пять раз был консулом и один раз диктатором, одержал немало побед над врагами Рима.

— Отцы-сенаторы, — сказал он, — насколько я понимаю, наш молодой консул считает решенным вопрос о перенесении театра военных действий в Африку. Однако я не помню, чтобы сенат принимал постановление об этом. Уж не вздумал ли Публий Корнелий Сципион поиздеваться над нами? Что до меня, то я категорически против отправки войска в Африку и заявляю об этом открыто, не опасаясь упреков со стороны сограждан, которые прозвали меня Медлителем. Меня могут упрекнуть в зависти к растущей изо дня в день славе покорителя Испании. Но мне ли завидовать ему, когда на моем счету не одна победа, пятикратное консульство и диктатура. Мне ли, утомленному жизнью старику, оспаривать славу у юнца, который моложе моего сына. Да будет тебе известно, Публий Корнелий, что я всегда ставил благо государства выше собственной славы и, не раздумывая, поставлю выше твоей.

Ты утверждаешь, что, переправившись в Африку, заставишь Ганнибала покинуть Италию. К чему такие хитрые уловки, спрошу я у тебя. Не почетней ли для римлян будет выдворить Ганнибала из своей страны силой оружия? Да, я понимаю, ты стремишься к великой цели — положить конец многолетней войне. Прекрасно! Но сначала надо защитить свое, а потом уж захватывать чужое. Сперва надо водворить мир в Италии, а потом идти войной на Карфаген. Таким образом, изгнание Ганнибала из Италии — вот первоочередная задача римлян!

Собираясь в поход на Карфаген, ты, Публий Корнелий, вряд ли подумал о том, насколько опасен твой дерзкий замысел. Что будет, если в отсут-

ствии одного консула Ганнибал разобьет другого? Да хранят римлян боги и не допустят такой беды! Я не хочу преуменьшать твои заслуги в Испании, но пойми, что Испанию ни в коем случае нельзя сравнивать с Африкой, где нет ни удобных гаваней для нашего флота, ни одного дружественного нам народа. Я слышал, ты уже заключил договор с царем Сифаком. Не собираешься ли ты довериться нумидийцу? Да он предаст тебя при первом удобном случае. А подумал ли ты, что, как только твоё войско высадится на африканском побережье, пунийцы все разом поднимутся защищать свою землю, храмы своих богов, могилы предков, своих жен и детей? Ну, а Ганнибал, если ты даже и выманишь его из Италии, будет куда опаснее у стен Карфагена, чем в девяти милях от Рима. Где уверенность, что ты сумеешь устроить в Африке вторые Канны?

Заканчивая свою речь, я взываю к твоему разуму, Публий Корнелий, и настоятельно советую отказаться от своей затеи. Тебя выбрали консулом не для того, чтобы ты тешил свое честолюбие, а чтобы верой и правдой служил общему благу. Сенат готов доверить тебе войско для охраны Рима и Италии, но не для захвата чужих территорий.

Как только Фабий Максим закончил, в курии раздались одобрительные возгласы. Какое-то время сенаторы бурно обсуждали его речь.

Сципион очутился в трудном положении. Отправляясь на заседание сената, он никак не ожидал, что такой авторитетный и уважаемый римлянин выступит против него. Другой на его месте отказался бы от дальнейшей борьбы, но Сципион был не таким человеком. И он занял место Фабия. Увидев, что консул хочет выступить с ответной речью, сенаторы прекратили разговоры, в курии воцарилась тишина.

– Отцы-сенаторы, – начал Сципион. – Только что Квинт Фабий высказал мнение, будто я стремлюсь сравняться с его славой. Да, это так. Более того, я хочу превзойти его, и желания своего не скрываю, ибо всякий, кто обладает величием духа, жаждёт подняться выше всех знаменитых людей, которые жили до него и овеяли свои имена неувядаемой славой. По моему глубокому убеждению, это вовсе не проявление чрезмерного честолюбия, а скорее присутствие благородства. Посудите сами, если старшие станут сдерживать молодых в стремлении к славе, то ущерб понесет государство. Да что государство – род человеческий в целом.

Я отдаю себе отчет, что война в Африке сопряжена с большими трудностями и опасностями, но есть и преимущества. Пунийцы – коварные союзники и жестокие угнетатели. Кто же из соседей будет хранить им верность, когда их господство пошатнется? А ведь собственных сил у Карфагена раздва и обчелся.

Пунийское войско состоит из наемников, которые за много лет уже устали проливать кровь за чужие интересы, зачастую не получая при этом жалованья...

Далее Сципион подробно изложил план ведения войны в Африке. Он был неплохим оратором, и хотя ему приходилось говорить экспромтом, сенаторы слушали его с большим вниманием.

– Довольно Африке наслаждаться миром и покоем, – сказал Сципион в заключение, – пусть теперь она стонет от ужаса, боли и отчаяния, а измученная Италия пусть отдохнет. Пусть римское войско расположится лагерем у ворот Карфагена, пусть все бедствия войны, которые римляне терпят четырнадцатый год, обратятся против пунийцев.

Как только Сципион закончил, со своего места поднялся сенатор Квинт Фульвий, в прошлом четырежды консул, и спросил:

– Скажи нам прямо, Публий Корнелий, позволишь ли ты сенату решить вопрос о войне в Африке так, как он сочтет нужным, и подчинишься ли его решению?

– Я буду действовать в интересах государства, – ответил Сципион.

– Из твоего ответа следует, – продолжал Фульвий, – что ты не подчинишься решению сената. В таком случае я прямо сейчас обращаюсь к здесь присутствующим народным трибунам и прошу их оказать поддержку сенату.

– Народные трибуны могут наложить вето на какое-нибудь решение сената, но оказывать поддержку сенату они не имеют права, – напомнил Фульвию Сципион, хорошо знавший римские законы.

– А пусть они сами выскажутся по этому поводу, – предложил Фульвий.

– Распределение провинций и обязанностей между консулами и другими магистратами¹ находится в компетенции сената, – сказал один из народных трибунов, – и мы не станем вмешиваться в это дело, но мы так же не допустим, Публий Корнелий, впутывать народ в твой спор с сенатом. Так что тебе придется подчиниться решению отцов-сенаторов.

Между тем день подошел к концу, и заседание сената отложили на завтра. На следующий день сенаторы поставили Сципиона в известность, что за ним по-прежнему остается Сицилия, но при этом он получает право переправиться в Африку, если

¹ Магистраты – высшие должностные лица в Риме.

этого потребуют интересы римского государства. Таким образом, сенат пошел на компромисс. Новое решение удовлетворяло Сципиона.

– Какими военными силами я буду располагать? – осведомился он у сенаторов.

– Сенат разрешает тебе построить тридцать боевых кораблей и укомплектовать их экипажами из добровольцев, – был ответ, которого Сципион никак не ожидал.

– А как насчет сухопутного войска? – спросил он.

– Сенат запрещает тебе производить воинский набор, но оставляет за тобой право набрать добровольцев из союзников.

– Ну что ж, спасибо и на этом, отцы-сенаторы.

Это был первый случай в римской истории, когда консулу назначили провинцию, но отказали в войске. Сципион понял, что сенат решил устроить ему испытание. Приходилось начинать с нуля, а времени было мало. Но это не сломило волю Сципиона, и буквально в тот же день он взялся за дело.

Сципиону помогала вся Италия, столь велик был его авторитет. Тит Ливий оставил прекрасное описание того, как за короткий срок Сципиону удалось справиться с, казалось бы, невыполнимой задачей. Предоставим ему слово: «Первыми пообещали по своим возможностям помочь консулу города Этрурии: Цере – дать хлеб и всякое продовольствие для моряков; Популония – железо; Тарквиния – холст на паруса; Волатерры – корабельный лес и хлеб; Арретий – три тысячи щитов и столько же шлемов, копья, галльские дротики, длинные копья – всего пятьдесят тысяч предметов, каждого вида оружия поровну, – а также топоры, заступы, косы, корзины, ручные мельни-

цы, сколько этого нужно для сорока военных судов; сто двадцать тысяч модиев¹ пшеницы и дорожных денег десятникам и гребцам. Перузия, Клузий и Рузеллы пообещали корабельный сосновый лес и много хлеба. Сосны брали из общественных лесов. Города Умбрии и, кроме того, Нурсия, Реата, Амитерн и вся земля сабинская пообещали солдат; многие марсы, пелигны и маррцины пошли добровольцами во флот. Камерин, равноправный по договору с Римом, прислал когарту в шестьсот вооруженных легионеров. Тридцать кораблей были начаты постройкой (двадцать квинквирем, десять квадирем): Сципион так торопил рабочих, что на сорок пятый день после доставки леса суда, полностью снаряженные, были спущены на воду».

* * *

Сципион отплыл к берегам Сицилии в конце весны 205 года до н.э. Вместе с ним в качестве легатов отправились брат Луций, Гай Лелий и Марк Силан. Трудно сказать, в каком именно из сицилийских городов он остановился, так как античные источники умалчивают об этом.

В распоряжении Сципиона было семь тысяч добровольцев. Такого количества людей было недостаточно, чтобы укомплектовать два полных легиона. Но консул надеялся пополнить свое войско воинами из гарнизонов, которые были разбросаны по сицилийским городам. Сразу же по прибытии Сципион распределил добровольцев по сотням, центурионами он назначил римских ветеранов, которые несколько лет назад воевали в Сицилии под

¹ Модий — мера сыпучих тел, равная 8,7 л.

предводительством Марцелла. Получив доспехи и оружие, новобранцы приступили к военной подготовке.

Таким образом, кое-какая пехота у Сципиона была, а вот вопрос о коннице оставался открытым. Из семи тысяч добровольцев консул заранее отобрал триста дюжих парней, но ни доспехов, ни оружия им не дал. Затем он разослал посельных по городам Сицилии с приказом, чтобы ему прислали триста всадников в полном вооружении. Как только это было исполнено, Сципион встретился с молодыми сицилийцами.

– Я собрал вас потому, что моему войску недостает конницы для войны в Африке, – сказал он. – Однако мне уже доложили, что вы напуганы отправкой на чужбину. Мне не нужны воины, в душе которых поселился страх, поэтому вам лучше сразу отказаться от службы под моими знаменами. Я готов выслушать вас и придумать что-нибудь, чтобы избавить вас от обременительной повинности.

Вначале сицилийцы молчали; никто не решался открыто сознаться в нежелании отправляться на войну. Наконец один из них робко промолвил:

– Я с радостью остался бы дома.

– Молодец! – воскликнул Сципион. – Хвалю тебя за откровенность. Если ты не хочешь служить в моей коннице, то я могу найти человека, который заменит тебя, но ты отдашь ему своего коня и вооружение. Ну что, согласен?

– Конечно, согласен! – обрадовался сицилиец, не ожидавший такого поворота дела.

– А мне можно подыскать замену? – спросил другой.

– Конечно, можно, – обнадежил его Сципион.

– А мне? А мне? – слышались голоса прочих сицилийцев.

— Можно всем на тех же условиях, — заявил Сципион.

Таким образом все триста сицилийцев отказались от военной службы и отдали Сципиону своих лошадей и вооружение. В тот же день консул раздал лошадей тем тремстам добровольцам, которых отобрал ранее. Получился отряд конницы, который впоследствии сослужил ему хорошую службу.

В гаванях сицилийских городов Сципион обнаружил несколько десятков старых кораблей. Он велел Гаю Лелию отобрать самые лучшие и отремонтировать. Как только это было сделано, Сципион отправил Лелия к берегам Африки за добычей. Новые корабли были оставлены им в Сицилии для более важных дел.

После этого Сципион прибыл в Сиракузы, самый крупный и богатый из сицилийских городов, населенный преимущественно греками. Не успел он устроиться на новом месте, как к нему прибыла делегация из знатнейших сиракузян. Они жаловались, что воины римского гарнизона отобрали у них имущество, многих выгнали из домов, безнаказанно насилюют их жен и дочерей. Выслушав жалобы, Сципион приказал римлянам вернуть отобранное владельцам, а беспорядки и произвол прекратить. Этим он расположил к себе не только сиракузян, но и жителей других городов. Сицилийцы увидели в нем справедливого судью и надежного защитника. В ближайшее время многие города предложили ему свою помощь.

* * *

Между тем Гай Лелий благополучно добрался до Африки. Высадившись вблизи города Гиппон, он начал грабить соседние селения и захватывать в плен

местных жителей. Весть о появлении римлян на африканской земле быстро достигла Карфагена. Среди карфагенян распространился слух о том, что в Африку прибыл Сципион. В Карфагене начался переполох. Городские власти принимали все необходимые меры для обороны города: «решили быстро провести набор воинов в городе и по селам, – пишет Тит Ливий, – нанять в помощь африканцев, укрепить город, свезти туда продовольствие, приготовить оружие и метательные машины, снарядить суда и послать к Гиппону против римского флота».

А Гай Лелий тем временем продолжал грабить африканское побережье. Вскоре трюмы его кораблей были полны зерном и прочим продовольствием. Из пленных он отобрал несколько сот молодых и сильных мужчин с тем, чтобы сделать их гребцами на римских кораблях; остальных продал в рабство, а деньги пустил на выплату жалованья морякам.

Лелий собрался уже в обратный путь, как к нему приехал Массиниса.

– Почему Сципион до сих пор не переправился в Африку? – спросил нумидиец, едва они обменялись приветствиями.

– Он занят подготовкой войска, – сказал Лелий и поведал, с какими трудностями пришлось столкнуться Сципиону в последнее время.

– Передай Сципиону, что он напрасно теряет время; более благоприятного момента для войны в Африке желать нельзя: пунийцы не помнят себя от страха, Сифак занят войной с соседями, мне самому удалось собрать из соплеменников конное войско, которое растет день ото дня. А тебе, Гай Лелий, нечего больше оставаться в Африке, от Карфагена уже отчалил флот, с которым тебе лучше не сталкиваться. Возвращайся в Сицилию и скажи Сципиону, что я его жду с нетерпением.

На следующий день Гай Лелий покинул Африку и взял курс на Сицилию. Вскоре его корабли бросили якорь в гавани Сиракуз. Встретившись со Сципионом, Лелий подробно рассказал ему о своей экспедиции. Особенно Сципиона порадовал рассказ о встрече с Массинисой.

«Это очень хорошо, — отметил консул, — что Массиниса хранит преданность и активно готовится к войне. Во всяком случае, когда мы переправимся в Африку, нас там будет ожидать многочисленная и знающая свое дело нумидийская конница».

Воины Сципиона, видя, как в порту разгружаются корабли, завидовали морякам, захватившим такую богатую добычу; они мечтали, чтобы консул поскорее переправил их в Африку. Однако Сципион еще не был готов к африканскому походу. К тому же вскоре его отвлекло одно важное дело.

* * *

На юге Италии, в так называемом Бруттии, находился греческий город Локры, перешедший на сторону Ганнибала. Вскоре локрийцам пришлось столкнуться с жестокостью карфагенян, и среди них нашлись люди, которые не прочь были вернуться под покровительство Рима. В городе возник заговор. Заговорщики сообщили Сципиону о своей готовности оказать содействие римлянам, если те подойдут к их городу. Предложение локрийцев показалось Сципиону заманчивым, и он решил попытать счастья.

Для взятия Локр было выделено три тысячи легионеров. Командование операцией консул поручил Квинту Племинию, одному из своих легатов, дав ему в помощники военных трибунов Марка Сергия и Публия Матиена.

Римляне под покровом ночи подошли к Локрам и по лестницам взобрались на стены. Локрийские заговорщики, действительно, помогли им в этом. Овладев городом, римляне, тем не менее, не сумели взять приступом крепость, где засел карфагенский гарнизон. Карфагенянам удалось отправить человека за помощью к Ганнибалу, который находился неподалеку. Узнав, что город в руках римлян, а гарнизон в осаде, Ганнибал двинулся к Локрам. Он был уверен, что легко справится с римлянами при содействии своего гарнизона; по его мнению, римляне сами устроили себе ловушку. Но на этот раз великий полководец просчитался.

Сципион в это время находился в городе Мессана, на севере Сицилии; всего несколько часов плавания по морю отделяло его от Локр. Получив донесение о приближении Ганнибала к Локрам, Сципион немедленно погрузил войско на корабли и вышел в море. Около полуночи его войско высадилось в локрийском порту и вошло в город.

Сципиону доложили, что Ганнибал подошел к городу еще вчера и даже предпринял попытку штурма, которая, впрочем, закончилась неудачей. Консул нисколько не сомневался, что завтра штурм города возобновится. Он разделил войско на две части: одной велел держать в оцеплении крепость, где засел карфагенский гарнизон; другую разместил у ворот и по стенам.

Быстро пролетела ночь. На рассвете воины карфагенского гарнизона вступили в битву с римлянами. Они хотели во что бы то ни стало пробиться к воротам и открыть их своим. Но римляне мужественно сдержали их натиск и вскоре загнали назад в крепость.

Тем временем Ганнибал повел свое войско на приступ. Сципион видел со стены, как карфагеня-

не плотным строем приближаются к городу. Когда они подошли совсем близко, консул приказал открыть ворота, у которых держал наготове когорту легионеров. Вырвавшись наружу, римляне стремительно напали на противника. Карфагеняне никак не ожидали нападения; они были застигнуты врасплох. Фактор неожиданности сыграл большую роль и способствовал успеху вылазки: в короткой схватке римляне убили до двухсот карфагенян.

Увидев, что и вторая попытка штурма провалилась, Ганнибал велел трубить отбой и увел войско в лагерь. Он понял, что римляне являются хозяевами положения. Дождавшись ночи, карфагеняне снялись с лагеря и ушли, оставив в городе гарнизон на произвол судьбы.

Воины Сципиона ликовали. Еще бы! Ведь они с честью выдержали первое боевое крещение, заставив убраться восвояси самого непобедимого Ганнибала. Миф о его непобедимости был развеян на их глазах. Это имело огромное моральное значение для войска Сципиона.

Гордые своей победой, римляне на какое-то время упустили из виду карфагенский гарнизон. А карфагеняне, едва на город опустилась ночь, предприняли отчаянную попытку вырваться из города. Они подожгли здания в крепости и поблизости нее. В городе началась суматоха. Воспользовавшись ею, карфагеняне пробились к воротам и покинули город. Впрочем, Сципион и не мешал этому.

* * *

На следующий день Ганнибал не возобновил штурм; он вообще покинул ту местность. Это дало Сципиону возможность переправиться назад в Мес-

сану. В Локрах он оставил сильный гарнизон под командованием Квинта Племиния, дав ему в помощники военных трибунов Марка Сергия и Публия Матиена.

Покидая Локры, Сципион и не думал, что вскоре снова придется вернуться туда.

Как только консул удалился, Квинт Племиний разрешил части своих солдат грабить горожан с условием, что половину награбленного они отдадут ему. Вскоре локрийцы увидели, что римляне ничуть не лучше карфагенян.

Военные трибуны Марк Сергий и Публий Матиен не только не одобрили поведение Племиния в отношении горожан, но и резко осудили его. Племиний посоветовал им прикусить языки, пригрозив высесть розгами.

Однажды человек Племиния забрался в богатый дом и украл большой серебряный кубок. Хозяин заметил это и бросился вдогонку. Убегая, вор наткнулся на Сергия и Матиена, которые проверяли посты. Трибуны потребовали вернуть кубок владельцу. Вор наотрез отказался. Началась перебранка. На выручку вору пришли его соучастники. Дело дошло до драки, в которой воины Сергия и Матиена избили вора и его защитников. Последние побежали к Племинию и рассказали о случившемся, выставив себя «невинно пострадавшими». Вне себя от ярости Племиний приказал привести Сергия и Матиена. Когда трибунов доставили, он велел ликторам раздеть их и собственноручно высек розгами. Об этом стало известно легионерам, служившим под началом Сергия и Матиена, и они поспешили на помощь своим командирам. Увидев трибунов исполосованными розгами, воины обступили Племиния со всех сторон и набросились на него. Сначала его били ку-

лаками, потом свалили на землю и начали топтать ногами. Наконец, чуть живому Племинию отрезали нос и уши.

Через несколько дней о происшествии в Локрах стало известно Сципиону, который находился в Мессане. Он немедленно отправился в Локры, чтобы разобраться в инциденте.

Проведя расследование, консул оправдал Племиния, а Сергия и Матиена, признав виновными, велел заковать в цепи и отправить в Рим: пусть сенат разберется и по заслугам накажет бунтовщиков. Приняв такое решение, Сципион, как оказалось впоследствии, допустил большую ошибку.

Закончив разбирательство, консул вернулся в Мессану, а оттуда отбыл в Сиракузы, где его ждали неотложные дела.

Между тем Племиний, оправившись от побоев и ран, велел привести Сергия и Матиена, которых по его распоряжению задержали в Локрах. Легат считал, что консул недостаточно строго отнесся к его обидчикам, и решил сам наказать их. Как только к нему привели закованных в цепи трибунов, он подвергнул их жестоким истязаниям, а затем собственноручно убил; их тела выбросили за городскую черту.

Однако кровавой расправой над трибунами Племиний так и не смог утолить свой гнев. Им обуяла слепая жажда мести, его рассудок помешался. В течение нескольких дней он чинил расправу над знатными локрийцами, безжалостно калеча и убивая их. Не в силах переносить бесчинства безумного легата, локрийцы послали своих людей в Рим.

По прибытии в Рим локрийские посланники были допущены в сенат и поставили сенаторов в известность о положении дел в своем городе, об-

виня Племиния во всех его преступлениях. Выслушав их, сенаторы пришли в негодование. Квинт Фабий Максим спросил у локрийцев, обращались ли они с жалобами к консулу Сципиону.

— Да, конечно, — ответил глава посольства, — но ваш консул благосклонно отнесся к своему легату: он признал действия Квинта Племиния справедливыми, а военных трибунов, которые пробовали нас защищать, наказал.

После этого локрийцев попросили выйти из курии. Началось обсуждение жалобы. Сенаторы набросились с обвинениями на Племиния. Послышались предложения казнить злодея. Среди общего шума Квинт Фабий попросил слова.

— Отцы-сенаторы, — сказал он, — мне кажется, что истинным виновником бесчинств в Локрах следует считать не Квинта Племиния, а консула Публия Сципиона, ибо он не сумел, а может, не захотел, своевременно предпринять меры, чтобы не допустить безобразий, о которых нам только что рассказали. Я считаю необходимым срочно отозвать Сципиона из Сицилии; пусть приедет в Рим и ответит, почему он оставил свою провинцию и предпринял захват Локр без разрешения сената. Мне также хотелось бы услышать от него, как он занимается исполнением обязанностей консула в своей провинции. До меня дошли слухи, что он ведет себя в Сицилии не подобающим римлянину образом: разгуливает в греческом плаще и сандалиях, занимается греческими упражнениями и почитывает греческие книжонки. И легаты его стали такими же изнеженными; вместо того чтобы заниматься флотом и войском, они пустились в прелюбодеяния с сицилийскими гетерами. Сципион уже забыл о Ганнибале и Карфагене, его войско испорчено и не знает дисциплины; кстати, таким оно было в Сук-

роне в Испании, таково и сейчас в Локрах. Римские легионеры превратились в злодеев; они страшнее для союзников, чем для врагов.

Обвинительная речь Квинта Фабия озадачила сенаторов. Дебаты разгорелись с новой силой. Кажется, еще немного, и Сципиона сделают врагом государства. Положение выправил сенатор Квинт Метелл. Он предложил создать комиссию и отправить ее в Сицилию с проверкой; если все сказанное Фабием подтвердится, то Сципиона отзовут в Рим, если же нет, то пусть и дальше остается в своей провинции.

Сенат согласился с предложением Метелла, но с отправкой комиссии пришлось повременить, так как приближались консульские выборы.

Консулами на следующий год были выбраны Марк Корнелий Цетег и Публий Семпроний Гудитан: первому досталась Этрурия, второму – Бруттий. Что касается Сципиона, то ему условно продлили командование в Сицилии.

Как только закончились выборы, комиссия во главе с претором Марком Помпонием отправилась в Сиракузы.

Сципиону уже было известно о дебатах в сенате, о нападках Квинта Фабия на него. Он даже выяснил, кто в Риме распустил ложные слухи о распущенности его войска: этим человеком оказался его собственный квестор Марк Порций Катон, которого он отправлял в Рим по делам. Сципион также знал, что к нему направляется сенатская комиссия.

К этому времени Сципион навел полный порядок в Локрах: Племиния и его сообщников заковали в цепи, награбленное имущество по возможности вернули владельцам, гарнизон вывели из города и разместили в лагере поблизости.

И вот посланники сената прибыли в Сиракузы. «Сципион приготовился к защите, — пишет Тит Ливий, — не словом, а делом. Он собрал все войско, привел в готовность флот, словно в тот день предстояло сразиться с карфагенянами на суше и на море. Когда претор и его советники прибыли, он любезно их принял, а на следующий день устроил учения войску и показал в гавани примерное морское сражение; затем претора и послов повели осмотреть арсеналы, склады и разное военное снаряжение. Все — по отдельности и в целом — восхитило посольство; было твердо решено: или этот предводитель с этим войском одолеет карфагенян, или никто... Все отбыли в таком радостном настроении, словно в Риме им предстояло возвестить о победе, а не о безукоризненной подготовке войска и флота».

По возвращении в Рим комиссия доложила сенату, что у Сципиона все в полном порядке, и он готов переправиться в Африку. Сенат продлил Сципиону полномочия и принял постановление о его немедленной отправки в Африку, раз уж все давно готово к походу.

* * *

Как уже говорилось, грабительский набег Гая Лелия на африканское побережье нагнал страху на карфагенян. Даже после того как он покинул Африку, напряжение не уменьшилось. Приходившие из Сицилии торговые корабли приносили все новые сведения о приготовлениях Сципиона. В Карфагене уже никто не сомневался, что рано или поздно покоритель Испании высадится на африканской земле.

Власти Карфагена готовились к войне, больше заботясь, однако, об обороне города, чем об ак-

тивных боевых действиях на суше и на море. Вдоль береговой линии были поставлены вышки, на которых днем и ночью дежурили караульные, следившие за морем. В Карфаген свозилось продовольствие на случай длительной осады. В мастерских ремесленники трудились над изготовлением оружия и воинского снаряжения. Большое внимание уделялось состоянию оборонительных стен. Но главное, чем занимались власти Карфагена, — это вербовка наемников и поиск союзников.

В первую очередь карфагеняне хотели заручиться поддержкой нумидийского царя Сифака. Однако им было известно, что Сифак уже заключил договор со Сципионом. И тогда за дело взялся Гасдрубал, сын Гискона. У него была дочь по имени Софонисба, отличавшаяся редкой красотой. Раньше она была просватана за Массинису, который безумно любил ее. Но теперь обстоятельства требовали, чтобы она стала женой Сифака. Только так можно было склонить его на свою сторону.

Узнав о намерении отца, Софонисба запротестовала. Однако Гасдрубалу все же удалось уговорить дочь, затронув ее патриотические чувства. Он вместе с Софонисбой отправился к Сифаку, прихватив с собой богатое приданое. Увидев прекрасную карфагенянку, нумидийский царь влюбился в нее с первого взгляда и уже сам стал просить Гасдрубала отдать дочь ему в жены. Человек расчетливый, Гасдрубал заявил, что Софонисба станет его женой только в том случае, если Сифак порвет с римлянами союзнические отношения и заключит союз с Карфагеном. Сифак, которому любовь вскружила голову, охотно согласился.

Но Гасдрубал пошел дальше. Уже после свадьбы он с помощью дочери убедил зятя отправить к

Сципиону посольство, чтобы поставить Сципиона в известность; что они больше не союзники. Пусть Сципион не рассчитывает на его поддержку и вообще откажется от мысли переправиться в Африку, иначе он, Сифак, встанет на защиту африканской земли, которая является общей родиной карфагенян и нумидийцев.

Нумидийские послы застали Сципиона в Сиракузах. Известие об измене Сифака, конечно, огорчило Сципиона, но не настолько, чтобы отказаться от экспедиции в Африку. Прежде чем отпустить послов, он написал письмо Сифаку, в котором, по словам Тита Ливия, «настоятельно уговаривал его не рвать уз гостеприимства и не нарушать заключенного союза с римским народом».

Сципион решил скрыть от своего войска истинную цель нумидийского посольства. Собрав воинов на сходку, он сказал, что Сифак настаивает на скорейшей переправе римлян в Африку; к этому же призывает его и Массиниса.

Сципион разослал гонцов по сицилийским городам, где стояли римские войска, с приказом всем направляться в Лилибей, город на западном побережье Сицилии. Именно этот город с его удобной гаванью стал пунктом сбора. В течение нескольких дней туда со всей Сицилии стягивались войска, прибывали подкрепления из Италии. Вскоре гавань Лилибея была заполнена военными и грузовыми судами.

К этому времени у Сципиона было сорок боевых кораблей и около четырехсот транспортных. О численности войска, которое Сципион собирался переправить в Африку, сказать трудно, так как античные источники называют разные числа. Правда, Тит Ливий пишет, что полководец взял с собой не всех; он отдал предпочтение воинам, уже уча-

ствовавшим в битвах с карфагенянами. Среди них были и участники битвы при Каннах. Они сами попросили Сципиона взять их в Африку, чтобы кровью смыть позор поражения при Каннах.

Находясь в Лилибее, Сципион проводил ежедневные военные смотры. Тех, у кого были не в порядке оружие и доспехи, он оставлял, а на их место брал других, более исправных воинов. Одновременно на корабли грузили провиант, осадные машины, лошадей и многое другое, что могло пригодиться на войне. После того как погрузка была завершена, Сципион велел воинам садиться на корабли; при этом каждый знал заранее, на каком судне ему придется плыть.

И вот настал день отплытия. В лилибейской гавани полумесяцем выстроились боевые корабли. Поднявшись на борт флагманской гексеры¹, Сципион приказал глашатаю водворить молчание. Затем он произнес молитву: «О бессмертные боги и богини, к вам обращаюсь я, Публий Корнелий Сципион, и прошу вас послать удачу моим начинаниям. Пусть все, что я задумал, свершится на благо римского народа. Вселите мужество в сердца моих воинов и помогите им одержать победу над пунийцами, отомстить за те беды и страдания, которым они подвергли Италию».

Сципион принес в жертву Нептуну барана, чтобы повелитель морей обеспечил благополучное плавание. Бросив внутренности жертвенного животного в море и вымыв руки, полководец велел трубить сигнал к отплытию. Один за другим корабли покинули гавань и вышли в море.

Грузовые суда заняли середину строя. Слева от них шли двадцать квинквирем под начальством Гая

¹ Гексера – шестипалубный корабль.

Лелия и квестора Марка Порция Катона, справа – еще двадцать под командованием Публия и Луция Сципионов. Такой порядок должен был соблюдаться на протяжении всего плавания.

Дул сильный попутный ветер. Вскоре Сицилия скрылась из виду, корабли оказались в открытом море. Ближе к вечеру ветер утих. Пришлось убрать паруса и взяться за весла. Ночью на море опустился туман, корабли замедлили ход. Во избежание столкновения кормчие зажгли фонари. Наконец ночь закончилась. С первыми лучами солнца туман рассеялся. И тут Сципиону доложили, что показалась африканская земля.

Поднявшись на верхнюю палубу, Сципион пристально всматривался вдаль. Когда до земли оставалось не более пяти миль, он спросил у кормчего, к какому именно месту они подплыли.

– Если мне не изменяет память, впереди мыс под названием Прекрасный, – ответил кормчий.

– Это хорошее предзнаменование, – обрадовался Сципион. – Правь к нему.

Вскоре корабли пристали к берегу, началась высадка. Пока высаживались воины и разгружались корабли, Сципион в сопровождении конного отряда отправился на разведку местности. Нужно было найти удобное место для лагеря. Вскоре удалось обнаружить небольшое плато, возвышавшееся над морем; вблизи протекала небольшая река. «Здесь и разобьем лагерь», – сказал Сципион.

К вечеру римские legionеры разместились в лагере на плато. На берегу была устроена стоянка для кораблей.

* * *

Узнав о высадке римлян, карфагеняне засуетились. Карфаген стал похож на большой муравейник. С окрестных селений в город потянулись толпы беженцев, надеясь найти спасение от врагов за высокими стенами. Они гнали перед собой скот, несли тюки с пожитками. Рыбаки не решались выходить в море на лов рыбы. Иностранные купцы спешно покидали порт. Городские власти призвали граждан к оружию. На стенах были выставлены караульные, вблизи города – вооруженные посты. У ворот дежурили усиленные отряды. Карфагеняне ожидали появления римлян в любую минуту.

* * *

Первую ночь на африканской земле римляне провели спокойно. На следующий день Сципион велел Гаю Лелию плыть к городу Утика и найти там удобную стоянку для флота. Пока легионеры занимались обычными лагерными делами, полководец отправил всадников размять лошадей и пограбить окрестности. Во время рейда римляне натолкнулись на конный отряд карфагенян и атаковали его. Карфагеняне пробовали защищаться, но их было значительно меньше, чем римлян, и они бросились наутек.

Конница вернулась в лагерь с богатой добычей, приведя с собой восемь тысяч пленников. Вечером того же дня в римский лагерь прибыл Массиниса. Сципион радушно встретил своего верного союзника и пригласил к себе в палатку.

Они беседовали до полуночи. Массиниса рассказал Сципиону, что в течение последних месяцев ему пришлось вести ожесточенную борьбу за свое царство с Сифаком. В трех битвах он потерпел поражение, потеряв почти всех своих воинов. Теперь

у него осталось только двести всадников, но и с этими небольшими силами он готов преданно служить римлянам, с помощью которых надеется вернуть свои владения, отобранные Сифаком.

– Жалко, конечно, что у тебя так мало людей, – сказал Сципион, – но это все же лучше, чем ничего.

– Придет время, и число моих воинов увеличится в несколько раз, – заявил Массиниса, – дай только моим соплеменникам оправиться от поражения.

* * *

Простояв несколько дней у побережья, Сципион решил перенести лагерь к Утике. Он собирался захватить этот город, чтобы превратить его в опорный пункт на африканской земле.

Подойдя к Утике, Сципион блокировал ее с суши и с моря; начались приготовления к штурму. В разгар приготовлений Сципиону доложили, что карфагеняне послали на помощь Утике четырехтысячный отряд конницы под предводительством Ганнона, сына Гасдрубала. Увидев, что римляне уже подошли к Утике, Ганнон остановился в городе Салека, всего в пятнадцати милях от римского лагеря.

Опасаясь, как бы Ганнон во время штурма не ударил с тыла, Сципион решил расправиться с ним. Во главе конницы он направился к Салеке. Город был окружен высокими холмами. За одним из них Сципион и остановился, а Массинису послал к городу выманить противника на бой. Всадники Массинисы начали гарцевать вокруг города. Какое-то время карфагеняне не обращали на это внимания, но вскоре поведение нумидийцев показалось им чересчур наглым, и они сделали вылазку. Массиниса

вступил с ними в схватку. Он то нападал, то отступал, заманивая карфагенян все ближе к холму, где стояла римская конница.

Как только увлеченные погоней карфагеняне приблизились к холму, на них с двух сторон напали римляне. И тут началось настоящее сражение, которое, однако, длилось недолго. Около тысячи карфагенян было убито, остальные обратились в беспорядочное бегство. Тридцать миль римляне гнались за беглецами. Во время преследования было убито и взято в плен не менее двух тысяч вражеских всадников. Среди пленных оказался и предводитель карфагенян Ганнон.

Пленников и лошадей Сципион отправил в лагерь к Утике, в Салеке оставил гарнизон, а сам в течение семи дней грабил окрестности. Ему удалось захватить несколько небольших городов. В одном из них были обнаружены римские военнопленные, которых прислал из Италии Ганнибал. Они еле держались на ногах от истощения и непосильного труда. Сципион велел выдать им одежду и как следует накормить.

Наконец Сципион вернулся в лагерь. Он привел с собой множество пленных и домашнего скота. Пленников он распорядился грузить на корабли для отправки в Сицилию. Как раз в это время к нему обратился Массиниса.

— Среди пленных есть немало нумидийцев, — сказал он, — и если ты позволишь мне переговорить с ними, то я думаю, что мне удастся уговорить их перейти на твою сторону. Во всяком случае, для них будет предпочтительнее остаться у себя на родине свободными, чем томиться в рабстве на чужбине. Вот увидишь, они будут преданно служить тебе.

— Будь по-твоему, — дал согласие Сципион.

И действительно, Массиниса довольно легко уговорил соплеменников перейти на сторону римлян, обещая в будущем большую награду за верную службу. Таким образом его отряд увеличился втрое.

В тот же день Массиниса снова обратился к Сципиону:

– Среди пленных карфагенян есть Ганнон, сын Гасдрубала.

– Да, я знаю, – перебил его Сципион. – Уж не собираешься ли ты, Массиниса, и его переманить на нашу сторону?

– Нет, – ответил нумидиец, – но его можно было бы обменять на мою мать, которую несколько месяцев назад вероломно захватил Сифак, он грозитя убить ее, если я не сдамся.

– Вообще-то военнопленными распоряжается сенат, – объяснил Сципион, – но раз дело касается твоей матери, мой друг, то я готов пойти на уступку. Можешь послать к Гасдрубалу и Сифаку своих послов договориться об обмене.

– Благодарю тебя, Публий Корнелий, – промолвил Массиниса, склонившись в глубоком поклоне.

Отправив пленников и добычу в Сицилию, Сципион сосредоточил все свое внимание на штурме Утики. Вдоль стен были поставлены метательные машины, с помощью которых римляне пытались пробить брешь. Несколько раз legionеры ходили на приступ, но всякий раз терпели неудачу. Защитники города успешно отражали приступ за приступом. Провалилась и попытка взять город со стороны моря.

Более сорока дней римляне простояли у стен Утики, так ничего и не добившись. Между тем заканчивалась осень, и Сципион решил разбить зимний лагерь, чтобы дать воинам как следует отдохнуть и собраться с силами к кампании следующего

года. Местом для лагеря был выбран мыс к востоку от Утики. Правильнее сказать, Сципион разбил два лагеря: в одном разместились пехота, в другом – конница. Поблизости находилась корабельная стоянка.

Так для Сципиона закончился 204 год до н.э.

* * *

Пока Сципион был занят осадой Утики, Гасдрубал и Сифак собирали силы для решающей битвы. Гасдрубалу удалось на вербовать наемников: тридцать тысяч пехоты и три тысячи всадников. Кроме того у него было четырнадцать боевых слонов. Сифак призвал к оружию пятьдесят тысяч пехотинцев и десять тысяч всадников. Поздней осенью они подошли к стоянке Сципиона и расположились лагерем всего в семи милях от нее.

Увидев, что неприятель остановился совсем близко, Сципион прилагал все усилия, чтобы раздобыть о нем как можно больше информации. Вскоре ему стало известно, что Гасдрубал и Сифак по количеству воинов превосходят его в пять раз. Это сильно озадачило римского полководца, но тем не менее он не падал духом. Ему также сообщили, что Гасдрубал и Сифак расположились недалеко друг от друга – между ними не более двух миль. Карфагеняне построили себе жилища из дерева, собранного в окрестностях, а нумидийцы соорудили хижины из тростника. Услышав об этом, Сципион задумался: ведь дерево и тростник хорошо горят. А что если?.. И тут у Сципиона появилась мысль о поджоге вражеских лагерей.

В ближайшее время Сципион стал посылать послов в лагерь Сифака для переговоров. Он старался внушить Сифаку мысль, будто напуган числен-

ностью противника и готов пойти на заключение мира. «Речи послов, – сообщает Полибий, – убедили нумидийца, что Сципион серьезно ищет мира». Сифак доложил об этом Гасдрубалу. Последний просил Сифака продолжать переговоры, признавшись, что он тоже не прочь закончить дело миром.

Вскоре обмен послами между Сципионом и Сифаком участился. Римские послы чуть ли не каждый день посещали лагерь Сифака. При этом они привозили с собой легионеров, переодетых рабами, и оставляли их во вражеском лагере в качестве лазутчиков.

Между тем наступила весна. Прекрасно зная расположение вражеского лагеря и усыпив бдительность Сифака и Гасдрубала переговорами о мире, Сципион счел момент удобным для неожиданной атаки.

Тит Ливий с присущей ему скрупулезностью описал нападение римлян на нумидийский и карфагенский лагерь, так что опять предоставим ему слово: «Приготовив все, Сципион созвал совет и велел лазутчикам сообщить о том, что они узнали; выслушал и Массинису, которому известно было все, что делается у врагов, и, наконец, сам рассказал о том, что задумывал на ближайшую ночь. Военным трибунам он приказал по окончании совета, как только прозвучит труба, выводить легионы. Как и было приказано, под вечер войско стало выходить из лагеря, около первой стражи построилось и в полночь, идя обычным шагом, подошло к вражескому лагерю. Сципион отдал Лелию часть своего войска и Массинису с его нумидийцами и распорядился напасть на лагерь Сифака и поджечь его... Сам он нападет на Гасдрубала и карфагенский лагерь, но не раньше, чем увидит огонь в царском лагере.

Все пошло быстро: едва занялись ближайšie хижины, как огонь перекинулся на соседние, охватил их и разошелся по всему лагерю. Ночной пожар, конечно, вызвал большое смятение, но никто не подумал, что это поджог; люди, не взяв оружия, разбежались тушить огонь и наткнулись на вооруженных врагов. Массиниса, превосходно знавший царский лагерь, расставил нумидийцев у самых выходов. Многие прямо в постелях, полусонные, были застигнуты пламенем; многие бросились бежать очертя голову и в давке были затоптаны в узких воротах лагеря.

Зарево над нумидийским лагерем первыми из карфагенян увидели караульные, а затем и другие воины, разбуженные ночной тревогой; они тоже решили, что у нумидийцев пожар возник сам собой. Никто не понял, в чем дело, не догадался, что доносящийся крик поднят убиваемыми и ранеными, а не просто перепуганными среди ночи. Карфагеняне, совсем не думая о врагах, выбегали без оружия из своего лагеря — из всех ворот, какие кому были ближе. Они несли с собой только то, что могло понадобиться для борьбы с огнем. Тут они и натыкались на римское войско. Их всех перебили — не только из ненависти к врагу, но чтобы не осталось никого, кто известил бы своих. Сципион сейчас же бросился к воротам, в этой суматохе не охранявшимся; подождены были ближайšie строения, сначала во многих местах вспыхнули отдельные огни, затем они слились в один огненный поток, поглотивший все. Полуобгорелые люди и животные кинулись бежать сломя голову и завалили своими трупами дорогу к выходу; кто не сгорел, был убит: два лагеря были уничтожены в одну ночь. Оба вождя, однако, и только две тысячи пехотинцев и пятьсот всадни-

ков спаслись бегством, растеряв часть оружия, почти все и раненые и обожженные. Перебито было и погибло в огне около сорока тысяч человек, пленено больше пяти тысяч».

На следующий день Сципион велел свалить в кучу вражеские дротики и копья и поджечь их: это было своего рода жертвоприношение Вулкану, который считался у римлян богом огня.

* * *

Гасдрубалу и Сифаку удалось оторваться от преследования. Добравшись до города Анда, они укрылись за его стенами. Однако уже на следующий день им пришлось покинуть Анду, так как приближались римляне. Сифак направился в Цирту — столицу своего царства, а Гасдрубал поспешил в Карфаген.

Весть о разгроме двух многочисленных армий быстро достигла Карфагена. Жители города были в панике. Никто не сомневался, что римляне, бросив осаду Утики, двинутся к Карфагену.

Сразу по прибытии Гасдрубала состоялось заседание государственного совета, на обсуждение которого было вынесено три вопроса: заключение мира со Сципионом, вызов Ганнибала из Италии и набор нового войска для продолжения войны. Большинство членов совета проголосовало за продолжение войны.

В городе начался воинский набор, в армию призывали всех мужчин, кто хоть как-то умел обращаться с оружием. Однако результаты набора оказались весьма скромными: удалось набрать чуть более десяти тысяч. И тогда Гасдрубал снова обратился за помощью к Сифаку. Опять помогла Софонисба. «Обливаясь горькими слезами, — пи-

шет Тит Ливий, – она умоляла Сифака не бросать ее отца и отечества, не допустить Карфагену погибнуть в таком же пожаре, какой уничтожил лагерь». Сифак поддался на уговоры. Вскоре он прибыл в Карфаген с пятнадцатитысячным войском. К этому времени вербовщики доставили из Испании четыре тысячи кельтиберов. Таким образом, новое войско Гасдрубала и Сифака насчитывало около тридцати тысяч человек; по численности оно по-прежнему превышало войско Сципиона.

* * *

Ожидания карфагенян к их счастью не оправдались: Сципион так и не появился под стенами Карфагена. Все то время, пока Гасдрубал и Сифак готовились к продолжению войны, римский полководец стоял у стен Утики, продолжая осаду. Наконец ему доложили, что Гасдрубал и Сифак с войском направляются к Утике. «Никак они захотели опять помериться со мной силами», – сказал Сципион, выслушав донесение.

Оставив под Утикой небольшую часть своего войска, Сципион двинулся навстречу неприятелю. На пятый день пути римляне подошли к вражескому лагерю, расположенному на так называемых Великих равнинах. Три дня между противниками происходили незначительные стычки. На четвертый день Сципион решил дать сражение.

Учитывая особенности местности, Сципион построил войско по классическому образцу. В середине строя он разместил легионеров: первую линию заняли гастаты, вторую – принципы¹, тре-

¹ Гастаты – самые молодые легионеры, исполнявшие роль застрельщиков; принципы – более опытные легионеры.

тью – триарии. На левом фланге находился Массиниса со своими нумидийскими всадниками, на правом – Гай Лелий с конницей из Италии.

Гасдрубал и Сифак скопировали у Сципиона боевой порядок. В центре они поставили пехоту, ядро которой составляли кельтиберы. Их фланги тоже были прикрыты конницей: левый – нумидийской, правый – карфагенской.

И вот прозвучали трубы, противники начали сближаться. «При первом же столкновении, – пишет Тит Ливий, – и нумидийцы и карфагеняне, стоявшие на обоих флангах, были отброшены: нумидийцы, в большинстве набранные по деревням, не смогли устоять перед римской конницей, а карфагенские солдаты, тоже новобранцы, – перед Массинисой, всегда грозным, а сейчас еще разгоряченным недавней победой. Лишившиеся прикрытия с флангов кельтиберы держались стойко: на бегство в незнакомом месте рассчитывать им было нечего и нечего было надеяться на прощение от Сципиона: он столько сделал для них и для их племени, а они явились в Африку и нанялись против него воевать. Окруженные со всех сторон врагами, они падали один за другим, мужественно принимая смерть. Все были заняты ими, так что у Сифака и Гасдрубала было время убежать». Дополняя Тита Ливия, Полибий сообщает, что Гасдрубал с остатками своей конницы бежал в Карфаген, а Сифак направился в свое царство.

На следующий день Сципион послал в погоню за Сифаком конницу под командованием Гая Лелия и Массинисы, а сам принялся разорять селения и небольшие города на Великих равнинах. Несколько дней римляне навели ужас на жителей Великих равнин; ими была покорена огромная территория; добычу и пленных они отправляли в лагерь под Утикой.

Зная, что в Карфагене не осталось сухопутного войска, Сципион задумал подойти к городу. Однако он не ставил перед собой цели брать Карфаген приступом, просто хотел своим присутствием вселить в сердца карфагенян еще больший ужас; с его стороны это была своего рода демонстрация силы.

Однако добраться до Карфагена Сципиону на этот раз не удалось. В пути ему стало известно, что в страхе перед ним гарнизон покинул приморский город Тунет, который представлял собой важный стратегический пункт. Поэтому Сципион свернул с дороги, ведущей в Карфаген, и направился к Тунету. Город сдался без боя. Опасаясь грабежей, жители Тунета выплатили Сципиону большой выкуп, чтобы его воины не трогали их имущества.

В Тунете Сципион задержался на несколько дней, предоставив войску отдых от ратных трудов. Все шло хорошо, как вдруг Сципиону доложили, что вблизи города показались военные корабли, идущие со стороны Карфагена. Вначале полководец подумал, что карфагеняне задумали силами флота отбить у римлян Тунет. Но он ошибся. Пройдя мимо Тунета, вражеские корабли пошли дальше на запад. «Да они никак задумали напасть на нашу корабельную стоянку под Утикой», — осенила догадка Сципиона.

Тут же был дан сигнал к выступлению, и римляне, покинув Тунет, почти бегом направились в Утику.

Действительно, Сципион разгадал замысел противника: карфагенские власти отправили часть флота уничтожить римские корабли, стоявшие под Утикой; одновременно из Карфагена отчалила эскадра в Италию за Ганнибалом, которого все же решили вызвать в Африку.

Войску Сципиона пришлось преодолеть более пятидесяти миль; на это ушла половина дня и вся ночь. Легионеры устали до смерти, но к утру все-таки достигли цели, и как раз вовремя. Карфагенский флот еще вечером доплыл до Утики, но к боевым действиям приступил лишь на следующий день. Утром карфагенские корабли вошли в бухту, где стояли римские корабли и построились для правильного морского сражения. Они простояли до самого полудня, но римляне так и не приняли вызова.

Сципион даже и не думал о морском сражении; все это время занимался подготовкой к обороне флота. Боевые корабли он велел вытащить на берег, оградив их от нападения четырьмя рядами грузовых судов, которые разместил у самого берега. Более того, моряки связали грузовые корабли между собой канатами, с одного на другой были перекинута дощатые мостики, под которыми могли пройти более мелкие суда. Сципион разместил на грузовых кораблях тысячу легионеров: они должны были принять на себя первый удар противника.

Итак, карфагенский флот несколько часов простоял, ожидая, что римляне примут вызов на бой. Но этого не случилось, и тогда карфагеняне решили атаковать. «Началось нечто совсем не похожее на морское сражение и скорее напоминавшее нападение кораблей на городские стены, — пишет Тит Ливий. — Грузовые суда были несколько выше; карфагеняне с военных кораблей зря посылали вверх свои стрелы и дротики; более тяжелое оружие, с силой пущенное сверху, с грузовых судов, поражало вернее. Сторожевые корабли и другие легкие суда, проходившие под настилом, разбивались при первом же столкновении с большими военными кораб-

лями. Впрочем, оказываясь среди вражеского флота, они мешали и римским солдатам, которые, боясь попасть в своих, не бросали дротиков.

В конце концов карфагеняне стали зацеплять римские корабли железными крючьями, насаженными на шесты. Невозможно было перерубить ни эти крюки, ни цепи, к которым их прикрепляли, чтобы забросить. И каждый военный корабль, отходя назад, тащил за собой на крюке грузовой. Видно было, как лопаются канаты, соединявшие между собой грузовые суда, как один корабль порой тащил целую связку. Мостки над первым рядом судов были сломаны, и солдатам едва удалось перепрыгнуть на второй ряд. Почти шестьдесят грузовых судов, зацепленных за корму, доставили в Карфаген».

Трудно сказать, кому досталась победа в этом сражении. Как бы там ни было, но Сципиону удалось спасти свой военный флот, который впоследствии ему очень пригодился.

* * *

После битвы на Великих равнинах Гай Лелий и Массиниса в течение пятнадцати дней преследовали Сифака. Наконец они прибыли в Массилию (Восточная Нумидия) – наследственное царство Массинисы, из которого его недавно изгнал Сифак. Массилии радостно приветствовали своего царя и его союзников римлян. В войско Массинисы влилось более трех тысяч всадников, и оно увеличилось до четырех тысяч человек. Около того было и под командованием Гая Лелия. С этими силами им предстояло нанести последний удар по Сифаку.

Задержка Гая Лелия и Массинисы в Массилии позволила Сифаку благополучно добраться до

Цирты. В течение нескольких дней он набрал новое войско в пятнадцать тысяч человек, половина из которых были всадники. С этим войском Сифак двинулся навстречу неприятелю.

Вскоре противники встретились, разбив лагерь недалеко друг от друга. И одна и другая сторона горели желанием поскорее начать сражение. И начали.

Сражение продолжалось недолго. Неопытные в военном деле новобранцы Сифака не смогли сдержать атаки противника и обратились в бегство. Сифак пробовал остановить бегущих, но под ним убили коня, и он свалился на землю. Подоспевшие римские всадники взяли его в плен и привели к Гаю Лелию.

До самого вечера всадники Массинисы и римляне преследовали бегущего противника. Во время битвы и преследования было убито до пяти тысяч врагов и около двух с половиной взято в плен; остальным посчастливилось добраться до Цирты.

Уже ночью Массиниса вернулся в лагерь Гая Лелия. Ему сообщили, что Сифак взят в плен. Вождь массилиев захотел взглянуть на своего заклятого врага.

Сифака поместили в отдельной палатке и приставили к нему нескольких стражников. Войдя в палатку, Массиниса застал Сифака сидящим на земле. Пленник обхватил голову руками и заткнул пальцами уши. Глаза его были закрыты. Он издавал какие-то непонятные звуки. Чтобы обратить на себя внимание, Массиниса пнул Сифака ногой. Тот раскрыл глаза и испустил глухой стон.

«Ну что, Сифак, – с презрением произнес Массиниса, – вот мы и встретились. Тебе повезло, что твоей судьбой с сегодняшнего дня распоряжается Сципион, и я не имею возможности расправиться

с тобой за все твои злодеяния в отношении меня. Будь ты в моей власти, я привязал бы тебя за ноги к своему коню и тащил бы до самой Цирты».

Сказав это, Массиниса плюнул Сифаку в лицо и покинул палатку.

* * *

На следующий день Массиниса уговорил Гая Лелия послать его вперед, чтобы занять Цирту. Решено было, что Массиниса возьмет с собой Сифака: возможно, вид пленного царя сделает жителей Цирты сговорчивее, и они откроют ворота.

Несколько дней всадники Массинисы скакали по пустыне. Наконец добрались до Цирты. Ворота города были закрыты – циртийцы приготовились к обороне. Массиниса через глашатая вызвал на стены городскую знать для переговоров. Он предложил открыть ворота и впустить его воинов в город. Циртийцы дружно рассмеялись в ответ. Тогда Массиниса велел привести Сифака. Настроение циртийцев резко изменилось, когда они увидели закованного в цепи царя; со стен послышались рыдания и стенания. Вскоре ворота распахнулись, и всадники Массинисы беспрепятственно вошли в город.

Овладев Циртой, Массиниса расставил караульных у ворот и на стенах, а сам поспешил занять царский дворец. На пороге его встретила Софонисба. Увидев ее, Массиниса на какое-то время замер. В последний раз он видел Софонисбу несколько лет назад; тогда она была красивой девочкой, а теперь перед ним предстала прекрасная молодая женщина, настоящая богиня. Грозный на поле битвы Массиниса изменился на глазах: на его лице появился густой румянец, сердце бешено заколотилось в груди.

Между тем Софонисба бросилась ему в ноги и, обхватив колени, заговорила дрожащим от рыданий голосом: «Массиниса, вспомни о тех немногих счастливых днях, которые мы с тобой провели вместе. Вспомни, как мы любили друг друга и мечтали, что станем мужем и женой. Но судьба распорядилась иначе: меня выдали за Сифака. Поверь мне, это произошло против моей воли, я не хотела быть его женой. Да что вспоминать прошлое, если его уже не вернуть и ничего нельзя изменить. Нынче я твоя пленница, и ты можешь поступить со мной как захочешь. Только об одном тебя умоляю – не отдавай меня римлянам. Я не хочу, чтобы меня увезли в Рим и там потешались над моим горем. Я не хочу расставаться с Африкой, моей любимой родиной, которая, кстати, взрастила и тебя. Если же ты никак не можешь избавить меня от позорного плена, то убей меня».

Глядя на Софонисбу, слушая ее мольбы, ощущая влагу ее слез на своих ногах, Массиниса проникся не только состраданием: бывшая любовь загорелась в его сердце новым пламенем. Он подал Софонисбе руку и клятвенно обещал исполнить ее просьбу. Затем он велел служанкам увести Софонисбу в ее покои, а сам направился в тронный зал дворца. Усевшись на трон Сифака, он попросил приближенных удалиться.

Более часа сидел Массиниса в одиночестве. Забыв обо всем на свете, он размышлял о том, как ему быть с Софонисбой. Союз с римлянами требовал от него выдачи царственной пленницы: ведь она не какая-нибудь простолюдинка, а жена царя и дочь влиятельного карфагенянина. Однако возродившаяся любовь не позволяла ему пойти на этот шаг. Что делать? Как быть? Наконец он принял окончательное решение: пока римляне не вступили в Цирту,

он женится на Софонисбе, а там будь что будет. Неужели Сципион осудит его за такой поступок и посмеет отобрать у него жену?

Свадьба состоялась в тот же день по нумидийскому обряду. Массиниса и Софонисба провели первую брачную ночь. Они наслаждались друг другом, пока в Цирту не прибыл Гай Лелий. Известие о свадьбе разозлило римлянина.

«Так вот зачем, Массиниса, ты так торопишься в Цирту, – вне себя от ярости произнес Лелий. – Как мог ты нарушить данное Сципиону слово и позариться на то, что принадлежит римскому народу. Я требую, чтобы ты вернул мне свою жену; вместе с Сифаком и другими знатными пленниками я отправлю ее к Сципиону, а уж он-то решит, что с ней делать».

Массиниса ничего не сказал в свое оправдание, он смирился с тем, что судьбу Софонисбы будет решать Сципион. У него оставалась надежда на великодушие римского полководца.

Назавтра Гай Лелий отправил Сифака, Софонисбу и прочих пленных к Сципиону. Чтобы отвлечь Массинису от мрачных мыслей, он вместе с ним выступил в поход: нужно было привести к покорности оставшуюся часть Западной Нумидии, очистить многие города от гарнизонов, оставленных Сифаком.

* * *

Через полмесяца Сифака доставили в римский лагерь под Утикой, где тогда находился Сципион. Как только его ввели на территорию лагеря, все легионеры вышли посмотреть на закованного в цепи царя, который совсем недавно был самым могущественным правителем Африки.

Увидев Сифака, Сципион проникся состраданием, помня о былом величии этого человека. Он предложил пленнику сесть.

– Скажи мне, Сифак, что заставило тебя изменить римлянам и начать войну с ними? – спросил Сципион.

Какое-то время Сифак молчал. Наконец собравшись с духом, он заговорил:

– Да, я поступил как безумец, подняв оружие против Рима, безумие овладело мною, когда я впервые увидел Софонисбу. От свадебных факелов пошло то пламя, которое испепелило мой рассудок. Эта женщина полностью ослепила меня. Денно и ночью, на брачном ложе и во время прогулок по дворцовому парку она уговаривала меня встать на сторону Карфагена. И добилась своего... Теперь для меня все кончено, все потеряно – и власть, и царство, и богатство. Утешает лишь то, что эта фурия по имени Софонисба ворвалась в душу моего злейшего врага Массинисы. Женившись на ней, он поступил глупее, чем я. Пройдет совсем немного времени, и Массиниса дорого заплатит за свою любовь к Софонисбе.

Сципион понял, что последние слова подсказала Сифаку не ненависть, а ревность; они встревожили его и не давали покоя в течение многих дней. Массиниса был дорог ему как союзник и как друг, которого он не хотел терять из-за женщины. Сципион с нетерпением ждал прибытия Массинисы и Гая Лелия. Наконец они вернулись, приводя к покорности всю Нумидию. Полководец встретил их с нескрываемой радостью. На военном совете он долго расхваливал их заслуги. Когда же совет закончился, Сципион попросил Массинису задержаться. Оставшись с ним наедине, он заговорил:

– Массиниса, боги даровали людям различные качества, из которых я больше всего ценю самообладание. Я не спорю, у тебя много достоинств, а вот самообладания не хватает. Мне хотелось бы, чтобы оно прибавилось к твоим достоинствам. Совершенно очевидно, что для человека не так опасны мечи и копья в сражении, плавание по морю во время шторма, как жажда удовольствий, и лишь тот, кто умеет усмирять ее, одерживает победы более славные, чем те, которые мы с тобой одержали в последнее время. Надо уметь не только побеждать, но и пользоваться победой. Посуди сам: силой оружия римских легионеров Сифак побежден и захвачен в плен, а следовательно, и он, и его жена, и царство, и люди, населяющие это царство, – все это стало добычей римского народа. В ближайшее время я собираюсь отправить Сифака, его жену и прочих пленников в Рим, ибо только сенат и народ вправе распорядиться их судьбой. Итак, Массиниса, я призываю тебя сделать усилие над собой и отказаться от своей страсти к дочери Гасдрубала. У тебя прекрасное будущее, тебя ожидает царство. Смотри же, не лиши себя по легкомыслию заслуженной награды за верность Риму.

– А как же моя клятва, которую я дал Софонисбе? – тихо промолвил Массиниса.

– Какая клятва? – спросил Сципион, притворившись, будто ничего не знает.

– Я поклялся Софонисбе, что не выдам ее римлянам живой, – ответил Массиниса.

– Ну, это уж тебе решать самому, – сказал Сципион. – Смотри только прими правильное решение.

На этом они расстались. Массиниса удалился в свой шатер и в течение долгого времени не выхо-

дил из него. Из шатра доносились его стоны и рыдания. Наконец он позвал слугу, у которого хранился яд, и велел ему накапать смертоносного зелья в кубок с вином, после чего сказал:

– Иди к Софонисбе и скажи ей, что Массиниса изо всех сил старался сдержать свое обещание не выдавать ее римлянам, но обстоятельства оказались сильнее его. Сказав это, передашь ей кубок с отравленным вином.

Слуга в точности выполнил поручение своего господина.

– Я с благодарностью принимаю свадебный подарок моего мужа Массинисы, – сказала Софонисба, взяв в руку кубок, – если он не смог дать мне ничего лучшего. Передай ему, что мне легче было бы умереть, не выйди я замуж на краю гибели.

После этого Софонисба выпила отравленное вино, и через несколько минут ее не стало.

Как только Сципиону доложили об этом, он сам пришел к Массинисе и долго утешал его. А на следующий день полководец собрал воинов на сходку и, взойдя на трибунал, объявил Массинису царем всей Нумидии. Он увенчал голову царя золотым венком и вручил ему золотой кубок, трон, скипетр из слоновой кости, пурпурную тогу и туннику с узором из пальмовых ветвей.

– Царь Массиниса! – воскликнул Сципион. – Ты первый из чужеземцев, кого римский народ в моем лице считает достойным почестей триумфатора. Владей атрибутами власти и обширным царством и никогда не забывай о верности великому Риму.

На этой же сходке Сципион наградил золотым венком и Гая Лелия. Многие легионеры также получили награды в соответствии со своими заслугами и воинскими подвигами.

Вскоре после этого Сципион отправил в Рим Гая Лелия с Сифаком и нумидийскими пленниками. Вместе с ним в Вечный город поехали послы Массинисы.

* * *

Тем временем наступила осень 203 года до н.э. Сципион оставил свой лагерь под Утикой, которая так и не сдалась, и перебрался в Тунет. Теперь всего пятнадцать миль отделяло его от Карфагена.

Карфагеняне, пристально наблюдавшие за действиями Сципиона, поняли, что многолетняя война вступила в заключительную фазу. Мысли большинства членов государственного совета были направлены на заключение мира со Сципионом. С этой целью было решено отправить посольство в римский лагерь. В состав посольства вошло тридцать знатнейших карфагенян. Гасдрубала, который мог бы помешать отправке посольства, в городе не было: он во главе флота находился в районе Утики, по-прежнему надеясь вызвать римлян на морское сражение.

По прибытии в Тунет карфагенские послы были допущены к Сципиону. Опустившись перед ним на колени, они долго оправдывались, взвалив всю вину на Ганнибала и его сторонников, развязавших войну, абсолютно не нужную Карфагену и принесшую столько бедствий римскому народу. Послы умоляли полководца смилостивиться над их государством.

– Ведь римский народ желает властвовать над побежденными, – говорил глава посольства, – а не погубить их. Мы готовы пойти на любые условия, лишь бы ты, о великий Сципион, даровал нам мир и не разрушал нашего города.

– Я переправился в Африку с твердым намерением вернуться домой с победой, а не с договором о мире, – ответил Сципион, чувствуя себя хозяином положения. – Но хотя победа почти у меня в руках, от мира я не отказываюсь. Однако мне нужно подумать над условиями мира, так что придите ко мне завтра.

Назавтра Сципион выдвинул следующие условия мира: карфагеняне должны вывести войска из Италии, не притязать на Испанию, окончательно признав ее римской провинцией, очистить все острова между Африкой и Италией, уничтожить военный флот за исключением двадцати кораблей, выдать всех пленных, перебежчиков и беглых рабов, доставить в Рим пятьсот тысяч модиев пшеницы и триста тысяч модиев ячменя, в качестве контрибуции выплатить пять тысяч талантов серебра.

– На обдумывание этих условий я даю вам три дня, – заявил Сципион. – Если они вас устроят, то я заключу с вами перемирие, а вы отправите посольство в Рим на переговоры о мире.

Выслушав Сципиона, послы поспешили в Карфаген. В течение трех дней государственный совет обсуждал условия римского полководца и постановил принять их. Об этом уведомили Сципиона и отправили послов в Рим.

* * *

Тем временем Гай Лелий прибыл в Рим и рассказал в сенате о недавних победах в Африке. Из его рассказа сенаторы узнали, что карфагенское войско уничтожено, побежден и взят в плен могущественный царь Сифак, римляне победоносно прошли по всей Нумидии и теперь подобрались к

самому Карфагену. Потом перед сенаторами выступили послы Массинисы, поздравив их с победами Сципиона на африканской земле.

– Отцы-сенаторы, наш царь Массиниса надеется, что вы подтвердите решение Сципиона о передаче ему всей Нумидии и сохраните за ним царский титул, – сказал глава нумидийского посольства. – У Массинисы также есть одна просьба к вам: отпустите домой пленных нумидийцев, которые находятся в Риме. Наш царь считает, что это поднимет его авторитет у соплеменников.

– Сенат тоже поздравляет Массинису с успехами в Африке, – ответил принцепс сената. – Сципион правильно сделал, провозгласив Массинису царем всей Нумидии; мы подтверждаем его решение. Более того, мы передаем Массинисе подарки: два пурпурных плаща с золотой застежкой каждый и тунику с широкой пурпурной каймой, двух боевых коней с золотой сбруей, вооружение для двух всадников с панцирями и консульскую походную палатку.

Нумидийских послов не отпустили с пустыми руками: каждый из них получил по пять тысяч ассов¹ и по две туники. На время пребывания в Риме им было предоставлено жилье и казенное содержание. В ближайшие дни из тюрем были выпущены пленные нумидийцы, которые пришли в Италию вместе с Ганнибалом. Их отвели в порт Остия, где посадили на корабли для отправки на родину.

Отведав римского гостеприимства, нумидийские послы вместе с Гаем Лелием собрались домой. Но не успели они добраться до Остии, как Гая Лелия вернули в Рим: в это время прибыло посольство из Карфагена. Сенаторы хотели, чтобы Лелий присутствовал на переговорах.

¹ Асс – римская серебряная монета.

Карфагенских послов приняли в храме богини войны Беллоны, так как они представляли враждебное Риму государство. Послы говорили сенаторам то же, что и Сципиону. Единственным виновником войны они выставляли Ганнибала, который, по их словам, действовал самостоятельно, а народ карфагенский и члены государственного совета нерушимо хранили прежний договор, заключенный сорок лет назад по окончании Первой Пунической войны. Послы предложили сенаторам вернуться к этому договору.

Сенаторов удивило такое предложение, и они стали расспрашивать послов, на каких условиях они договорились со Сципионом заключить мир. К еще большему удивлению, послы заявили, что не знают в точности об этих условиях, так как не они, а другие люди вели переговоры со Сципионом.

– Так зачем же вас прислали к нам? – спросил один из сенаторов.

– Чтобы заключить мир, – промямлил в ответ глава посольства.

И тут терпению сенаторов пришел конец. Послы слышались крики, что послы попросту тянут время, предоставляя Ганнибалу возможность спокойно переправиться в Африку.

– Долой их из Рима, – поступило предложение. – Это вовсе не послы, а лазутчики.

Выдворив послов из храма Беллоны, сенаторы продолжили совещание и приняли решение: пусть Сципион продолжает войну.

Таким образом, карфагенские послы ни с чем покинули Рим, но они, действительно, выиграли время. Ганнибал, которому было хорошо известно о событиях в Африке, тоже покинул Италию, чтобы защищать собственную родину.

Между тем закончился 203 год до н.э. В Риме прошли консульские выборы. Консулами на следующий год были выбраны Марк Сервий Гемин и Тиберий Клавдий Нерон. Последнему по жребию досталась провинция Африка. Сенат постановил выдать Нерону пятьдесят боевых кораблей и два легиона. С этими силами он должен был переправиться в Африку и пользоваться там такой же властью, как и Сципион.

* * *

Не дождавшись возвращения посольства из Рима, карфагеняне нарушили перемирие, которое им великодушно предоставил Сципион. Вот как это произошло.

Из Сицилии в Африку к Сципиону было отправлено двести грузовых судов с продовольствием под охраной тридцати военных кораблей. У берегов Африки корабли попали в сильный шторм; многие затонули, остальных волнами прибило к берегу вблизи Карфагена. Заметив это, карфагенский полководец Гасдрубал напал на потерпевших крушение римлян. Он захватил несколько десятков римских кораблей и отбуксировал их в Карфаген.

Узнав о случившемся, Сципион вне себя от гнева отправил в Карфаген трех послов потребовать объяснений. Однако карфагеняне и слушать не стали римских послов. Более того, толпа чуть было не набросилась на них. К счастью, среди членов совета нашлись люди, у которых хватило ума взять римлян под свою охрану и на корабле вывезти их из города, а затем помочь добраться к своим.

Таким образом, карфагеняне сами нарушили не только перемирие, но и международное право,

согласно которому личность посла считалась неприкосновенной. Сципион прервал перемирие и стал готовиться к военным действиям.

* * *

Как уже было сказано, Ганнибал в конце 203 года до н.э. покинул Италию. Благополучно переплыв Средиземное море, он добрался до Африки. Однако он не стал заходить в Карфаген, вблизи которого стояло войско противника. У него были другие планы. Обойдя Карфаген стороной и обогнув мыс Фарина, Ганнибал высадился в Гадрумете, расположенном в ста тридцати милях от Карфагена. Здесь он расположил свое войско на зимние квартиры.

В течение зимы к Ганнибалу прибывали подкрепления. Прежде всего пришел флот из Северной Италии с наемниками-галлами. Этих наемников должен был доставить брат Ганнибала, Магон, но он умер от раны по дороге в Африку. Ганнибалу пришлось оплакивать смерть уже второго брата.

Македонский царь Филипп, у которого резко обострились отношения с Римом, прислал Ганнибалу большой отряд тяжеловооруженных пехотинцев. Три нумидийских вождя, изгнанные из Нумидии Массинисой, — Тихей, Мазетула и Вермина — решили стать под знамена прославленного полководца. Кроме этого Ганнибалу удалось заручиться поддержкой царя Мавретании. Из центральных районов Африки в Гадрумет было доставлено восемьдесят боевых слонов. И, наконец, из самого Карфагена пришла армия, которую привел Гасдрубал, сын Гискона. Передав ее Ганнибалу, Гасдрубал удалился, не желая воевать под его началом.

Таким образом, к весне 202 года до н.э. у Ганнибала было более пятидесяти тысяч пехоты и около четырех тысяч конницы. С этими силами можно было начинать военную кампанию.

* * *

Под командованием Сципиона в это время имелось до тридцати тысяч пехоты и восемь тысяч конницы, включая всадников Массинисы. Он ожидал прибытия консула Нерона, но тот так и не прибыл.

Разрабатывая план кампании, Сципион решил дать Ганнибалу битву вдали от Карфагена. Его внимание привлекли Великие равнины, где уже была одержана одна победа над карфагенянами. Выступив из Тунета, войско Сципиона двинулось берегом реки Баграда и через пять дней расположилось лагерем у города Нараггара.

Узнав о выступлении Сципиона, Ганнибал пошел ему навстречу и вскоре достиг города Зама, у которого остановился. Отсюда до римского лагеря было не более пяти миль.

Ганнибал отправил лазутчиков разведать местоположение римского лагеря. Большой мастер на всякого рода уловки и ловушки, он, видимо, и сейчас задумал устроить римлянам какой-нибудь сюрприз. Однако лазутчики были схвачены римскими караулами. Их привели к Сципиону. Римский полководец разрешил им пройти по лагерю. Как только они разузнали все, что их интересовало, Сципион отпустил их.

На следующий день к Сципиону прибыл гонец от Ганнибала с просьбой о встрече для переговоров. Сципион дал свое согласие встретиться с Ганнибалом.

Встреча произошла посередине между лагерями на совершенно ровном месте, чтобы можно было не опасаться засады. Полководцы выехали навстречу друг другу на лошадях. Их сопровождали только переводчики. Когда между ними оставалось шагов десять, они спешили и какое-то время молча рассматривали друг друга. Затем Ганнибал произнес слова приветствия. Сципион ответил тем же.

– Кто будет говорить первым? – спросил Ганнибал.

– Говори ты, – ответил Сципион, – ведь по твоей инициативе мы встретились.

Собравшись с мыслями, Ганнибал заговорил. Он говорил долго, речь его была вполне откровенной, это чувствовалось по интонации. Он перечислил свои победы, вспомнил также о победах римлян, сожалел о своих ошибках, дивился злой насмешнице-судьбе, заставившей его просить мира у сына того самого консула, который первым из римских полководцев преградил ему путь у реки Тицин в первый год войны.

– Судьба капризна и переменчива, – продолжал Ганнибал. – В этом я убедился на личном примере. Не так давно мое войско взирало на стены Рима и пировало в Капуе, а теперь я прибыл в Африку, чтобы защищать собственное отечество от римлян, которые совсем недавно трепетали от одного моего имени. Еще раз повторяю, Публий Корнелий: судьба переменчива. Я советую тебе подумать о мире. Лучше мир, чем надежда на победу, потому что сегодня ты держишь мир в своих руках, а завтрашняя победа находится в руках богов. Сам непобедимый Ганнибал просит у тебя мира, обязуясь выполнить все ранее предложенные тобой условия. Мое имя и слава будут тебе порукой. И

если ты заключишь со мной мирный договор, то, клянусь бессмертными богами, никто из карфагян не дерзнет нарушить его, пока я жив.

Ганнибал закончил свою речь. Теперь очередь была за Сципионом.

– Ганнибал, – сказал он, – мне тоже прекрасно известны превратности судьбы. Я ни в коем случае не отвергнул бы твоей просьбы о мире, если бы ты покинул Италию добровольно, а не в силу сложившихся обстоятельств. Но все произошло иначе: я чуть ли не за руку вытащил тебя из Италии и поэтому ничем тебе не обязан. Что до условий мира, о которых ты только что вспомнил, то, посуди сам, Испания и острова между Африкой и Италией уже наши, Италия освобождена, что же касается выплаты контрибуции и уничтожения вашего военного флота, то это дело времени. Не могу я заключить с тобой мир, ибо мне уже известно, как карфагяне держат свое слово. Так что мир исключается – будем воевать.

– Ну что ж, воевать, так воевать, – произнес Ганнибал и, взобравшись на коня, поскакал к своим.

– Завтра выводи войско на битву, – крикнул ему вдогонку Сципион.

* * *

Вернувшись в лагерь, Сципион собрал военный совет.

– Завтра мы дадим битву Ганнибалу, – сказал он. – Это будет последняя битва в этой войне. Тот, кто одержит победу, станет победителем навеки и будет предписывать законы другим народам. Тот, кто потерпит поражение, окажется в большой опасности: и нам не найти прибежища в Африке, и Карфаген, исчерпав последние силы, сразу окажется на

краю гибели. Нам нужна победа, как воздух. А чтобы одержать ее, следует приготовить оружие и собраться с духом.

Затем Сципион сообщил собравшимся план построения войска и распустил военный совет.

Остаток дня римское войско готовилось к предстоящей битве. С наступлением сумерек прозвучал сигнал отбоя, и легионеры разошлись по палаткам, чтобы как следует выспаться. Проверив караульные посты, Сципион тоже удалился в свою палатку. Ему долго не спалось. Он перебирал в памяти события прошлого. Вспомнилось, как семнадцать лет назад он попросил отца взять его на войну с Ганнибалом, как в конной схватке с нумидийцами на берегах Родана убил своего первого врага, как в битве при Тицине спас отца от верной гибели. Вспомнилась битва при Каннах, штурм Нового Карфагена, сражения при Бекуле и Илипе и многое другое. Лишь за полночь полководец уснул крепким сном.

Назавтра, едва первые лучи солнца осветили африканскую землю, оба войска начали строиться для битвы.

Сципион построил легионеров в три линии по манипулам¹. В первой линии стояли манипулы гастатов, во второй – принципов, третью занимали триарии. Между манипулами были оставлены широкие проходы, предназначенные для передвижения легковооруженных воинов. Фланги Сципион прикрыл конницей, которая по численности вдвое превышала вражескую. Левый фланг занял Гай Лелий с италийскими всадниками, на правом находился Массиниса.

¹ Манипула – боевая единица легиона, насчитывала от 120 до 150 воинов.

Несколько иным было построение у Ганнибала. Рассчитывая внушить противнику страх, он впереди своего войска поставил восемьдесят боевых слонов. Затем шла первая линия пехоты, где разместились отряды лигурийцев, галлов, балеарцев и мавров. На них Ганнибал надеялся меньше всего, поэтому и поставил впереди, лишив их возможности отступления. Во второй линии стояли карфагеняне, африканцы и македоняне, присланные царем Филиппом. И, наконец, третью линию занимали ветераны Ганнибала, воевавшие вместе с ним в Италии. Их было более двадцати тысяч.

Ганнибал очень сожалел, что конницей уступает противнику: у него имелось не более четырех тысяч всадников. На левом фланге он поставил нумидийцев под предводительством Тихея, Мазетулы и Вермины. Они должны были противостоять всадникам Массинисы. Правый фланг заняла карфагенская конница, которой предстояло вступить в единоборство с четырехтысячным конным корпусом Гая Лелия.

Следует напомнить, что войско Ганнибала превышало пятьдесят тысяч человек. У Сципиона было менее сорока тысяч воинов. Таким образом, численное преимущество было у Ганнибала. Вместе с тем у него был и недостаток: его войско состояло из представителей разных народов, что усложняло общее командование.

Перед битвой оба полководца ободрили своих воинов короткими речами. Ганнибал еще не закончил говорить, как римские трубачи и горнисты затрубили сигнал к бою, а легионеры дружно закричали. Поднялся такой шум, что слоны Ганнибала перепугались и кинулись на своих. В рядах карфагенян начался переполох, которым воспользовалась конница противника. Первым повел в ата-

ку своих всадников Массиниса. Грозной лавиной он навалился на соплеменников под предводительством Тихея, Мазетулы и Вермины. Его примеру последовал Гай Лелий. Они сразу же обратили вражескую конницу в бегство. Таким образом, фланги Ганнибала были обнажены, он лишился конницы в самом начале битвы.

За это время воинам первой линии карфагенского войска кое-как удалось справиться с взбесившимися слонами: большую часть животных перебили, остальных погнали на римлян. Однако римляне довольно легко справились со слонами. Заманив их в проходы между манипулами, они забросали их дротиками.

Когда со слонами было покончено, передовые линии противников сошлись. Началась рукопашная схватка. «С первого же натиска римляне сдвинули вражеский строй, — пишет Тит Ливий, — затем, проталкиваясь плечом и щитом, наступая на теснимого ими противника, продвинулись далеко вперед, словно никто им и не сопротивлялся; задние ряды, почувствовав наконец, что враг сломлен, стали давить на передние, усиливая тем самым напор.

Африканцы и карфагеняне, занимавшие вторую линию, не помогали своим отступавшим союзникам, более того, и сами начали отходить, испугавшись, как бы римляне, перебив на передовой упорно сопротивлявшихся, не добрались до них. Тогда сражавшиеся на первой линии вдруг повернулись лицом к своим: одни пытались найти прибежище во второй линии, а другие, поняв, что их сначала оставили без помощи, а теперь отгоняют, стали избивать своих, не принимавших их к себе. Шли как бы два перемешанных между собой сражения: карфагенянам приходилось биться одновременно с неприятелем и со своими. Тем не менее они

не пустили в свой строй людей перепуганных и разгневанных, но, сомкнув ряды, отбросили их на фланги и вообще подальше от битвы, чтобы солдаты растерявшиеся, раненые и бежавшие не привели в замешательство еще невредимый строй.

Место, где только что стояли вспомогательные силы, было так завалено трупами и оружием, что пройти тут было, пожалуй, труднее, чем сквозь сомкнутые ряды неприятеля. Гастаты в строю шли первыми, преследуя врага, пробираясь, кто как мог, через горы тел и оружия, через лужи крови – ряды их расстроились, соединения перемешались. Заколебались и ряды принципов, ведь впереди себя они видели рассыпавшийся строй. Сципион, заметив это, велел тут же подать трубой сигнал гастатам: пусть отойдут назад. Раненых отправили в тыл, принципов и триариев развели по флангам, чтобы надежнее защищать и укрепить середину строя, где стояли гастаты. Тут-то и началось совсем новое сражение: теперь бились между собой противники настоящие, равные друг другу и родом оружия, и военным опытом, и славой своих подвигов; их воодушевляли одинаковые надежды, им грозила одинаковая опасность. Но римляне превосходили врага и численностью, и уверенностью в себе: они уже обратили в бегство конницу и слонов, оттеснили передовую линию и сражались уже на второй.

Лелий и Массиниса далеко отогнали всадников, а затем вернулись и налетели на вражеский строй с тыла. Это нападение довершило разгром врага. Многих окружили и убили в бою; беспорядочно убежавших по открытой равнине перебили овладевшие ею всадники».

Так закончилась битва при Заме, последняя битва Второй Пунической войны. Римляне под командованием Сципиона одержали блестящую по-

беду. Поражение карфагенян было полным. Они потеряли убитыми более двадцати тысяч человек, почти столько же было взято в плен. У римлян погибло полторы тысячи воинов.

* * *

После битвы Ганнибал с небольшим отрядом личной охраны бежал в Гадрумет. Однако там он оставался недолго: государственный совет вызвал его в Карфаген. С тревогой на сердце полководец возвращался в город, который покинул тридцать шесть лет назад девятилетним мальчиком. За это время он одержал немало великих побед, а сейчас, выступая в совете, вынужден был признаться, что при Заме проиграл не только сражение, но и всю войну. «Остается одно, — говорил он, — добиваться мира, другой надежды на спасение нет».

Что касается Сципиона, то победа при Заме окрылила его. Еще бы: ведь он одолел самого Ганнибала! Позволив воинам разграбить вражеский лагерь, он щедро вознаградил их за ратные труды. Несколько дней ушло на захоронение погибших в сражении, своих и чужих. После этого Сципион направился в Утику.

Известие о победе при Заме опередило римское войско: наконец Утика капитулировала. Как и подобает победителю, Сципион въехал в город на белом коне.

Через несколько дней в Утику прибыл Публий Лентул с пятьюдесятью военными и сотней грузовых кораблей с продовольствием. На военном совете было решено, что Гай Лелий отправится в Рим с известием о победе, легат Гней Октавий поведет легионы к Карфагену посуху, Сципион направится туда же со всем флотом.

Когда римский флот подходил к Карфагену, навстречу ему выплыл карфагенский корабль, украшенный белыми лентами и оливковыми ветвями. Римляне поняли, что это посольское судно. И действительно, на корабле находилось десять членов карфагенского совета. Приблизившись к гексере Сципиона, они стали просить римского полководца принять их для переговоров о мире. Сципион велел им возвращаться назад, сказав, что примет посольство позже в Тунете.

Римские корабли выстроились перед входом в карфагенскую бухту. Нет, Сципион не ставил перед собой задачу вызвать карфагенян на морское сражение: это была демонстрация силы, своего рода акция устрашения. И она удалась на славу. Высыпав на стены, карфагеняне в тревожном молчании взирали на вражеский флот.

Простояв несколько дней у Карфагена, Сципион отправил флот назад, в Утику, а сам направился в Тунет, где его ждали легионы. Легаты, в их числе и брат полководца Луций, спрашивали его, не собирается ли он предпринять штурм Карфагена.

«Разрушение Карфагена стало бы логическим завершением войны, — отвечал Сципион, — но осада такого хорошо укрепленного города будет трудна и может затянуться на неопределенное время. Пока я буду водить легионы на приступ, сенат назначит мне преемника, которому и достанется слава победителя, а мне этого не хотелось бы: ведь только я в праве называться завершителем тяжелой войны. И я завершу ее подписанием мира».

Вскоре в Тунет прибыло новое посольство из Карфагена в составе тридцати человек. Сципион продиктовал новые условия мира: Карфагену предоставляется свобода, но владения его ограничиваются только африканской территорией; Испания,

Сардиния, Корсика, Сицилия и другие острова переходят в неотъемлемую собственность Рима; часть своих африканских владений карфагеняне уступят Массинисе и заключат с ним союз; карфагенянам запрещается воевать где бы то ни было без разрешения римского народа; из военного флота карфагенянам разрешается оставить лишь десять кораблей, остальные должны быть сожжены; карфагеняне отдадут римлянам боевых слонов, которые у них еще остались, и приручать новых не будут; римские перебежчики, беглые рабы и пленные должны быть выданы все до одного; карфагеняне предоставят сотню заложников из знатных семей не моложе четырнадцати и не старше тридцати лет; в течение пятидесяти лет карфагеняне выплатят десять тысяч талантов серебра. К этому Сципион прибавил, что желает получить обратно все грузовые корабли, которые карфагеняне захватили в Утике и после шторма.

«Если вы не примите эти условия, – сказал в заключение полководец, – то на мир не рассчитывайте и готовьтесь к обороне своего города».

Выслушав Сципиона, послы удалились в Карфаген и изложили условия мира в народном собрании. Не успели они закончить, как на трибуну поднялся знатный карфагенянин Гискон и принялся отговаривать сограждан от мира. Слушая его, карфагеняне вспомнили о патриотизме. Раздались одобрительные возгласы. И тут вмешался Ганнибал. Подбежав к Гискону, он стащил его с трибуны. Поведение Ганнибала вызвало возмущение среди карфагенян, кто-то даже крикнул:

– Мы – граждане свободного государства и не допустим насилия в народном собрании.

– Это вы-то свободные!?! – грозно воскликнул Ганнибал. – Да когда вы наконец поймете, что ваша

свобода в настоящий момент находится в руках римлян; если вы не примите их условий, вашей свободе придет конец.

Порыв отчаянного патриотизма схлынул, карфагеняне признали правоту Ганнибала. Через несколько дней послы вернулись к Сципиону и доложили ему, что граждане Карфагена принимают условия мира. Они также сообщили ему, что все римские грузовые корабли отправлены в Утику, правда, без груза. «Но за груз мы готовы расплатиться деньгами», – заявил глава посольства.

Сципион велел квесторам оценить цену груза; с карфагенян потребовали двадцать пять тысяч фунтов серебра. Как только эти деньги были уплачены, Сципион объявил карфагенянам, что предоставляет им перемирие на три месяца. За это время они должны съездить в Рим, чтобы в сенате подтвердить свое желание выполнить продиктованные им условия.

С карфагенскими послами в Рим Сципион отправил своего брата Луция, дав ему в помощники Луция Ветурия Филона и Марка Марция Раллу. Главой карфагенского посольства был Гасдрубал по прозвищу Козлик.

В Риме карфагенские послы были приняты сенатом. Гасдрубал Козлик выступил перед сенаторами с длинной речью; в ней он всячески обвинял Ганнибала, который все эти годы ратовал за продолжение войны. Большинство сенаторов были тронуты его речью, но нашлись и такие, кто отнесся к ней весьма скептически. Тит Ливий пишет, что один сенатор, негодуя на карфагенян за вероломство, спросил:

– Какими богами вы поклянетесь нынче, заключая с нами мирный договор, если тех, которыми клялись прежде, вы обманули?

– Мы поклянемся все теми же богами, которые уже сурово наказали нас за вероломство, – сказал в ответ Гасдрубал.

Переговоры о мире совпали с консульскими выборами, поэтому сенат попросил карфагенских послов подождать с окончательным ответом. Консулами на 201 год до н.э. были избраны Публий Элий Пет и Гней Корнелий Лентул. Последний был одержим честолюбием и завистью к Сципиону. Он добивался в сенате, чтобы ему дали в управление Африку, рассчитывая завершить войну и незаслуженно присвоить себе славу Сципиона. Притязания Лентула были настолько наглыми, что пришлось обратиться к народному собранию, и римский народ изъявил свою волю: закончить войну и заключить мир с Карфагеном должен Публий Корнелий Сципион.

После этого вернулись к карфагенскому посольству. Сенат сказал послам, что они могут вернуться в Африку и заключить мир со Сципионом на оговоренных условиях.

Через каких-то полмесяца в римском лагере под Тунетом состоялся акт подписания мира. Согласно договору, карфагеняне в ближайшее время выдали слонов, заложников, перебежчиков, беглых рабов и четыре тысячи пленных, которые в течение долгих лет томились в карфагенских тюрьмах. Беглых рабов Сципион приказал высесть и отправить в Рим: пусть сенат определит, на какие работы их послать. С перебежчиками он поступил более сурово: союзники-италийцы были обезглавлены, римляне – распяты.

Затем Сципион велел карфагенянам вывести свой флот в море. Выведено было до пятисот кораблей разного типа. Их связали между собой канатами и цепями и подожгли. Огромное пламя

взметнулось над морем и пылало в течение нескольких часов. «Этот пожар напоминает погребальный костер карфагенского владычества», — заметил Сципион, глядя на горящие корабли.

Настало время покинуть Африку. Сципион велел грузить корабли. Попрощаться с ним приехал Массиниса. Нумидийский царь еще раз поблагодарил полководца за оказанные ему почести и пожелал счастливого пути.

— Прощай, Массиниса, — сказал Сципион, обнимая своего верного друга и соратника, — возможно, в будущем мы еще не раз встретимся.

— Я на это очень надеюсь, — ответил Массиниса и, вскочив на коня, покинул римский лагерь.

Посадив войско на корабли, Сципион благополучно переправился сначала в Сицилию, а затем в Италию. Сойдя на берег в Путеолах, он решил добираться до Рима по суше, хотя путь был не близким. «Он шел по Италии, — пишет Тит Ливий, — страна радовалась миру не меньше, чем победе; высыпали приветствовать его жители городов; толпы селян запрудили дорогу».

Добравшись до Рима, Сципион остановился за городом в храме Беллоны. Отсюда он отправил гонцов в сенат спросить разрешения въехать в Рим с триумфом. Сенаторы дали разрешение на триумф.

К сожалению, Тит Ливий и Полибий ограничились лишь краткими замечаниями о триумфе Сципиона. Более подробное описание оставил Аппиан. Вот что он пишет: «Сципион... вступил в Рим с триумфом, самым блестящим из всех, какие до него были. Обычай, который соблюдается и ныне, когда справляется триумф, таков. Все выступают увенчанные венками, впереди идут трубы и движутся повозки с добычей, проносят башни

и изображения взятых городов, картины, изображающие военные события, затем золото и серебро – нечеканенное и в монетах – и если есть, то и другие подобные же ценности, и все венки, которыми наградили полководца за доблесть или города, или союзники, или подчиненные ему войска. Затем шли белые быки, а за быками были слоны и все вожди и самих карфагенян и нумидийцев, которые были взяты в плен. Впереди самого полководца шли ликторы, одетые в пурпурные туники, и хор кифаристов и играющих на свирелях, подпоясанные и с золотыми венками на голове; подобным образом выступают другие в строю с пением и приплясыванием. Один из них, в пурпурной до пят одежде, в золотых ожерельях и браслетах, делает различные жесты, вызывая смех, как бы насмехаясь над неприятелями. За ним множество носителей благовоний, а за благовониями – сам полководец на колеснице, пестро расписанной, в венке из золота и драгоценных камней, одетый, по отеческому обычаю, в пурпурную тогу с вотканными в нее золотыми звездами, несет скипетр из слоновой кости и лавровую ветвь, которую римляне всегда считают символом победы. С ним всходят на колесницу мальчики и девушки, а на свободных конях с обеих сторон едут юноши, его родственники. За ним следуют все те, которые во время войны были у него писцами, служителями, оруженосцами. И после них войско по когортам, все увенчанное и несущее лавровые ветви; лучшие же воины несут и знаки отличия. Из начальников одних они восхваляют, других осмеивают, а иных порицают; ибо триумф не знает запрета, и все вправе говорить, что только хотят. Прибыв на Капитолий, Сципион распустил процессию, а на угощение он по обычаю пригласил друзей в храм».

Полибий к этому добавляет, что «по завершении торжества римляне непрерывно в течение многих дней устраивали блестящие игры и сборища на средства щедрого Сципиона».

В государственную казну Сципион внес сто тридцать три тысячи фунтов серебра, а легионерам, служившим под его началом, выплатил по четыреста ассов каждому.

Тит Ливий сообщает, что за победу над Карфагеном Сципион получил прозвище Африканского; однако историк сомневается «дано ли оно солдатами, к нему привязанными, народом, его любившим, или же льстецами из ближайшего окружения... Достоверно известно, что Сципион первым полководцем получил свое прозвище, произведенное от имени покоренного им народа». Как бы там ни было, он вошел в историю как Сципион Африканский – победитель Ганнибала.

Тит Ливий также приводит одну любопытную деталь, будто римский народ склонялся к тому, чтобы назначить Сципиона Африканского пожизненным консулом и поставить его статуи в здании сената и в храмах на Капитолии. Однако полководец упрекнул сограждан за желание наделить его, если не по названию, то по сути, царской властью. Тем самым он еще раз показал свое величие.

Часть 3

ПЛОДЫ СЛАВЫ

Прежде чем продолжить рассказ о Сципионе Африканском, будет уместным представить краткую хронику основных международных событий в период с 201 по 192 год до н.э.

Пока Рим был занят войной с Карфагеном, македонский царь Филипп V и сирийский царь Антиох III Великий задумали провести передел Восточного Средиземноморья. Они заключили соглашение о захвате и разделе между собой некоторых владений Египетского царства, которым тогда правил малолетний царь Птолемей V Эпифан. Согласно договору, Антиох III должен был прибрать к рукам Келесирию, Финикию и Кипр, а Филипп V — принадлежавшую Египту Карию, некоторые острова в Эгейском море и Киренаику в Северной Африке. Однако о совместных военных действиях Антиох и Филипп так и не договорились; каждый воевал самостоятельно.

Вскоре Антиох захватил Келесирию. Одновременно Филипп овладел некоторыми греческими островами и городами в Пропонтиде, совершил грабительский набег на прибрежную территорию Пергамского царства и оккупировал Карию. Захваты Филиппа вызвали серьезные опасения в Пергамском царстве и в Родосе. Эти государства заключили между собой антимакедонский союз, к которому вскоре примкнули Византий, Афины и другие греческие города. В 201 году до н.э. Филипп потерпел поражение от пергамо-родосского флота в морском сражении у острова Хиос.

Невзирая на одержанную победу, Пергам и Родос считали свои силы недостаточными для длительной борьбы с Филиппом и обратились за помощью к Риму, который к тому времени уже победил Карфаген. Римляне не были заинтересованы в усилении Македонии. Захваты Филиппом островов Эгейского моря и юго-западных областей Малой Азии затруднили бы их проникновение в бассейн Эгейского моря, а овладение им Киренаикой могло поставить под угрозу торговлю с Египтом. В Риме учитывали, что Филипп в войне с Пергамом и Родосом потерял часть своих военно-морских сил, поэтому вопрос о войне с Македонией был решен положительно. Одновременно римлянам удалось добиться от Антиоха III нейтралитета в предстоящей римско-македонской войне. С Пергамом и Родосом был заключен союз. После этого сенат отправил посольство к Филиппу. Угрожая войной, римские послы предъявили македонскому царю ультиматум: освободить захваченные им греческие города и вернуть отобранные у Египта территории. Филипп отклонил требования римлян.

Сенат объявил ему войну.

Осенью 200 года до н.э. римская армия, высадившись в Греции, двинулась к границам Македонии. Флот пергамцев и родосцев блокировал македонское побережье. Однако в течение двух лет римляне и их союзники не добились существенных успехов: Филипп упорно защищался и иногда даже переходил в наступление. Тогда римляне прибегли к дипломатии. Они привлекли на свою сторону фракийские племена, а также Этолийский и Ахейский союзы и тем самым поставили Филиппа в тяжелое положение.

В 198 году до н.э. римскую армию возглавил талантливый полководец Тит Квинкций Флами-

нин, который в битве при Киноскефалах нанес Филиппу сокрушительное поражение. Македонский царь вынужден был пойти на мирные переговоры. Он отправил своих послов в Рим. Сенат решил закончить войну и продиктовал македонским послам приемлемые условия мира. Филипп должен был отказаться от всех владений вне Македонии, уплатить Риму контрибуцию в размере тысячи талантов, выдать римлянам военный флот, за исключением шести кораблей, вернуть всех пленных и сократить свое войско до пяти тысяч человек. Ему запрещалось начинать какие-либо военные действия без ведома римского сената, тем самым он лишался возможности проводить самостоятельную внешнюю политику. Кроме того Филипп должен был признать свободу греческих городов. Последний пункт договора был самым тяжелым для Филиппа: он ограничивал территорию Македонии в ее собственных границах. Тем не менее Филипп принял эти условия и заключил мир с Римом.

Хотя мир был заключен, римская армия продолжала оставаться в Греции вплоть до 194 года до н.э. Тит Фламинин и прибывшая из Рима комиссия занимались делами греческих городов, освобожденных от македонского господства. Однако вскоре греки поняли, что македонское господство сменилось римским. Это вызвало волну возмущения среди демократически настроенного населения.

Во многих городах готовились антиримские восстания. На помощь римлянам пришли греческие аристократы, которым удалось подавить движение народных масс в своих городах. В 195 году до н.э. Фламинин оказал поддержку Ахейскому союзу в борьбе со спартанским тираном Набисом.

Последний был разбит. Спарта лишилась своих завоеваний и выплатила пятьсот талантов контрибуции.

Однако и у римлян в эти годы было немало проблем: в Италии свирепствовала эпидемия чумы, в долине реки Пад на восстание поднялись галльские племена, у которых римляне отобрали земли, поделив их между ветеранами Второй Пунической войны. К галлам присоединились лигуры. Восставшие захватили ряд римских крепостей, уничтожив в них гарнизоны и перебив римских колонистов. Несколько лет потребовалось римлянам, чтобы подавить это восстание.

Еще более серьезное положение возникло в Испании. В 197 году до н.э. там против римского господства поднялись кельтиберы и лузитаны. Лишь два года спустя консулу Марку Порцию Катону удалось разбить главные силы восставших, но закончить войну в Испании он так и не смог.

В то время как римские легионы сражались в Испании, снова заявил о себе сирийский царь Антиох III Великий. К этому времени Сирийское царство было сильнейшим государством эллинистического мира. После поражения Филиппа V Антиох претендовал на гегемонию во всем Восточном Средиземноморье. Захватив Келесирию, а позднее и Палестину, принадлежавшие Египту, Антиох продиктовал юному египетскому царю Птолемею мирные условия. Имея многочисленный флот, он начал захватывать города южного и западного берега Малой Азии. Позднее он заключил военные союзы с галатами и Каппадокией, тем самым окружив враждебное ему Пергамское царство. Затем Антиох переправился в Европу и подчинил себе греческие города по берегам Пропонтиды и Геллеспонта, которыми раньше владел Филипп V. Зах-

ват Херсонеса Фракийского сделал Антиоха хозяином проливов в Черном море. С этим никак не могли примириться Пергам и Родос. В 197 году до н.э. родосцы объявили Антиоху войну и обратились за помощью к Риму.

У римлян в это время своих проблем хватало, и они отказались от прямого вмешательства в войну между родосцами и Антиохом. Однако римский сенат объявил себя защитником греческих городов и потребовал от Антиоха их освобождения. Римляне также настаивали на возвращении Египту отнятых у него территорий. Антиох проигнорировал эти требования.

В 195 году до н.э. к Антиоху прибыл бежавший из Карфагена Ганнибал. Сирийский царь принял его с почетом и сделал своим советником. Ганнибал предложил грандиозный план войны с Римом. Действуя по указке Ганнибала, Антиох развил активную дипломатическую деятельность в Греции, где росло недовольство римским присутствием и вмешательством во внутренние дела. Он имел успех на этом поприще: на его сторону перешел Этолийский союз и многие греческие города.

Приготовления Антиоха не остались незамеченными в Риме. Римляне поняли, что назревает новая большая война. Кстати, первым возмущением этой войны предсказал Сципион Африканский. Готовясь к войне с Антиохом, римский сенат заключил новый союзный договор с Родосом и Пергамским царством. Ахейский союз выразил готовность выступить на стороне римлян. Римским дипломатам удалось ценой молчаливого отказа от некоторых пунктов мирного договора 197 года до н.э. удержать Филиппа V от помощи сирийскому царю.

Война с Антиохом Великим началась в 192 году до н.э. По призыву этолийцев сирийский царь пе-

реправился на Балканский полуостров и остановился у Фермопил. Римский сенат послал против него войско под командованием Марка Атилия Глабриона. Этолийцы, на чью помощь рассчитывал Антиох, не оправдали его надежд. В битве у Фермопил римская армия нанесла поражение сирийскому царю и заставила его покинуть Грецию. Антиох бежал в город Эфес. Однако изгнание Антиоха из Греции не означало конца войны. Боевая мощь Сирийского царства была еще велика, и римлянам, стремившимся к распространению своего влияния на Востоке, в скором времени предстояло столкнуться с ней.

* * *

А теперь вернемся к Сципиону Африканскому и проследим, чем он занимался в течение десяти лет после окончания войны с Карфагеном. Следует заметить, что источники весьма скупо освещают этот период его жизни.

Отпраздновав триумф, Сципион занялся наделением землей своих ветеранов. По его настоянию была создана специальная комиссия из десяти человек, которая занялась раздачей земли в Самнии и Апулии. Каждый ветеран, служивший под началом Сципиона в Испании и Африке, получил по два югера¹ за год боевой службы.

Затем Сципион устроил гладиаторские бои в честь победы над Карфагеном.

В 199 году до н.э. Сципиона выбрали на должность цензора, которая не только относилась к самой высшей магистратуре, но и считалась в Риме вершиной политической карьеры. Коллегой Сци-

¹ Югер — мера площади, равная 2523,3 кв. м.

пиона по этой должности был назначен Публий Элий Пет. В обязанности цензоров входило проведение переписи римских граждан, пересмотр списка членов сената, наблюдение за поступлением налогов, сдача на откуп государственных доходов, надзор за поведением и нравами граждан. Тит Ливий сообщает, что Сципион и Элий Пет «в полном согласии между собой... утвердили список сенаторов, сдали на откуп торговые пошлины в Капуе и Путеолах, а также учредили таможду в Кастрах... Туда же они вывели триста поселенцев... и продали капуанские земли под горой Тифатой».

Следующее упоминание о Сципионе относится к 195 году до н.э., когда в Рим прибыло посольство из Карфагена с жалобой на Ганнибала, который якобы ущемлял права аристократов в угоду карфагенской черни. Послы заверили сенат, что карфагенские аристократы готовы выдать Ганнибала римлянам. Большинство сенаторов высказалось за вмешательство во внутренние дела карфагенян. Лишь Сципион с немногими сторонниками выступил против, но его не послушали. В Карфаген было отправлено посольство с поручением схватить Ганнибала и привезти в Рим. Однако римские послы опоздали: Ганнибал бежал к сирийскому царю Антиоху III. Узнав об этом, римляне пожалели, что не послушали Сципиона: теперь от Ганнибала можно было ожидать чего угодно.

В 194 году Сципион выдвинул свою кандидатуру на должность консула и одержал победу на выборах. Его коллегой по консульской должности стал Тиберий Семпроний Лонг. Их отцы были консулами в первый год Второй Пунической войны.

При распределении провинций Сципион добивался, чтобы ему отдали Македонию. «В скором времени, – говорил он в сенате, – нам пред-

стоит война с Антиохом, который уже переправился в Европу; причем на этот раз придется воевать не только с одним Антиохом, но и с Ганнибалом, который, как вам уже известно, отцы-сенаторы, состоит при нем военным советником. Однако мы можем избежать затяжной войны, если неожиданно ударим по Антиоху со стороны Македонии». Однако сенаторы не вняли совету Сципиона и отклонили его просьбу. Его оставили в Италии, а чтобы он не очень обижался, назначили принцепсом сената. Второе консульство было ничем не примечательно для Сципиона, который, по словам Ливия, «не сделал вовсе ничего достойного упоминания».

В следующем году Сципион в составе римского посольства ездил в Африку улаживать спор между карфагенянами и Массинисой из-за приграничной территории. Спор разрешить так и не удалось, зато Сципион встретился с Массинисой и провел в его обществе несколько дней, вспоминая былые дни, когда они вместе сражались с карфагенянами.

В конце 193 года до н.э. Сципион принимал активное участие в консульских выборах, но на этот раз не в качестве кандидата. Он возглавил группу поддержки двум близким людям: своему двоюродному брату Публию Корнелию Сципиону Назике, сыну Гнея, погибшего в Испании в 212 году, и своему лучшему другу Гаю Лелию. Первый претендовал на консульскую должность от патрициев; его конкурентами были Гней Манлий Вольсон и Луций Квинкций Фламинин, брат Тита Фламинина, одержавшего недавно победу над македонским царем Филиппом V в битве при Киноскефалах. Гай Лелий выставил свою кандидатуру на должность плебейского консула, на которую кроме него пре-

тендовали Гней Домиций Агенобарб, Гай Ливий Салинатор и Маний Ацилий Глабрион. «Но все взоры были устремлены на Квинкция и Корнелия, — пишет Тит Ливий. — Оба патриция притязали на одно и то же место, за каждого говорила его недавняя воинская слава, и, наконец, главное: соперничество разжигалось братьями соискателей — двумя знаменитейшими полководцами своего времени. Публий Сципион [Африканский] стяжал большую славу, но ей сопутствовала и большая зависть. Слава [Тита] Квинкция была более свежей — ведь он справлял триумф в том же году. К тому же Сципион уже десятый год был постоянно у всех на глазах, а пресыщаясь великим человеком, люди уже не так чтят его. После победы над Ганнибалом Сципион был еще раз консулом, а также цензором. У Квинкция же все почести были новыми и совсем недавними, что располагало к нему народ: после своего триумфа он еще ничего не просил у народа и ничего еще не получал. Квинкий говорил, что просит за родного, а не за двоюродного брата, за легата и помощника в войне: ведь сам он командовал на суше, а брат его — на море. Своими доводами он добился того, что его кандидат получил предпочтение. Его сопернику не помогли ни хлопоты брата, Сципиона Африканского, ни усилия всего рода Корнелиев... Консулами были избраны Луций Квинкий и Гней Домиций Агенобарб: настолько же бессилён оказался Сципион Африканский и при избрании консула-плебея, хоть и поддерживал Гая Лелия».

Тем временем на востоке назревала война с Антиохом III. Утомленные непрерывными войнами римляне старались предотвратить столкновение с сирийским царем или хотя бы отодвинуть его на более поздний срок. С той целью в начале 192 года

до н.э. к Антиоху было отправлено посольство, в состав которого вошел Сципион Африканский. Римские послы прибыли в город Эфес, но Антиоха там не застали. Зато их ожидала случайная встреча с Ганнибалом. Три античных историка – Тит Ливий, Аппиан и Плутарх – сообщают, что во время этой встречи состоялся разговор между Сципионом и Ганнибалом.

– Ганнибал, кого ты считаешь величайшим полководцем? – спросил Сципион.

– Александра Македонского, – ответил Ганнибал, – потому что он, имея небольшое войско, разгромил несметные полчища персидского царя и захватил его огромную державу.

– А кого бы ты назвал вторым?

– Эпирского царя Пирра.

– Ну, а на третье место кого бы ты поставил?

– Себя.

– А что бы ты сказал, если бы победил меня в битве при Заме?

– Тогда я поставил бы себя впереди Александра.

Сципион понял, что Ганнибал польстил ему, намекнув, что он одержал победу над тем, кто выше Александра Македонского.

В течение нескольких дней римские послы встречались с Ганнибалом, стараясь выяснить его настроения и внушить мысль, что ему не стоит опасаться римлян. Ганнибалу даже было предложено оставить Антиоха и перебраться в Рим, где он мог бы спокойно провести остаток жизни. Ганнибал, конечно, отказался от этого предложения, но, как оказалось впоследствии, узнав о его встрече с римлянами, Антиох перестал доверять ему.

Не дождавшись Антиоха в Эфесе, римское посольство направилось в Апамею во Фригии, где тогда находился сирийский царь. Однако перего-

воры так и не состоялись ввиду смерти одного из царских сыновей. Послам пришлось ни с чем вернуться в Рим.

В конце 192 года до н.э. Антиох начал военные действия. Об этом стало известно от пергамского царя Эвмена, который отправил в Рим своего брата Атгала с сообщением, что сирийский царь переправился через Геллеспонт и намеревается захватить Грецию. Из других источников в Риме узнали, что этолийцы выступили на соединение с Антиохом. В начале 191 года до н.э. сенат послал против Антиоха нового консула Манья Ацилия Глабриона с четырьмя легионами. Как уже говорилось, у Фермопил произошла битва, в которой Антиох потерпел поражение и вынужден был оставить Грецию. Но на этом война не закончилась. В короткое время Антиоху удалось собраться с новыми силами.

* * *

Выбирая консулов на 190 год до н.э., римляне отдали предпочтение Луцию Корнелию Сципиону и Гаю Лелию. Оба были близкими и дорогими людьми для Сципиона Африканского. Одному из них предстояло продолжить, а, если обстоятельства сложатся благополучно, то и закончить войну с Антиохом III. Сципион Африканский планировал принять самое деятельное участие в этой войне, и с избранием в консулы брата и лучшего друга ему пришлось выбирать, с кем из них он отправится на войну.

При распределении провинций оба консула хотели получить Грецию, которая рассматривалась как театр военных действий против Антиоха. Когда сенаторы предложили поделить провинции посредством жеребьевки, Гай Лелий заметил, что вой-

на с Антиохом дело не шуточное и полагаться на жребий слишком опрометчиво. Он предложил, чтобы сенаторы, опираясь на свой опыт, сами выбрали из них двоих лучшего полководца для борьбы с сирийским царем. Луций Сципион не отклонил это предложение, но сказал, что ему нужно подумать. Сенаторы дали ему на раздумье один день.

Сразу же после заседания сената Луций обратился за советом к своему брату Публию.

«Луций, ты можешь смело довериться сенату, — сказал Сципион Африканский, — а уж я постараюсь устроить дело в твою пользу, хотя и Гай Лелий мне дорог, но я отдаю предпочтение тебе, так как ты мой брат».

Явившись на следующий день в сенат, Луций Сципион заявил, что он готов доверить распределение провинций сенаторам. Это заявление удивило сенаторов. Учитывая то, что Гай Лелий в то время пользовался в сенате большим влиянием, Луций Сципион, по сути дела, добровольно отказался от Греции. И тут слово взял Сципион Африканский: «Если провинция Греция достанется моему брату, то я отправлюсь вместе с ним на войну с Антиохом».

Заявление Сципиона еще больше удивило сенаторов. Им стало интересно, «кому от кого будет больше пользы: царю Антиоху от Ганнибала, побежденного Сципионом, или консулу и римским легионам от Ганнибалова победителя», как пишет Тит Ливий.

Было проведено голосование, и большинство сенаторов отдали свои голоса за Луция Сципиона. Таким образом, ему досталась Греция, а значит, и война с Антиохом. Гай Лелий должен был остаться в Италии.

Начались сборы в поход. Луцию Сципиону было отдано два легиона, которыми в прошлом

году командовал Маний Ацилий Глабрион; их консул должен был получить от эксконсула по прибытии в Грецию. Кроме того, сенат разрешил ему набрать в Риме три тысячи пехотинцев и сто всадников. Союзники-италики дали ему пять тысяч пехоты и двести всадников.

Узнав, что на войну с Антиохом в качестве легата отправляется Сципион Африканский, дали о себе знать его ветераны, прошедшие вместе с ним испанскую и африканскую кампании. В течение нескольких дней из разных уголков Италии в Рим пришли до пяти тысяч добровольцев со своим оружием и доспехами и записались в войско. Ими руководило желание послужить Риму под началом своего прославленного полководца. По закону они не принимали присяги и не притязали на жалованье. Собрав ветеранов на сходку, Сципион Африканский горячо поблагодарил их за то, что они добровольно захотели разделить с ним тяготы войны.

Таким образом, под командованием Луция Сципиона оказалось более двадцати тысяч воинов; ядро консульского войска составляли легионеры, одержавшие победу над Антиохом при Фермопилах, и ветераны Сципиона Африканского, для которых не существовало слова «поражение».

Чтобы переправить войско в Грецию, консулу нужны были корабли. Сципион Африканский посоветовал брату послать трех своих легатов – Секста Дигития, Луция Апустия и Гая Фабриция – собрать все корабли по побережью Италии и привести их в Брундизий – морской порт на юге Италии.

Пока шли сборы в поход, Сципион Африканский на свои деньги возвел арку на Капитолии, украсив ее семью позолоченными статуями римских богов; перед аркой было вырыто два бассейна, облицованных мрамором.

Однако основное внимание Сципиона Африканского было сосредоточено на разработке плана предстоящей кампании. Согласно этому плану, ему с братом следовало высадиться в Эпире и форсированным маршем идти по территории Этолийского союза к городу Амфисса, где стоял эконсул Глабрион с двумя легионами. Забрав у Глабриона легионы, консульское войско должно было направиться в Македонию, а затем во Фракию. Далее Сципион Африканский рассчитывал на кораблях переправиться через Геллеспонт и искать встречи с Антиохом на азиатской земле.

Луций Сципион одобрил план брата, доверившись его полководческому мастерству. Однако сенат внес свои коррективы в этот план. Дело в том, что этолийцы, которые в прошлом году были союзниками Антиоха и вместе с ним потерпели поражение от Глабриона при Фермопилах, теперь искали мира с римлянами. В Рим прибыло этолийское посольство с целью заключить мирный договор. Сципион Африканский очень надеялся, что сенат удовлетворит просьбу этолийцев, но сенаторы предъявили слишком суровые условия мира. Этолийцы отказались принять их и заявили, что будут продолжать военные действия против римлян. Это означало, что войску Луция Сципиона придется с оружием в руках прокладывать себе путь по территории Этолийского союза, чтобы добраться до пока еще дружественной Македонии.

– Что будем делать, Публий? – спросил Луций Сципион у брата, узнав о том, какой сюрприз преподнес им сенат.

– Что-нибудь придумаем, Луций, – ответил Сципион Африканский.

* * *

Весной 190 года до н.э. консул Луций Сципион выступил в поход. Добравшись по суше до Брундизия, он посадил свое войско на корабли, собранные его легатами, и переправился в Эпир. Чтобы попасть в Амфиссу, где стояли два легиона Глабриона, нужно было пройти через всю Этолию, но сделать это было невозможно, так как этолийцы заняли горные проходы и наотрез отказались пропустить римлян. Тогда Сципион Африканский предложил брату идти к Амфиссе в обход Этолии. Консульское войско из Эпира двинулось в Фессалию и, достигнув Малийского залива, повернуло к Амфиссе. Когда до Амфиссы оставалось совсем немного, прибыло этолийское посольство с предложением заключить мир. Луций Сципион согласился сделать это на условиях, продиктованных сенатом. Этолийцы отказались.

Сципион Африканский попенял брату за несговорчивость. Он говорил, что сейчас не время торговаться с этолийцами: перед ними стоит более важная цель – война с Антиохом. «Если ты не решился заключить с этолийцами мир, боясь нарушить неразумное постановление сената, – сказал в заключение Сципион Африканский, – то заключи с ними хотя бы перемирие, чтобы забрать у Глабриона легионы».

Луций Сципион внял совету брата, и когда этолийцы вновь прислали послов, он объявил, что согласен на перемирие сроком в шесть месяцев. Этолийцы поблагодарили консула за снисходительность и пропустили его к Амфиссе.

Забрав легионы у Глабриона, Луций Сципион двинулся обратно в Фессалию, чтобы через Македонию и Фракию идти к Геллеспонту.

На границе Македонии Сципион Африканский посоветовал брату послать гонца к Филиппу V с

целью разузнать, готов ли он пропустить римлян через свою страну. Консул послал Тиберия Семпрония Гракха. Прибыв в Пеллу – столицу Македонии, Гракх застал Филиппа на пиру, уже изрядно подвыпившим. Царь приветливо встретил римского гонца и заверил его, что римляне могут смело, не опасаясь подвоха с его стороны, вступить на территорию Македонии: продовольствие для них заготовлено в большом количестве, на реках возведены мосты, дороги отремонтированы. Вернувшись к консулу, Гракх доложил ему обо всем, что услышал и увидел.

Филипп V не только пропустил римлян через свою страну, снабдив всем необходимым, но и лично сопровождал их до самого Геллеспонта, а на прощание пожелал Сципионам удачи в Азии.

На европейском берегу Геллеспонта римляне без боя захватили город Лисимахия, который был опорным пунктом Антиоха III в Европе. В городе было обнаружено много продовольственных припасов, что оказалось очень кстати для римлян. В Лисимахии консульское войско простояло несколько дней, давая возможность подтянуться обозам.

Пока римляне стояли у Лисимахии, к консулу прибыл гонец от Пруссия – царя Вифинии. Последний сообщил, что Антиох всячески старался склонить его на свою сторону, но он предпочитает заключить союз с Римом. Это было хорошее известие. В своем письме братья Сципионы похвалили Пруссию за его желание стать союзником римлян и заверили, что в будущем ему это зачтется.

Сципионы ожидали, что им придется с боем переправляться через Геллеспонт, но этого не случилось. Их уже ожидал пергамский флот, присланный царем Эвменом. Вообще надо сказать, что за то время, пока консульское войско шло к Геллес-

понту, римским адмиралам Гаю Ливию и Луцию Эмилию при содействии пергамцев и родосцев удалось в нескольких морских сражениях одержать победу над флотом Антиоха.

Вначале на азиатский берег был послан разведывательный отряд с целью разузнать, как далеко от моря находятся войска противника. Отряд этот возглавлял сын Сципиона Африканского Луций. Углубившись в азиатскую территорию, разведчики попали в засаду. Луций и два всадника были взяты в плен. Их сразу же доставили к Антиоху.

Известие о пленении сына огорчило Сципиона Африканского, но нисколько не отразилось на переправе через Геллеспонт: она прошла благополучно. Высадившись на азиатском берегу пролива, римляне разбили лагерь. Как раз в это время начался праздник священных щитов, во время которого запрещалось что-либо предпринимать. Несколько дней римляне простояли в бездействии.

По окончании праздника в римский лагерь прибыл посол Антиоха Гераклид с большими подарками. Он сообщил братьям Сципионам, что царь готов заключить мир с римлянами и оплатить половину их военных расходов. Более того, говорил Гераклид, Антиох готов уступить римлянам небольшую территорию в Малой Азии и освободить молодого Сципиона.

Выслушав посла, Сципион Африканский ответил:

– Если бы царь Антиох на самом деле хотел заключить с нами мир, то об этом ему следовало подумать, когда мы еще находились в Европе. Но теперь, после переправы через Геллеспонт, не он, а мы будем диктовать ему условия.

– Какие же условия вы выдвигаете? – спросил Гераклид.

– Мы требуем оплатить все наши военные расходы, очистить Ионию и Эолиду и оставить в покое Пергам и Родос, – заявил Сципион Африканский.

– Хорошо, я передам царю ваши условия.

– Что до подарков, которые царь передал нам, то можешь отвезти их обратно, – сказал Сципион, – Из всего, что он предложил, я выбираю только сына. Взамен я хочу одарить царя полезным советом: пусть откажется от войны и соглашается на любые условия.

* * *

Антиох не внял совету Сципиона Африканского. «Он решил, – пишет Тит Ливий, – что раз ему диктуют условия, как если бы он уже был побежден, то ничего худшего война ему не принесет». Таким образом, сирийский царь стал готовиться к решающей битве.

Между тем Сципионы покинули стоянку у Гелеспонта и двинулись дальше. По пути они посетили города Дардан, Ретей и Илион (древнюю Троию). Местные жители приветливо встречали римлян как освободителей от гнета Антиоха Великого. В Илионе Сципионы задержались на несколько дней. Они принесли жертву богине Минерве и осмотрели город, считавшийся прародиной римлян, так как из него происходил их родоначальник Эней.

Из Илиона Сципионы направились к устью реки Каик, где их ждал пергамский царь Эвмен со своим флотом. Там Сципион Африканский тяжело заболел, и его пришлось отправить в город Элея на попечение опытных врачей.

Узнав, что Сципион Африканский тяжело болен, Антиох отрядил к нему послов, чтобы передать ему пленного сына. Возвращение сына было

лучшим лекарством для больного полководца; в считанные дни его состояние заметно улучшилось. Вызвав к себе царских посланников, он сказал им: «Передайте царю, что я очень благодарен ему за возвращение сына, но отплатить пока могу только советом: пусть не вступает в битву с моим братом, пока не узнает, что я присоединился к нему».

Антиох в то время стоял у города Магнесия на левом берегу реки Герм. У него было более шестидесяти тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. Ожидая прихода римского войска, он хорошо укрепил свой лагерь, окружив его глубоким рвом. С внешней стороны рва был насыпан двойной вал, а с внутренней возведена стена с большим количеством башен.

Луций Сципион не замедлил со своим появлением. Вскоре он расположился лагерем всего в четырех милях от неприятеля. Пока римляне занимались устройством лагеря, на них напал отряд вражеской конницы около тысячи человек. Завязалась ожесточенная схватка, длившаяся с переменным успехом два часа. В конце концов римлянам удалось обратить противника в бегство и по большей части перебить во время преследования.

Через два дня Луций Сципион велел перенести лагерь ближе к неприятелю. Увидев это, Антиох бросил на римлян трехтысячный корпус конницы. Опять произошло вооруженное столкновение, и опять римляне взяли верх. Это придало им бодрости.

В течение последующих пяти дней обе стороны ничего не предпринимали друг против друга. Казалось, Антиох внял последнему совету Сципиона Африканского и не выводил войско на битву. Зато римлянам не терпелось померяться силами с сирийским царем. Консул собрал военный совет,

чтобы обсудить, что ему предпринять, если Антиох и дальше будет уклоняться от сражения. «Приближается зима, – говорил он, – и вскоре придется подумать о зимних квартирах, а это означает, что война будет отложена до следующего лета и ее продолжит уже другой консул».

На совете присутствовали легаты, военные трибуны и командиры отрядов союзников. Они единодушно призвали консула не мешкать и напасть на лагерь Антиоха, раз уж он сам не решается выйти в поле.

В течение двух дней после военного совета римляне готовились к битве. На третий день Луций Сципион вывел войско на равнину между двумя лагерями и стал строить его в боевой порядок. Глядя на приготовления противника, Антиох пришел к мысли, что нельзя больше уклоняться от сражения, так как промедление подрывает боевой дух его войска и вселяет в сердца врагов веру в победу. Царь вывел войско из лагеря и приступил к построению.

Как уже говорилось, у Антиоха было шестьдесят тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. В середине строя он поставил свою македонскую фалангу, которая насчитывала тридцать два ряда в глубину. Общая численность фаланги равнялась шестнадцати тысячам воинов-фалангитов, вооруженных длинными копьями-сариссами. Разбив фалангу на десять частей, царь поставил в проходах боевых слонов. На флангах он разместил конницу **вперемешку** с пехотой. Это были представители разных племен и народов, отличавшиеся оружием и доспехами. Среди них находились и мидийские катафрактари¹, и арабские всадники на верблюдах, и картийские пращники, и мисийские лучники. Пе-

¹ Катафрактари – тяжеловооруженные всадники.

ред строем длинной цепью выстроились серпоносные колесницы, описание которых оставил Тит Ливий. «У каждой по ту и другую стороны дышла от ваги торчали вытянутые на десять локтей острия наподобие рогов. Они пронзали все, что попадалось на пути. На концах ваги закреплены были по два длинных серпа, один наравне с нею, а другой, нижний, — с наклоном к земле: первый предназначен был резать все, что сбоку, а второй — доставать до упавших и подбирававшихся снизу. И на осях колес с обеих сторон было по два серпа разнонаправленных, таким же способом укрепленных». Следует добавить, что каждая такая колесница была запряжена четверкой лошадей. Именно с атаки серпоносных колесниц Антиох планировал начать битву, рассчитывая сразу же расстроить ряды противника.

Сам Антиох взял на себя командование правым крылом, левое доверил своему сыну Селевку и племяннику Антипатру. Центром сирийского войска командовали военачальники Миннион, Зевксид и Филипп.

Такому многочисленному войску консул Луций Сципион мог противопоставить четыре легиона по пять тысяч четыреста человек в каждом. Их он поставил в центре. Левый фланг, где стояло всего четыре турмы конницы, примыкал к реке Герм; им командовал легат Гней Домиций. На правом фланге расположился пергамский царь Эвмен со своим братом Атталом. В их распоряжении было свыше трех тысяч конницы и до пяти тысяч пехоты, среди которой выделялся отряд в тысячу гоплитов, присланный Ахейским союзом. В резерве консул оставил две тысячи македонских и фракийских добровольцев; под командованием военного трибуна Марка Эмилия они заняли позицию в римском лагере.

Все утро ушло на приготовление к битве. Накануне прошел обильный ливень, и теперь от земли поднимался густой туман. Это явилось причиной того, что ни одна, ни другая сторона не решались начать сражение. Антиох терпеливо ждал, когда туман наконец рассеется, чтобы бросить в атаку серпоносные колесницы. Пока он томился в ожидании, пергамский царь Эвмен взялся за дело. Без согласия консула он решил напасть на вражеские колесницы, не дожидаясь, когда они пойдут в атаку. «Эвмен приказал критским лучникам, пращникам и метателям дротиков вместе с несколькими турмами конницы выдвинуться вперед, причем не сомкнутым строем, но рассыпавшись как можно шире – и разом со всех сторон пустить свои стрелы и дротики. Словно буря вдруг обрушилась на коней. Израненные летящими отовсюду стрелами и перепуганные нестройными воплями, они, будто разнуздавшись, помчались куда попало, не разбирая дороги. Но и легковооруженные воины, и ловкие пращники, и быстроногие критяне мгновенно увернулись от них, а конники, с криком бросившиеся вослед колесницам, добавили страху коням и верблюдам, которые тоже были испуганы, а тут еще крик был громко подхвачен многолюдной толпой» (Тит Ливий).

Так совершенно неожиданно началась битва при Магнесии, вошедшая в историю как одно из самых кровопролитных сражений.

Как только с колесницами было покончено, с обеих сторон прозвучал сигнал к наступлению, и противники двинулись друг на друга. И опять проявил себя Эвмен. «Он повел своих всадников, – пишет историк Аппиан, – на стоявших против него галатов, каппадокийцев и на остальное сборище иноземных войск, громко крича и побуждая идти

против людей, неопытных в военном деле и лишенных уже своего передового прикрытия. Его воины охотно следовали за ним, и их удар был настолько тяжел, что они обратили в бегство как их, так и стоявших рядом с ними всадников и катафрактариев, уже сильно приведенных в беспорядок колесницами. Последних, которые из-за тяжести своего вооружения не так легко могли бежать или поворачиваться, они больше всего захватывали и избивали».

Удачная атака Эвмена обнажила левое крыло вражеской фаланги, как раз в тот момент, когда к ней подступили римские легионы. Завязалась рукопашная схватка. С самого начала легионеры начали теснить фалангитов, которые из-за тесноты так и не пустили в ход свое главное оружие – сариссы.

Зато на левом фланге, где командовал Гней Домиций, римлянам пришлось туго. «Антиох, находясь на правом крыле, заметил, что там у римлян нет никого в запасе, кроме четырех турм конницы – река представлялась надежной защитой. Однако, когда эти конники захотели соединиться со своими, берег оказался без прикрытия. Сюда то и ударил Антиох, используя вспомогательные части и тяжелую конницу. Удар был не только лобовым, римлян уже теснили и сбоку – ведь фланг оказался обойден у реки. Сперва обратились в бегство всадники, а затем и ближайšie к ним пехотинцы. Все они опрометью бросились к лагерю» (Тит Ливий).

Положение выправил военный трибун Марк Эмилий, который находился в лагере с двумя тысячами македонян и фракийцев. Во главе своего отряда он выбежал навстречу бегущим, остановил их и заставил вновь повернуться лицом к неприятелю.

лю. В этот критический момент на помощь римлянам пришел Аттал, брат Эвмена, с двумя сотнями отборных всадников. «Когда Антиох убедился, что те, кого он видел лишь со спины, возобновляют сражение, что к ним от лагеря и из войска приближаются массы неприятеля, он поворотил коня и пустился в бегство» (Тит Ливий).

Итак, два фланга сирийского войска были опрокинуты; оставалась фаланга, окруженная со всех сторон римлянами и их союзниками. Фалангиты выставили перед собой целый лес сарисс, лишая противника возможности подойти вплотную. «Римляне же к ним не приближались и не вступали в рукопашный бой, боясь людей, привычных к военному делу, их твердости и отчаянной решимости, но быстро кружась около них, они бросали все время в них дротики и стреляли из луков. И ни один удар их не был напрасным: такой массой стояли они на небольшом пространстве; они не могли ни уклониться от бросаемых в них копий и стрел, ни расступиться перед несущимися на них. Поэтому, неся уже большие потери, они стали поддаваться, так как ничего лучшего они сделать не могли, и стали шаг за шагом отступать, грозно обороняясь, вполне сохраняя порядок и внушая римлянам страх: они ведь и тогда не решались приблизиться к ним, но, нападая со всех сторон, наносили им потери, пока, наконец, слоны в македонской фаланге не были приведены в беспорядок и перестали слушаться своих вожаков; тогда весь их боевой порядок превратился в нестройное бегство» (Аппиан).

Римляне «преследовали неприятеля, убивая тех замешкавшихся, которых удавалось догнать. Но еще губительнее для бегущих, смешавшихся с колесницами, слонами, верблюдами, оказалась их

собственная толпа – в беспорядке и давке, словно слепые, они наталкивались друг на друга и гибли под ногами страшилищ. Ужасное избиение, еще большее, чем в бою, произошло также и в лагере: дело в том, что отряд, оставленный для его защиты, пополнился бежавшими с поля битвы в начале сражения и, положившись на их многочисленность, оказал упорное сопротивление перед валом. Так что римляне, рассчитывавшие захватить лагерь с первого натиска, были остановлены и в воротах, и у вала, а когда наконец туда прорвались, разъяренные, учинили жесточайшую резню» (Тит Ливий).

К вечеру войско Антиоха было полностью разгромлено; поле битвы устилало трупы людей, лошадей, верблюдов и слонов. По сведениям Аппиана и Тита Ливия, потери Антиоха составили более пятидесяти тысяч человек убитыми; в плен было взято около полутора тысяч. Римляне и их союзники потеряли до трехсот пятидесяти воинов.

Собрав оружие с поля битвы и похоронив погибших, консул Луций Сципион направился в Сарды, куда, по слухам, бежал Антиох. Как только римское войско подошло к городу, царь покинул его, поспешив укрыться в Апамее. Оставленный им гарнизон сдал римлянам город без боя.

Вскоре в Сарды прибыл выздоровевший Сципион Африканский и поздравил брата с победой при Магнесии. «Войну можно считать законченной, – сказал он. – Я думаю, что в ближайшее время начнутся переговоры о мире».

И действительно, через несколько дней в Сарды явились послы Антиоха. Их приняли на военном совете. Послы сообщили, что царь Антиох хотел бы узнать, на каких условиях римляне могут заключить с ним мир. Дать ответ послам консул поручил брату.

«Царь Антиох сам виноват в поражении из-за своей неумеренности, – начал свою речь Сципион Африканский. – От предков ему досталась огромная держава, и римляне не мешали ему царствовать в ней. Но этого ему показалось мало, и он отнял часть владений у египетского царя Птолемея, своего родственника и друга римского народа. Затем он вторгся в Европу, до которой ему не было никакого дела. Завоевав Фракию, он двинулся в Элладу, намереваясь поработить эллинов, но римские легионы остановили его у Фермопил. Однако поражение не охладило его пыл, и он стал нападать на владения пергамского царя Эвмена, верного союзника римлян. Это уж было чересчур, и мы вынуждены были продолжить войну с ним. Тем не менее, переправившись через Геллеспонт, мы великодушно предложили ему заключить мир, условия которого были вполне приемлемы, но он отказался, так как его больше прельщала война. И что же он получил в результате: его флот потерпел поражение в нескольких морских битвах, сухопутное войско, которое он собирал по всей Азии, разбито. Теперь Антиох надеется получить мир любой ценой, и он получит его, но прежние условия придется изменить. Вот наши новые условия: Антиох должен забыть о Европе, очистить Малую Азию вплоть до Таврских гор, выплатить римлянам контрибуцию в размере пятнадцати тысяч талантов и еще четыреста талантов отдать царю Эвмену. Кроме этого он должен выдать всех боевых слонов, которые у него еще остались, и уничтожить военный флот. Мы также требуем от него выдачи Ганибала, подстрекавшего его к войне с нами, и двадцати заложников знатного происхождения. Если Антиох примет эти условия, мы даруем ему и мир и дружбу».

На следующий день послы покинули Сарды, поспешив доложить своему царю о выдвинутых римлянами требованиях. Антиоху ничего не оставалось, как принять их. В ближайшее время Сципионам были доставлены деньги и заложники, среди которых находился младший сын царя; только Ганнибала Антиох не прислал, так как тому удалось скрыться. Поняв, что у царя серьезные намерения, Сципионы оповестили его, что он может отправить своих послов в Рим для ратификации мирного договора в сенате.

Зимние месяцы Сципионы провели в Сардах. Весной 189 года до н.э. в Малую Азию прибыл новый консул Гней Манлий Вольсон. Луций Сципион передал ему легионы и вместе с братом отбыл в Рим.

В Риме Луций Сципион рассказал в сенате о своих подвигах и попросил у сенаторов разрешения на триумф. Мнения сенаторов по этому вопросу разошлись. Некоторые считали, что война с Антиохом наделала больше шума, чем потребовала трудов: ведь ее исход закончился одним сражением. Однако большинство поддержало просьбу Луция Сципиона.

«Как зрелище этот триумф был великолепнее, — пишет Тит Ливий, — чем тот, что когда-то справлен был его братом Публием Африканским, но если вспомнить все обстоятельства той войны, оценить степень опасности и напряжение борьбы, то нынешний триумф не шел с тем ни в какое сравнение; тем менее мог бы соперничать теперешний командующий с тогдашним, а Антиох — с Ганнибалом. В шествии пронесены были двести двадцать четыре боевых знамени, сто тридцать четыре изображения городов, тысяча двести тридцать один слоновый бивень, двести тридцать четыре золотых венца, сто тридцать семь тысяч четыреста двадцать фунтов се-

ребра, двести двадцать четыре тысячи аттических тетрадрахм, триста двадцать одна тысяча кистофоров¹, сто сорок тысяч золотых Филипповых монет, сосудов серебряных чеканной работы – общим весом в тысячу четыреста двадцать один фунт и золотых – в тысячу двадцать три фунта. Перед колесницей триумфатора вели царских полководцев, начальников и вельмож – всего тридцать два человека. Воинам роздано было по двадцать пять денариев, центурионам же – вдвое больше, а всадникам – втрое. После триумфа им выплатили воинское жалованье и выдали паек – все в двойном размере; и после сражения в Азии он заплатил им вдвое. Этот свой триумф Луций Сципион справил примерно через год по истечении срока консульской должности».

За победу над Антиохом Великим Луций Сципион получил прозвище Азиатского; эта почесть сравнивала его с братом Публием.

* * *

Громкой славе всегда сопутствует зависть. Так случилось и со Сципионами. Не прошло и года после великолепного триумфа Луция Сципиона, как над головами братьев начали сгущаться тучи. В Риме нашлось немало людей, для которых слава Сципионов становилась невыносимой. Они опасались, как бы Сципионы, особенно Публий, не установили диктаторское правление.

Тайную борьбу против Сципионов возглавил Марк Порций Катон. Человек из провинции, плебей по происхождению, он с юности мечтал о карьере. На военном поприще ему прославиться не

¹ Тетрадрахмы и кистофоры – крупные серебряные монеты.

удалось, ибо боги лишили его полководческого таланта, и тогда он решил проявить себя в гражданской жизни. В молодые годы его патроном и наставником был Квинт Фабий Максим Кунктатор, тот самый, который на заключительном этапе Второй Пунической войны всячески противился отправке Публия Сципиона в Африку. Квинт Фабий не дождался триумфа Публия Сципиона, но его неприязнь к нему продолжала жить в Порции Катоне. Еще и раньше Катон по наущению Квинта Фабия злоумышлял против Сципиона Африканского. Это он в 205 году до н.э. исподволь распустил ложные слухи о распущенности Сципиона в Сиракузах, но тогда клевета ему сошла с рук.

В 187 году Катон, почувствовав силу в сенате и популярность в определенных кругах римского общества, решил нанести Сципионам ощутимый удар. Но и на этот раз он действовал тайно, через подставных лиц. Ему удалось уговорить двух народных трибунов Петилиев, чтобы они обвинили Луция Сципиона в расточительном расходовании денег, взятых в качестве контрибуции с Антиоха III. Надо сказать, что Петилии преуспели в этом деле. Они обвинили не только Луция Сципиона в расточительстве, но и Публия в получении крупной взятки от сирийского царя. Как народные трибуны, Петилии имели право привлечь Сципионов к судебному разбирательству, что они и сделали.

И вот настал день суда. Братья Сципионы в сопровождении родственников, друзей и клиентов явились на форум. Там их уже ожидали Петилии и еще восемь народных трибунов, рассеявшихся на рострах¹. Многочисленная толпа римлян заполнила

¹ Ростры – ораторская трибуна, украшенная носами вражеских кораблей.

форум. Луцию Сципиону было предложено отчитаться в финансовых расходах за год своего консульства. Но вместо него выступил Сципион Африканский.

«Народные трибуны и вы, квириты¹, – воскликнул он. – Пятнадцать лет назад, как раз в этот день, я одержал победу над Ганнибалом в битве при Заме, благополучно завершив многолетнюю войну с Карфагеном. Мой брат Луций тогда был при мне легатом и тоже немало сделал для победы. А поэтому сегодня будет уместно оставить все тяжбы и разбирательства. Я призываю вас прямо сейчас пойти на Капитолий и принести жертвы богам, охраняющим наш город. Пойдемте же и возблагодарим наших небесных покровителей за то, что они и в этот день, и в других случаях давали мне разум и силы достойно служить отечеству. Пойдемте же и воздадим молитву Юпитеру, за то, чтобы и впредь он посылал вам таких вождей, как я».

Речь Сципиона Африканского поразила римлян. Откликнувшись на его призыв и забыв, зачем они собрались на форуме, люди вслед за Сципионами отправились на Капитолий. Форум опустел. Лишь народные трибуны остались на своих местах.

Сопровождаемый народом Сципион Африканский в тот день обошел все храмы не только на Капитолии, но и по всему городу. Благодаря народному сочувствию и заслуженному признанию его величия, тот день стал для него повторением триумфа, который он справил в 201 году. Однако этому дню суждено было стать последним днем славы великого полководца. Предвидя, что в ближайшее время нападки политических врагов и недоброжелателей не только возобновятся, но и усилятся,

¹ Квириты – граждане Рима.

Сципион Африканский покинул Рим и удалился на свою виллу в Литерне. Слишком гордый, он и мысли не допускал, чтобы отчитываться перед судьями, которые и в подметки ему не годились.

Поступок Сципиона Африканского привел в бешенство его врагов, особенно Катона. Судебное разбирательство было перенесено на другой день. На этот раз на суд явился только Луций Сципион.

– Почему твой брат Публий не пришел вместе с тобой? – спросили народные трибуны.

– Публий заболел, – коротко ответил Луций Сципион.

– Вот видите, квириты, – закричал на весь форум Квинт Петилий, – как этот человек пренебрегает римскими законами. В первый день суда вы позволили ему уйти от наказания. Он увел вас за собой, будто пленных, и тем самым совершил над вами триумф. И вот вам расплата за безрассудство. Тогда вы по его указке оставили нас, народных трибунов, а теперь он самих вас покинул. Надменности Публия Корнелия Сципиона нет предела, его диктаторские наклонности крепнут с каждым днем. Не кажется ли вам, что нашему государству грозит опасность пострашнее той, какой его подвергнул Ганнибал. Во что бы то ни стало Сципиона надо вытащить из Литерна, где он якобы болеет, и заставить отчитаться перед судьями.

После этого коллегия народных трибунов удалилась на совещание и по предложению Петилиев постановила перенести заседание суда на более поздний срок. Девять трибунов поставили свои подписи под этим постановлением, и лишь Тиберий Семпроний Гракх, который невзирая на молодость считался едва ли не самым справедливым человеком в Риме, отказался подписаться, а без его подписи постановление считалось недействительным.

– Раз Луций Сципион утверждает, что его брат болен, – сказал Гракх, – то нам следует принять это во внимание. Я не допущу, чтобы Публия Сципиона обвинили до его возвращения в город. Но даже и тогда, когда он вернется, я освобожу его от явки в суд, если он обратится ко мне с такой просьбой. Своими подвигами и почестями, полученными от римского народа, Сципион Африканский вознесен так высоко, что зазорно ему стоять под рострами и отчитываться перед такими юнцами, как мы с вами, а для римлян это еще постыднее.

Петилии набросились на Гракха, обвиняя в пособничестве тирану. Однако благородного римлянина это ничуть не смутило, и он подверг своих коллег еще большей критике:

– Неужели вы, трибуны, хотите, чтобы у вас под ногами стоял Сципион Африканский, победитель Ганнибала? Или вы считаете, что он разбил четырех пунийских полководцев в Испании, взял в плен нумидийского царя Сифака, поставил на колени грозный Карфаген, вместе с братом сделал Антиоха Великого данником римского народа для того, чтобы впоследствии стать жертвой каких-то двух Петилиев и тех никчемных людишек, которые стоят за ними? Прекрасно! Очень великое дело вы затеяли, вознамерившись одержать победу над самим непобедимым Сципионом Африканским и присвоить себе его славу. Ну что ж, да помогут вам боги в ваших начинаниях.

Выступление Тиберия Гракха пристыдило народных трибунов, и они отказались от постановления. Петилиям было вынесено порицание за то, что они, по словам Тита Ливия, «хотели блеснуть, очерняя других, ища себе славного триумфа за победу над Сципионом». Дело Сципионов было передано в сенат.

Но и на заседание сената Сципион Африканский не явился в назначенный срок. Луцию пришлось одному отчитываться перед сенаторами. И хотя в его защиту выступил его двоюродный брат Сципион Назика, сенаторы все же признали Луция виновным не только в расточительстве, но и в присвоении большой суммы денег. Его приговорили к выплате штрафа и посадили под домашний арест, намереваясь заключить в тюрьму, если штраф не будет выплачен в ближайшее время.

Узнав об этом, Сципион Африканский оставил Литерн и поспешил на помощь брату. Он успел как раз вовремя. Когда Луция уже вели по форуму в темницу, Публий растолкал охранников и, взяв брата за руку, увел его домой. Такого в Риме не бывало со дня его основания. Согласно римским законам, Сципион Африканский совершил преступление. За это полагалась смертная казнь. Однако даже такой ревностный блюститель законов, как Марк Порций Катон не решился предъявить преступнику обвинение.

После этого инцидента наступило временное затишье, но как только Сципион Африканский снова удалился в Литерн, в сенате была создана комиссия во главе с претором Теренцием, которая приняла решение о конфискации имущества у Луция Сципиона. В дело опять вмешался народный трибун Тиберий Семпроний Гракх. «Я не стану препятствовать распродаже имущества Луция Сципиона, — заявил он, — но не допущу, чтобы его бросили в темницу, если вырученная сумма не покроет размер штрафа».

И вот однажды ранним утром члены комиссии пришли в дом Луция Сципиона и занялись описью имущества. Целый день они шарили по всем углам, оценивая и занося в список каждую мелочь. Рабы

выносили из дома мебель, посуду, одежду и многое другое, что представляло хоть какую-то ценность. Все это время хозяин дома сидел в атриум¹, погрузившись в глубокое раздумье. К вечеру дом Луция Сципиона опустел; остались только урны с прахом предков у алтаря.

Во время обыска членам комиссии не удалось обнаружить и следа тех денег, которые Луций Сципион якобы утаил из азиатской добычи. Это доказывало его невиновность в казнокрадстве. Тем не менее его имущество было распродано, но вырученной суммы не хватило, чтобы сполна выплатить штраф. На выручку Луцию Сципиону пришли друзья и клиенты. Они принесли ему столько денег, что их хватило бы на приобретение нового дома с богатой обстановкой. Однако он не взял ничего, кроме суммы, недостающей до полной выплаты штрафа.

Так с позором для римского государства закончилось дело Сципионов, которые верой и правдой много лет служили отечеству, а взамен получили черную неблагодарность сограждан.

* * *

Последние четыре года жизни Сципион Африканский провел на своей вилле в Литерне. Из этого периода известен лишь небольшой эпизод.

Однажды на виллу Сципиона напали разбойники. Прислуга и рабы едва успели запереть ворота и предпринимали все возможные меры для обороны. Вскоре послышались удары тарана в обитые медью ворота. Казалось, еще немного, и разбойники ворвутся на виллу. И тут появился Сципион.

¹ Атриум — главное помещение римского дома.

Он был в белоснежной тоге, без оружия. Жена и дочь пытались удержать его, но он отстранил их решительным жестом.

– Открыть ворота! – приказал Сципион.

Рабы застыли на месте, не зная, что делать.

– Открывайте же, трусы! – повысил голос Сципион.

Заскрипели засовы, и ворота отворились. В проеме появились вооруженные до зубов разбойники. Сципион двинулся им навстречу.

– Я – Сципион Африканский, победитель Ганнибала! – властно произнес он. – Что вам угодно?

Было видно, что разбойники растерялись. У некоторых от удивления даже рты раскрылись. Вдруг произошло неожиданное: разбойники опустили на колени, а их главарь произнес:

– Мы хотели видеть тебя.

Прошло несколько минут. Разбойники, как заколдованные, молча смотрели на Сципиона. Наконец полководец нарушил напряженную тишину.

– Посмотрели, и хватит, – сказал он и, резко повернувшись, направился к дому. Разбойники же поднялись и пошли прочь, подальше от виллы великого римлянина.

Подойдя к жене и дочери, Сципион с грустью произнес:

– Это был мой последний триумф.

Сципион Африканский умер в 183 году до н.э. на пятьдесят четвертом году жизни. Скорее всего, его свела в могилу какая-то болезнь. Перед смертью он распорядился, чтобы его похоронили в Литерне. На его похороны собрались родственники и близкие друзья, среди которых были Гай Лелий и Теренций, некогда освобожденный им из карфагенского плена. Именно он и руководил организацией похорон.

В том году умерло еще два великих полководца: Ганнибал, достойный противник Сципиона, и Филопемен, которого называли последним великим эллином.

Увлечшись военной деятельностью Сципиона Африканского, мы упустили из виду его семейную жизнь; хотелось бы восполнить этот пробел. Женат он был на Эмилии, дочери Эмилия Павла, командовавшего римскими легионами в битве при Каннах и погибшего в ней. От Эмилии он имел двух сыновей – Луция и Публия. Луций, тот самый, который находился в плену у Антиоха Великого, слыл человеком испорченным и был изгнан из сената цензорами в 174 году до н.э. Другое дело Публий: он занимал ряд должностей, участвовал в военных кампаниях. Он усыновил своего двоюродного брата по материнской линии, который вошел в историю под именем Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший. Было у Сципиона Африканского и две дочери. Старшую он выдал за своего двоюродного брата Сципиона Назику, младшую – за Тиберия Семпрония Гракха, который защищал его во время судебного процесса.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Античные авторы о Сципионе Африканском

Тит Ливий. «История Рима от основания города»

Достойный памяти муж! Он более знаменит своими военными подвигами, чем какими-нибудь делами на мирном поприще. Притом первая половина жизни была славней, чем вторая, потому что всю молодость свою он провел в войнах, а с наступлением старости слава его подвигов увяла, пищи же для ума не представилось. Чем, в сравнении с его первым консульством, было второе, даже если добавить к нему цензуру? Что значила служба легатом в Азии, и бесполезная из-за нездоровья, и омраченная несчастным приключением с его сыном, а после возвращения необходимостью либо явиться в суд, либо, избегая его, оставить заодно и отечество? Но главная слава завершителя Пунической войны, самой значительной и самой опасной из всех, что вели римляне, принадлежит ему одному.

Полибий. «Всеобщая история»

Собираясь рассказать подвиги Публия в Иберии, как и вообще деяния всей жизни его, мы считаем нужным познакомить предварительно читателя с характером и наклонностями этого человека. Так как Публий был едва ли не самым знаменитым человеком прошлого времени, то всякому желательнее узнать, кто он такой, каковы были его природные или опытом приобретенные свойства, благодаря которым он и совершил столько славных подвигов. Однако обыкновенно или не дается никаких сведений о нем, или даются ошибочные,

потому что историки Публия погрешают против истины. Верность нашего суждения будет доказана нижеследующим изложением, если кто способен оценить по достоинству прекраснейшие и чудесные деяния Публия.

Так, все прочие историки изображают Публия каким-то баловнем судьбы, предприятия которого удаются большей частью вопреки всяким расчетам, случайно; они полагают, что подобные люди больше, чем другие, действующие во всем согласно определенному плану, наделены чем-то сверхъестественным и удивления достойным; они забывают, что лишь последнего рода действия заслуживают похвалы, тогда как неожиданные удачи должно приписывать счастливой случайности; они не понимают того, что случайные удачи доступны первому встречному, тогда как деяния, заслуживающие прославления, бывают достоянием только людей даровитых и рассудительных, каковых и должно почитать наиболее необыкновенными и богам любезными. Публий, как мне кажется, походит на законодателя лакедемонян Ликурга и по характеру, и по образу действий. Как нельзя думать, что Ликург, создавая государственное устройство лакедемонян, действовал во всем по внушению пифии и одержим был чрезмерным богопочитанием, так точно нельзя допускать и того, будто Публий поднял родное государство на такую высоту силою сновидений и вещей голосов. Оба они видели, что толпа неохотно идет на что-либо необыкновенное и не отваживается на опасные предприятия, если не питает надежды на помощь богов; поэтому Ликург выдавал всегда свои собственные мысли за волю пифии, благодаря чему народ принимал их охотнее и с большим доверием. Подобно этому Публий внушал своим войскам

такое убеждение, будто все планы его складываются при участии божественного вдохновения; через то самое подчиненные его шли на опасное дело смелее и с большей охотой. Но что в каждом случае Публий заранее рассчитывал и соображал ход дела, что все предприятия его кончались так, как он и ожидал, это покажет дальнейшее изложение.

Никто не отрицает, что Публий был благожелателен и великодушен; но что он был проницателен и осторожен, что с напряженным вниманием следил за осуществлением задуманного плана, это может признать тот только, кто постоянно находился при нем и вблизи наблюдал его образ действий. Одним из таких людей был Гай Лелий; с юных лет и до самой смерти он участвовал во всех предприятиях Публия и знал все его планы. Он-то и сообщил нам такое представление об этом человеке, ибо речи его казались нам заслуживающими веры и соответствующими делам Публия. Так, Лелий рассказывает, что первый замечательный подвиг Публия относится к тому времени, когда отец его дал конную битву Ганнибалу при реке, именуемой Падом. Как кажется, в то время Публию шел семнадцатый год от роду, и он впервые являлся на поле сражения. Для охраны отец дал ему отряд отборной конницы. И вот, когда Публий во время сражения увидел, что на отца его напали два или три неприятельских всадника, первым решением его было послать свой отряд на помощь отцу; но уstraшенные многочисленностью неприятеля воины его некоторое время медлили, и он, говорят, один с изумительной отвагой понесся на врагов, окруживших его отца. Тогда должны были броситься в битву и прочие воины; неприятели в ужасе бежали, а чудесно спасенный Публий тут же сам в присутствии всех назвал сына своим спасителем.

Этим делом он стяжал себе у всех славу храброго юноши и впоследствии всякий раз, когда на нем покоились последние надежды отечества, никогда не уклонялся от опасных предприятий, что свойственно вождю рассудительному, а не тому, кто веряет себя случайностям.

Позже старший брат его Луций домогался должности эдила, которая почитается чуть не самой почетной для молодых римлян; согласно обычаю должность эту занимают два патриция. Соискателей было тогда очень много, и поэтому наш Публий долгое время не решался искать той же должности, что и брат его. Но по мере приближения выборов он по настроению народа стал замечать, что брату его нелегко будет получить искомую должность, а в то же время видел, что сам он пользуется большим расположением народа. Публий решил, что брат его может достигнуть цели не иначе, как если они оба вместе выступят соискателями на эдильство, и придумал такое средство: он видел, как мать переходила из храма в храм, приносила богам жертвы за успех брата его и вообще находилась в сильной тревоге за будущее, — мать одна озабочивала Публия, потому что отец его в то время находился в Иберии с флотом, будучи назначен военачальником в упомянутой выше войне, — и сообщил матери, что дважды видел один и тот же сон, именно: будто он был выбран в эдилы вместе с братом и после выборов возвращался с площади домой; навстречу им вышла мать и у дверей дома обняла их обоих и поцеловала. Мать, как женщина, тронута была этими словами и промолвила: «О если бы мне дожить до такого дня!». «Не хочешь ли, мать, мы попытаемся», — сказал на это Публий. Мать согласилась, полагая, впрочем, что Публий не отважится выступить соискателем, что слова его не более как минутная шут-

ка: он был слишком еще молод. Но Публий просил приготовить ему тотчас белую тогу: так согласно обычаю одеваются кандидаты на должность.

Мать уже и забыла, что сказал сын, а он, одевшись рано утром в белую одежду, когда мать почивала еще, явился на площадь. Народ встретил Публия с восторгом, как потому, что не ожидал его здесь увидеть, так и потому, что благоволил к нему раньше. Когда вслед за этим Публий показался на определенном месте и стал рядом с братом, народ выбрал на должность эдила не только Публия, но ради него и брата его, и они оба возвратились домой эдилами. Весть об этом быстро дошла до матери, которая радостно встретила юношей у дверей и горячо поцеловала их. Вследствие этой удачи все, кто слышал прежде о его сновидениях, вообразили, что Публий беседует с богами не только во сне, но и наяву, днем. На самом деле никакого сновидения не было, но, будучи терпелив, щедр и ласков в обращении, он знал, что народ любит его, потому сумел обратить в свою пользу настроение народа и матери, и таким образом не только достиг задуманной цели, но и прослыл за человека, действующего по вдохновению свыше. Те люди, которые по природной ли ограниченности, или по невежеству, или, наконец, по легкомыслию, не в состоянии постигнуть в каком-либо событии всех случайностей, причин и отношений, почитают богов и судьбу виновниками того, что достигнуто проницательностью, расчетом и предусмотрительностью.

Вот что находил я нужным сказать моим читателям, дабы они не поддавались ходячим ошибочным суждениям о Публии и не забывали его достойнейших и прекраснейших качеств: я разумею его изобретательность и настойчивость в труде. Самые дела его покажут это еще яснее.

Плутарх. «Моралии»

1. Сципион Старший свое свободное от военных и государственных дел время проводил в ученых занятиях, говоря, что на досуге у него особенно много дела.

2. Когда он взял Новый Карфаген и воины, захватив пленников, привели для него красивую девушку, он сказал: «С радостью бы взял, будь я рядовой, а не начальник».

3. Осаждая город Батию, над которым высился храм Афродиты, он приказал заключать друг с другом все сделки, а споры он будет решать в этом храме через три дня. И по взятии города он сделал, как обещал.

4. Когда в Сицилии его спросили, на что он рассчитывает в своем походе на Карфаген, он показал на триста своих воинов, упражняющихся при оружии, на высокую башню возле моря и сказал: «На то, что во всем этом отряде нет ни одного человека, который бы по моему слову не бросился с этой башни вниз головой».

5. Когда он совершил переправу, одержал победу и сжег вражеский стан, то карфагеняне прислали к нему послов для договора, обещая выдать слонов, корабли и деньги; но когда из Италии вернулся Ганнибал, они осмелели и отказались от приглашения. Сципион, узнав об этом, сказал, что все равно бы он заключил договор не иначе, как с тем, чтобы они выплатили 5000 талантов за то, что вновь призвали Ганнибала.

6. Когда карфагеняне были наголову разбиты и прислали к нему послов о перемирии и мире, он велел им тотчас удалиться, сказав, что он не будет их слушать, пока они не приведут к нему Луция Теренция: а Теренций этот был римский гражданин и до-

стойный муж, попавший в карфагенский плен. Когда же они привели к нему Теренция, то Сципион посадил его рядом с собою на помосте и так вел переговоры с карфагенянами, пока не заключил мир.

7. Этот Теренций в триумфе шел за его колесницей в колпаке вольноотпущенника; а когда Сципион умер, он на похоронах разливал вино с медом и совершал прочие погребальные обряды; но это было уже позднее.

8. Царь Антиох, когда римляне переправили против него войско в Азию, послал к Сципиону послов для переговоров, но тот ответил: «Нужно было раньше, а не теперь, когда уже наготове и седло и узда».

9. Сенат постановил выдать ему денег из казнохранилища, но квесторы уже не хотели в этот день его отпирать. «Отопру сам, – сказал Сципион, – ведь закрыто оно потому, что это я его наполнил».

10. Петилий и Квинт сурово обвиняли его перед народом. А он на это сказал, что в этот самый день он победил карфагенян и Ганнибала и теперь хочет надеть венок и взойти на Капитолий и принести жертву, а кто намерен голосовать, тот пусть голосует по своему усмотрению. С этими словами он пошел на Капитолий, народ за ним, а обвинители остались говорить без слушателей.

Полиэн. «Стратегемы»

1. Сципион в Иберии, узнав, что вражеское войско голодным выступило к сражению, тянул время, выводя и строя свою фалангу. Около же седьмого часа, сразившись с уже мучимыми голодом и жаждой, он легко одолел врагов.

2. Сципион изгнал из лагеря блудниц, приказав им удалиться в справляющий праздник город. Велел же удалить ложа, столы, кубки и наряды – все, кроме горшка для варки, небольшого вертела и

чаши для питья. На завтрак велел есть просто нежареную пищу, на обед же приносить мясо, жареное или вареное. Тогой же пользоваться галльской, толстой и шерстяной. И первым прикрепил на застежке черное верхнее платье, а к командирам обратился, возлежа на подстилке из соломы, листьев и тростника, сказав, что оплакивает расточительность и изнеженность войска.

3. Сципион, видя воина, сооружающего частокол, сказал: «Мне кажется, что ты обижен, соратник». Когда же тот ответил: «Нисколько», то сказал: «Естественно, ведь надежду на спасение имеешь в дереве, а не в мече».

4. Сципион, видя воина, очень заботящегося об украшении щита, сказал: «Позор, что римский воин более доверяет левой руке, чем правой».

5. Сципион, приведенный в смущение народом, сказал: «Меня не устрасил ни крик вооруженных воинов, ни ропот случайно собравшихся людей, для которых, я вижу, Италия – мачеха, а не мать». Этими словами они были усмирены и прекратили роптать.

6. Сципион, взяв копьем город Ойнуссу в Иберии, когда грабившие привели девушку удивительной красоты, разыскав ее отца, охотно вернул ему дочь. Тем же, кто принес от него дары, он еще и добавил, сказав, что отдает их в приданое девушке. Которых же и других женщин из знатных семей или дочерей, или детей, бывших в цветущем возрасте, они захватывали, он приставил к ним двух мудрейших из римских старейшин, чтобы они заботились и оказывали помощь пленным в соответствии с их достоинством. Умеренность Сципиона сделала многие иберийские города по доброй воле дружественными и союзными римлянам.

7. Сципион Сифака, царя массесилиев, сделав союзником, переправился в Сицилию. Гасдрубал,

имея дочь, девушку удивительной красоты, обещал отдать ее Сифаку, отпавшему от дружбы с римлянами. Тот же, женившись на девушке, склонился к карфагенянам и тотчас же написал Сципиону письмо, запрещаая высаживаться в Ливии. Сципион, видя, что римляне очень заботятся о союзе с Сифаком, а если узнают, что он отпал к врагам, то не осмелятся переправиться в Ливию, собрав их народное собрание, переделал наоборот письмо Сифака, как будто бы тот призывает римлян в Ливию и удивляется, что и теперь они медлят и что надо не прекращать с ним дружбу во время самого ее расцвета. Сказав это, он внушил римлянам страстное желание и мужество. Они же тотчас назначили день, в который следовало отплыть.

8. Сципион, захватив трех карфагенских лазутчиков, хотя римский закон повелевал убивать вражеских лазутчиков, не сделал этого, но приказал им обойти все войско. Они же, видя одних римлян метаящими стрелы, других – дротики, третьих – прыгающими, четвертых – чинящими оружие, некоторых же – затачивающими мечи, снова были подведены к Сципиону. Он же, угостив их завтраком, сказал: «Передайте то, что увидели, пославшему вас». Они же, вернувшись к Ганнибалу и другим карфагенянам и сообщив это, устрашивали их и приготовлениями римлян, и величием духа Сципиона.

Г.В. Штоль

Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший

Сципион Эмилиан, разрушитель Карфагена и Нуманции, был сыном Эмилия Павла, но усыновлен сыном Сципиона Африканского, Публием Корнелием Сципионом, мать которого была сестрой

Эмилия Павла. Будучи семнадцатилетним юношей, он сражался при Пидне под начальством своего отца и слишком смелым и продолжительным преследованием неприятеля привел в сильное беспокойство отца и все войско. Так как он был любитель охоты, то ему в награду позволили охотиться в нетронутых в течение четырех лет засеках македонских царей. Знакомые считали этого тихого и простого юношу мало способным. Обыкновенные юношеские удовольствия не занимали его; он не хотел также, подобно другим знатным юношам, искавшим должностей, проложить себе путь к какой-нибудь общественной почетной должности заискиванием перед влиятельными сенаторами или декламаторскими речами в судах. Он жил в уединении и находил большое удовольствие в занятиях науками. Заботливость отца доставляла ему лучших наставников и друзей эллинского образования, и впоследствии общество его составляли такие греческие и римские поэты и ученые, как Полибий, философ Панеций, поэты Луцилий и Теренций. Вместе с Полибием его лучшим другом был сын Лелия, известного уже нам друга Сципиона Африканского Старшего, Гай Лелий, человек весьма образованный, отличный оратор, поэт, любитель философских исследований, получивший вследствие этого прозвище Sapiens (Разумный). Благодаря своим занятиям науками и искусствами Эмилиан получил прекрасное и солидное образование, которое сильно выдвинуло его из ряда обыкновенных любителей эллинизма. Его политические речи, отличавшиеся чистой классической латынью, и впоследствии охотно читались римлянами. Из эллинского он усвоил только то, что неподдельно, прекрасно и велико, и таким образом греческое образование нисколько не повредило его римско-

му духу; несмотря на возрастающую вокруг него испорченность нравов, он оставался настоящим римским мужем доброго старого порядка, по образу своего родного отца, крепким телом и душой, простым и строго нравственным, но отнюдь не таким суровым, подобно какому-нибудь Катону. В противоположность стремлениям большинства знатных людей того времени, которые бессовестно и бесчестно помышляли только о силе и могуществе, о деньгах и наслаждениях, Сципион верностью своему слову, твердостью, честностью и бескорыстием приобрел уважение и доверие друзей и врагов. Хотя одно имя и память об отце Эмилии достаточно его рекомендовали, но тем не менее первым человеком своего времени он сделался благодаря единственно своим личным заслугам. Его высокая и благородная душа, равно как его храбрость и необыкновенный талант полководца доставили ему привязанность и доверие солдат даже в бытность его на войне в качестве подчиненного и заставили обратить на него внимание народа и правителей Рима.

На общественную службу Сципион вступил только на тридцать четвертом году от роду. В 154 году до н.э. в Испании после продолжительного мира снова начались кровопролитные войны с лузитанами и кельтиберами, и римляне вели их так неудачно, что когда в 151 году консул Луций Лукулл начал вербовать армию для Испанской войны, ни один человек не предложил своих услуг в качестве офицера. Тут выступил Сципион Эмилиан и вызвался принять любую должность, какая будет ему предложена в Испании. Пример его подействовал так сильно, что кандидатов на офицерские места появилось даже больше, чем требовалось. Сципион последовал за Лукуллом в качестве

военного трибуна и отличился в Испании больше всех остальных. Он доблестно выдержал поединок с одним испанским великаном и первым взобрался на стены Интеркации при штурме этого города, за что получил так называемый стеновой венок. Храбрость и честность его принесли ему такой почет и со стороны неприятеля, что вакхеи, переставшие верить властолюбивому и бесчестному консулу, вполне положились на слово Сципиона и заключили договор с Римом. В следующем году Лукулл отправил его в Африку с поручением попросить у Массинисы слонов для Испанской войны. Тут ему довелось быть очевидцем сражения между Массинисой и карфагенянами, окончившегося поражением последних. После битвы карфагеняне обратились к Сципиону с почетным предложением устроить мир между ними и нумидийским царем. Но старания его остались бесплодными.

В 149 году до н.э. вспыхнула Третья Пуническая война, которую Сципиону суждено было окончить блистательным образом. В результате Второй Пунической войны Карфаген утратил свою политическую самостоятельность, но долговременный мир дал ему возможность снова оправиться и выйти из своего позорного и бедственного положения. Римляне стали смотреть с завистью и опасением на процветание старого соперника. Поэтому нумидийский царь Массиниса, как победоносный враг карфагенян, был очень по сердцу римлянам. В последнее время Ганнибаловых войн Массиниса сражался на стороне римлян против Карфагена и Сифака и при заключении мира получил, по соизволению римского сената, господство над всей Нумидией. Умный и необыкновенно энергичный человек старался во время своего царствования рас-

ширять, насколько возможно, это господство и упорочивать его распространением образования; он приучил свои кочевые народы к земледелию и оседлости, строил города и крепости, облагал данью племена, жившие в южных горах. Земля карфагенян была окружена с трех сторон его владениями и возбуждала завоевательные наклонности воинственного царя, который мысленно смотрел уже на богатый торговый город поселившихся на нумидийской земле иноземцев как на свою будущую столицу. Неопределенная редакция мирного договора, в котором значилось, что карфагеняне должны возвратить все отнятые ими у нумидийского царства земли Массинисе, давала этому последнему достаточный повод отбирать у карфагенян один земельный участок за другим. Так как Карфаген теперь не имел права вести войну без позволения римлян, то в подобных случаях он жаловался римскому сенату и просил его посредничества и решения; но римляне не оказывали ему никакой серьезной помощи и предоставляли Массинисе действовать совершенно свободно и наконец даже открыто перешли на его сторону. Вследствие этого нумидийский царь отнял у карфагенян всю Эмпорию, а вслед за этим обратился и на запад, где завладел плодородными поселениями на берегу реки Баграда. Карфагеняне снова попросили защиты у римлян. Сенат послал в Карфаген комиссию, во главе которой стоял старый Катон. Он спросил карфагенских сенаторов, желают ли они безусловно подчиниться решению Рима; когда же те потребовали подробного исследования спорного вопроса и решения его по закону, то комиссары прекратили переговоры и уехали обратно. Катон считал себя оскорбленным таким образом действий карфагенского сената, он убедился собственными

глазами в благосостоянии ненавистного государства и с тех пор не переставал настаивать в Риме на разрушении опасного города.

Авторитет, которым пользовался Катон, и беспристрастные настояния его побудили наконец большинство римских сенаторов принять решение – при первом же удобном случае объявить карфагенянам войну и разрушить их столицу. Случай представился скоро. Массиниса продолжал теснить и грабить карфагенян, римляне продолжали не оказывать им никакой действенной помощи. Наконец терпение карфагенян лопнуло, и они схватились за оружие, чтобы помочь себе собственными средствами и силами. Под предводительством Гасдрубала, из фамилии Барка, они вступили в битву с нумидийским царем, но потерпели поражение. Это та самая битва, очевидцем которой был Сципион Эмилиан в то время, когда он ездил к Массинисе просить слонов для Испанской войны. Теперь у римлян был достаточный повод для нарушения мирного договора: карфагеняне подняли оружие против союзника Рима без разрешения последнего. Карфаген старался отвратить опасность, постановил казнить Гасдрубала и Карталона, главных виновников войны с Массинисой, и отправил в Рим посольство с заявлением, что карфагеняне отдают свою судьбу в полное распоряжение римлян. Но когда послы прибыли в Рим, война была уже объявлена и консулы выступили в поход с большим войском. Посланникам дали знать, что за Карфагеном будут обеспечены свобода, самостоятельность и его область, если он в течение месяца отправит в Лилибей к консулам три тысячи заложников, детей самых знатных фамилий, и в остальном подчинится распоряжениям этих консулов. Карфагеняне исполнили требование относительно заложников; но

консулы переправились из Лилибея в Африку и расположились в Утике, перешедшей на сторону Рима. Весь карфагенский сенат отправился туда для получения дальнейших приказаний от консулов. Они потребовали полного разоружения. Карфагеняне выдали все боевые припасы своего флота, все хранившиеся в магазинах военные запасы и оружие частных лиц, три тысячи метательных орудий и двести тонн полных вооружений и спросили, чего требует Рим еще. Тогда консул Луций Марций Цензорин объявил, что, по приказанию римского сената, город Карфаген должен быть разрушен, а жители его – выселены, по крайней мере на расстояние двух миль от морского берега. Это страшное повеление привело карфагенян, до этих пор обнаруживавших беспримерную терпеливость, в бешенство и отчаяние; они решили защищаться до последних сил, несмотря на отсутствие оружия. День и ночь все, кто был в городе, без различия пола и возраста, работали над приготовлением метательных орудий и оружия; для добычи металла и дерева разрушали общественные здания; женщины обреза́ли волосы и отдавали их для тетивы луков. Бежавшие полководцы, Гасдрубал и Карталон, были призваны обратно, стены города приведены в оборонительное положение, и всякий, кто только мог носить оружие, вооружился.

Консулы не знали о происходившем в Карфагене и двинулись туда из Утики в надежде овладеть беззащитным городом без сопротивления. Но как изумились они, когда нашли ворота запертыми, а стены занятыми множеством орудий и вооруженных людей, и поняли, что необходимо приступить к формальной осаде.

Осада столь прочно укрепленного города представлялась тем более затруднительной, что окрес-

тные земли, вмещавшие в себя около восьмисот деревень, находились еще в руках карфагян. Возвратившийся Гасдрубал стоял крепким лагерем у лежавшей на восточном берегу залива, как раз против Карфагена, крепости Неферис; многочисленные конные отряды под предводительством храброго Гимилькона Фамея совершали отсюда наезды внутрь страны и внезапными нападениями приводили в ужас выславшихся на рекогносцировку римских солдат. Консул Марк Манлий расположился с сухопутным войском под стенами крепости, Луций Цензорин стал с флотом у южной полосы земли и повел отсюда атаку на город. Двумя большими таранами он пробил брешь в слабейшем месте стены, но так как стемнело и штурм пришлось отложить на следующий день, то карфагяне ночью снова заложили часть бреши и повредили неприятельские орудия так сильно, что вывели их из строя. Несмотря на это, Цензорин решился на штурм; его солдаты вторглись в город в таком беспорядке и так неосторожно, что были отбиты с большим уроном и потерпели бы полное поражение, если бы не спас их Сципион Эмилиан, служивший в это время при армии военным трибуном. Предвидя исход необдуманного нападения, он не позволял своим людям ни на шаг двинуться с места, и теперь, приняв бежавших римлян под свою защиту, принудил погнавшегося за ним неприятеля к отступлению. Римляне очутились в критическом положении; нападения на укрепленный, отчаянно защищавшийся город оказывались безуспешными, летний зной порождал в лагере опасные болезни, флоту наносили сильные повреждения карфагенские брандеры, на суше неприятельские всадники истребляли людей, выславшихся для добывания провианта и фуража.

В то время как эти плачевные обстоятельства с каждым днем доказывали все большую неспособность консулов, военные дарования Эмилиана обнаруживались все блистательнее. От одного ночного нападения карфагенян он спас лагерь тем, что совершенно неожиданно для неприятеля ударил ему в тыл с несколькими кавалерийскими эскадронами. Когда Манилий, чтобы положить конец беспрерывным вылазкам из Нефериса, двинулся против тамошнего лагеря и без всякого успеха должен был отступить назад, Сципион при переправе через реку пришедшего в беспорядок войска спас его от полного поражения весьма искусным стратегическим маневром и тут же, благодаря своему героическому самопожертвованию, освободил один отряд этой армии, уже брошенный на произвол судьбы. В то время как личные качества консулов и других офицеров ни в ком не возбуждали доверия, он побудил Гимилькона Фамея с двумя тысячами всадников перейти на сторону римлян. Когда умер девятилетний Массиниса, который не оказал римлянам никакой поддержки в их предприятии против Карфагена, так как сам рассчитывал овладеть этим городом, тогда Сципион, по завещанию покойного, разделил его царство между его тремя сыновьями — Миципсой, Гулуссой и Мاستанабой, и склонил Гулуссу помочь римскому войску значительным числом конницы. Таким образом Сципион сделался самым популярным человеком в войске; в Риме его имя также было у всех на устах. Даже старик Катон, более склонный к порицанию, чем к похвале, незадолго до своей смерти (он умер в конце 149 года до н.э.) выразил ему свое одобрение гомеровским стихом:

*Он лишь с умом; все другие
безумными тенями бродят.*

В следующем году, когда главное командование над войском, действовавшим против Карфагена, принял консул Луций Пизон с претором Луцием Манцином, дела пошли еще хуже прежнего, так что в Риме всеми овладело беспокойство и недовольство. Поэтому на 147 год Сципион, который, по установленному порядку, хлопотал в это время о должности эдила, был выбран консулом и, по особенному постановлению, получил главное начальство в Африканской войне, так как его считали единственным человеком, способным взять на себя выполнение этой трудной задачи. В сопровождении своих друзей Полибия и Гая Лелия, вспомогательных войск и некоторого числа волонтеров он отправился к месту назначения.

Сципион явился в Африку вовремя, чтобы спасти от гибели претора Манцина с тремя с половиной тысячами человек войска. Манцин, которого консул Пизон, отправляясь внутрь страны, оставил с флотом для осады Карфагена, овладел с моря при помощи своего небольшого экипажа крутой скалой вблизи предместья Мегалии и оттуда удачно ворвался в город. Думая, что город уже взят, экипаж кораблей в пестром беспорядке, частью и без оружия, уже бросился было на улицы вслед за солдатами для грабежа; но в это время нападавшие снова были вытеснены из города и отброшены на скалу, откуда не было никакого выхода. Ночью Манцин поспешно отправил гонца в Утику просить Пизона, ушедшего внутрь страны, о помощи, а жителей Утики – о доставке провианта. Гонец прибыл в Утику в то самое время, когда новый консул только что пристал там к берегу. Он быстро принял свои меры. Солдатам, уже высадившимся на берег, дан был сигнал вернуться на корабли, молодые жители Утики должны были при-

соединиться к римским войскам, а старики должны были носить на корабли съестные припасы, и Сципион тотчас же поплыл к Карфагену, отправив к Пизону конных гонцов, чтобы как можно скорее вернуть его туда же. Несколько пленников отпущено было на свободу, чтобы доставить карфагенянам страшную весть о походе Сципиона. С рассветом пунийцы возобновили нападения на отрезанных римлян, которые едва могли держаться, тесно сдвинувшись на скале. Только около пяти-сот человек из них были вполне вооружены и с крайними усилиями защищали себя и безоружных, которых было до трех тысяч. У них уже опускались руки, у многих кровь текла из тяжелых ран; в эту минуту крайней опасности подошел флот консула. Палубы всех судов были покрыты войсками со сверкающим оружием: консул созвал на палубы весь свой экипаж, чтобы заставить думать о приближении большого войска. Пунийцы, увидев приближающиеся многочисленные отряды и среди них хорошо известного, страшного консула в пурпурной мантии, в ужасе оставили сражение и отступили. Сципион мог беспрепятственно принять на свои корабли Манцина и спасенный отряд и вместе с тем занять скалу.

После того как Манцин передал начальство над флотом своему преемнику Серрану и возвратился в Рим, Сципион отправился в лагерь Пизона, чтобы принять от него войско и вести его к Карфагену. В его отсутствие Гасдрубал и Битиас, нумидийский вождь, перешедший на сторону карфагенян, приблизили свой лагерь к самому городу и возобновили нападение на войско, занимавшее скалу близ Мегалии; но консул опять явился вовремя со своими передовыми отрядами и спас войско от угрожающей ему опасности. С этого време-

ни началась серьезная и настойчивая осада. Прежде всего консул с неумолимой строгостью восстановил упавшую дисциплину. Затем во время ночного нападения он овладел предместьем Мегалией, вследствие чего карфагеняне были вынуждены снять свой лагерь, стоявший перед городом, и передать Гасдрубалу главное начальство над тридцатитысячным городским гарнизоном. Новый комендант варварски выместил свое поражение на военнопленных римлянах: он велел жестоко изуевчить их на городской стене, на глазах у римлян, и затем бросить в пропасть. Этой жестокостью он хотел отнять у нерешительного народа всякую возможность капитуляции и принудить его защищаться до последних сил; но так как народ сделался теперь малодушнее и порицания стали слышаться как от высших, так и от низших, то Гасдрубал старался упрочить свою власть кровавым террором и устранял сенаторов, пытавшихся противодействовать его самовластным распоряжениям.

Сципион старался между тем прекратить всякое сообщение с осажденным городом. Он укрепился на перешейке, соединявшем Карфаген с материком, и в течение двадцати дней при упорных схватках перегородил этот перешеек по всей его ширине земляными окопами. Но с моря еще возможен был подвоз припасов для осажденных. Битиас, проехав по всей стране со своими нумидийскими всадниками, доставил массу зернового хлеба в Неферис и оттуда переслал его в столицу через залив, в то время как римский флот из-за встречного ветра не имел возможности задержать или преследовать его корабли. Некоторые смелые купцы, привлекаемые барышами, также пользовались удобным случаем и храбро пробирались мимо римского флота, доставляя свой груз в карфагенский порт. Что-

бы преградить доступ к Карфагену с моря, Сципион предпринял исполинское дело. Начиная с южного мыса, он начал строить на море, у входа в порт, большую каменную плотину в девяносто шесть футов шириной в основании. Карфагеняне сначала смеялись над безрассудным предприятием; но когда они увидели, что оно идет весьма успешно, тогда и сами, соперничая с осаждающими, начали день и ночь работать в своем военном порту, и римляне не знали, что они делают. Они тайно строили флот, и так как вход в гавань с юга был заперт, рыли канал на восток в открытое море. После двухмесячной усиленной работы, однажды утром, к великому изумлению римлян, вдруг вышел в открытое море флот из ста двадцати кораблей, среди которых было пятьдесят трирем. Если бы карфагеняне тотчас же напали на не подготовленные к этому римские корабли, то, вероятно, уничтожили бы весь флот; но они удовольствовались тем, что торжественно показали неприятелю всю гордую силу и снова ушли в гавань. Когда на третий день они возвратились, чтобы дать морское сражение, они нашли римлян уже готовыми к бою. Сражение продолжалось до вечера без решительного исхода; но при возвращении в гавань маленькие карфагенские суда так перепутались, что загородили вход, и большие корабли не могли пройти туда. Потому римляне на следующее утро возобновили сражение, загнали карфагенян в гавань и с этого времени стали строго наблюдать за входом в нее.

Сципион начал теперь свою атаку с мыса и воздвигнутой им каменной плотины против внешней плотины порта и защищавших его укреплений. Его сильные машины, действуя днем и ночью, пробили брешь; но карфагеняне в темную ночь перешли

вброд, совершили отчаянно смелое нападение на осадные машины, зажгли их и обратили осаждавших в такое сильное бегство, что Сципион приказал своей собственной коннице врубиться в их ряды, чтобы заставить их остановиться. Карфагеняне победоносно возвратились за свои стены, захватив много пленных и знамен, и заделали брешь. Сципион снова выставил свои машины, зажег деревянные башни карфагенян и наконец овладел внешней частью порта. Таким образом он подвинулся до самой городской стены, против которой велел насыпать вал одинаковой с ней высоты.

После того как карфагеняне были таким образом совершенно заперты и когда уже нечего было опасаться их вылазок, Сципион отрядил часть своего войска для занятия укрепленных мест, которые еще оставались у пунийцев внутри страны. Важнейшим из этих пунктов был Неферис с расположенным при нем укрепленным лагерем, находившимся под начальством Диогена. Туда Сципион послал Лелия с пехотой, а сам держался на море. Когда в лагерной стене была пробита брешь и все было готово для приступа, Сципион приказал, чтобы три тысячи отборного войска, построившись в виде плотного клина, двинулась в эту брешь в таком тесном строю, чтобы передним рядам не было никакой возможности отступить. В то время когда здесь происходил сильнейший бой, тысяча других выбранных консулом солдат перелезли через стену в другом, незащищенном месте и напали на неприятеля с тыла. Пунийцы, увидя римских солдат в стенах лагеря, подумали, что туда ворвалось целое войско, и сломя голову бежали из лагеря. Гулусса, сын Массинисы, бросился на беглецов в открытом поле со своими слонами и нумидийскими всадниками и устроил страшное кровопролитие. В лаге-

ре, кроме солдат, находилось множество беглецов и поселян, занимавшихся подвозом съестных припасов. Большая часть их была перебита; из семидесяти тысяч человек десять тысяч взято в плен, четыре тысячи бежали. Взяв лагерь, римляне пошли на город Неферис, доступ к которому представлял немало трудностей вследствие положения его на высоких скалах; но после трехнедельной осады он также был взят.

Между тем наступила зима, в течение которой консул довольствовался тем, что держал Карфаген в тесной блокаде и предоставил там своим союзникам – голоду и чуме – сломить сопротивление неприятеля. Городское население голодало и умирало массами, в то время как Гасдрубал, владыка города, заботясь о своем чреве, проводил время со своими друзьями за роскошным столом. Убедившись, однако, что государства нельзя уже спасти, он, при содействии Гулуссы, выхлопотал себе свидание со Сципионом, чтобы по крайней мере спасти родной город от разрушения. Он предлагал Сципиону полное подчинение и уступку всей области Карфагена, если только сам город будет пощажен. Сципион не мог согласиться на это предложение, так как сенат уже решил разрушить Карфаген; но он обещал Гасдрубалу, если тот отдаст ему город, свободу и безопасность для него лично, для его клиентов и для десяти дружественных ему фамилий. Гасдрубал отверг это предложение и ответил, что он хочет жить и умереть со своими согражданами, и если так уже решено судьбой, то он похоронит себя под развалинами своего родного города.

С наступлением весны 146 года до н.э. голод и болезни в городе усилились до такой степени, что Сципион встречал уже слабое сопротивление. Он легко пробился во внутренний город и овладел

рынком, находившимся близ военного порта. Отсюда он медленно направился по трем узким улицам против цитадели. Но здесь ему предстояло тяжелое кровопролитие: по обеим сторонам улиц стояли высокие шестиэтажные дома, с неистовым отчаянием защищаемые гражданами; их приходилось брать с боем поодиночке, как крепости. Солдаты пробивались от одного дома к другому по крышам и через бревна, наваленные на улицах, и уничтожали все, что попадалось им на пути, с большой опасностью для самих себя. Шесть дней и шесть ночей без перерыва продолжался этот страшный бой, причем уставшие войска постоянно сменялись свежими. Один Сципион не давал себе ни минуты покоя. Без сна и без пищи, кроме той, которую он принимал во время самого сражения, он спокойно и упорно продолжал свое дело, день и ночь напрягался истребительным боем, пока наконец не упал без чувств от крайнего напряжения при виде свирепого опустошения. Наконец, на седьмой день добрались до цитадели. Чтобы облегчить приступ, Сципион велел зажечь взятые дома и выровнять щебень; при этом погибло множество людей, спрятавшихся в домах. Оставшееся население искало спасения на горе, на которой стоял храм Эсмунa. Лишенные мужества и истощенные до крайности жители просили пощады. Сципион пощадил всех, за исключением перебежчиков. Таким образом, на милость победителя сдались двадцать пять тысяч женщин, а потом тридцать тысяч мужчин — менее десятой части прежнего населения. Жена Гасдрубала просила своего мужа позволить ей и двум ее детям также просить пощады у победителя, так как не было уже никакой надежды на спасение; но Гасдрубал отверг эту просьбу и оставался в храме Эсмунa вместе с римскими перебежчиками в количе-

стве девятисот человек, решив защищаться до конца. Но это отчаянное мужество ненадолго овладело слабым человеком. Когда перебежчики зажгли храм, чтобы погибнуть под его развалинами, Гасдрубал испугался смерти и, не заботясь о жене и детях, поспешил тайно удалиться из города, бросился к ногам Сципиона с масличной ветвью и умолял о пощаде. Перебежчики и жена проводили его проклятиями. Одетая в богатейшие одежды, жена Гасдрубала явилась со своими детьми на зубцах горевшего храма на виду у своего несчастного мужа и Сципиона и громко крикнула: «Тебя, римлянин, за зло, которое ты причинил неприятельскому городу, да не постигнет никакое несчастье; но Гасдрубал, изменивший своему родному городу и его храмам, мне и моим детям, да будет наказан за это богами Карфагена и тобой. Несчастный, вероломный беглец, смотри теперь на гибель мою и детей твоих под этими горящими развалинами; ты, последний вождь великого Карфагена, готовься теперь ко всякому позору и к триумфу победившего тебя врага!». С этими словами она заколола своих детей и бросила их в пламя; потом и сама исчезла под дымящимися обломками, найдя свою смерть в огне, как некогда Дидона, основательница великого Карфагена, покинутая Энеем. Гасдрубал открыл собой триумфальное шествие победителя и прожил остаток своей жизни в Италии как римский пленник, покрытый стыдом и позором.

Великое дело свершилось; Карфаген, долгое время бывший опасным соперником Рима, был уничтожен в том же самом году (146 год до н.э.), в котором большой торговый город Коринф был разрушен Муммием.

Все карфагенские пленники были проданы в рабство. Городскую добычу Сципион предоставил

солдатам, за исключением государственной казны с золотом и серебром и храмовых сосудов, которые отданы были квестору и отправлены в Рим, в государственную казну. Сам Сципион ничего не взял из добычи, даже запретил своим друзьям покупать что-либо из нее. Статуи и художественные произведения, некогда увезенные карфагенянами из греческих городов Сицилии, были возвращены прежним владельцам; среди них находился и знаменитый медный бык Фадариса; Сципион приказал доставить его жителям Агригента как памятник жестокости туземцев и мягкости римлян, глядя на который они могли решить, что лучше для сикулов – быть подданными туземных тиранов или подчиниться римскому народу. Большая часть Карфагена еще уцелела от разрушения. Сципион, желая сохранить город, спрашивал у сената, что делать дальше, и получил ответ, что он должен сравнять с землей город Карфаген и предместье Магалию, равно как и все города, бывшие до последнего времени в союзе с Карфагеном; затем на месте Карфагена должен пройти плуг, и это место должно быть проклято на вечные времена, чтобы жизнь никогда уже не могла возникнуть на этом поле смерти. Так и было сделано. Семнадцать дней горели развалины Карфагена. Сципион в ужасе смотрел на великое дело разрушения, и после долгого, задумчивого молчания, со слезами на глазах, произнес стих из «Илиады» Гомера:

*Будет некогда день –
и погибнет великая Троя,
Древний погибнет Приам
и народ копьеносца Приама.*

Когда Полибий, стоявший около него, спросил, в каком смысле он сказал эти слова, он сознался, что при виде превратности человеческой судь-

бы в его душе явились печальные мысли об участи, ожидающей когда-нибудь его собственный родной город.

Сенат послал комиссию из десяти человек для устройства африканских дел вместе со Сципионом. Карфагенская область вместе с теми границами, какие она имела в начале войны, обращена была в римскую провинцию под названием Африка, с главным городом Утикой. Сыновья Массинисы получили нумидийские земли с областями, которые Массиниса отнял в последнее время у карфагенян; граница между Нумидией и римской Африкой была теперь точно определена. Спустя почти двадцать четыре года после разрушения Карфагена Гай Гракх основал на карфагенском полуострове, но не на проклятом месте старого города, римскую колонию под названием Юнония. Новый город, в который приняты были и рассеянные остатки карфагенского народа, не имел успеха. Позже Юлий Цезарь отдал окрестную землю части своих ветеранов, и снова основал город, достигший в императорский период значительного процветания и сделавшийся, по своему населению и богатству, вторым городом в империи. Король вандалов, Гейзерих, завоевал его и сделал своей столицей в 439 году. У вандалов снова отнял его Велизарий в 533 году и в честь своего императора назвал его Юстинианой. Арабы разрушили его в 647 году.

Устроив африканские дела, Сципион возвратился в Рим для заслуженного триумфа и с этого времени сделался первым и величайшим человеком в Римской республике. Сограждане почтили его прозвищем Африканского Младшего (Minor).

В 142 году до н.э. Сципион стал цензором и исполнял эту обязанность с катоновской серьезностью и самой строгой добросовестностью, между

тем как его товарищ, Муммий, старался приобрести расположение народа уступками и мягкостью. Производя торжественную люстрацию, он изменил обычную молитву за республику в том смысле, что просил богов уже не о расширении, но о сохранении государства. Некоторое время спустя после своего цензорства он был поставлен, по распоряжению сената, во главе посольства и объехал земли Востока, Египет, Кипр, Сирию, Малую Азию, чтобы исследовать положение этих стран. Своим полным достоинства поведением и благородной древнеримской простотой послы возбуждали удивление при роскошных дворах восточных царей; они исполняли обязанность судей в спорах между отдельными государствами с такой справедливостью и мягкостью, что цари и городские общины приобрели доверие и новый взгляд на римское государство; в Рим явились многочисленные посольства, чтобы выразить сенату благодарность за присылку таких превосходных людей.

В Испании, где мы видели Сципиона в 151 и 150 гг. военным трибуном, война еще не прекращалась. В 150 г. претор Сульпиций Гальба снова раздул ее неслыханно вероломным и жестоким поступком. Он заключил договор с воинственным племенем лузитан в Юго-Западной Испании, когда они были поставлены в затруднительное положение вследствие успехов римского оружия, и обещал перевести их на лучшие места для поселения. Когда лузитаны, поверив его словам, явились к нему в количестве семи тысяч человек, он разделил их на три отряда, заставил сложить оружие и затем велел частью перебить их, частью увести в рабство. Этот постыдный поступок вызвал такое раздражение, что не только лузитаны, но и другие испанские племена снова взяли за оружие. Во

главе лузитан стал Вириат, в молодости бывший пастухом и разбойником, а затем смелым партизанским вождем, и восемь лет сражался с римлянами так упорно и удачно, что они терпели одно поражение за другим. Римляне одолели лузитан только тогда, когда консул Квинт Сервилий Цепион убил его в 140 году. Но Вириат возбудил еще другую опасную для римлян войну, со стороны племени кельтиберов, в Средней Испании. В 143 году они взялись за оружие. Так как война и в следующие годы не была успешной, то Сципион Африканский наконец сделан был консулом и получил главное начальство над войском в Испании (134 год).

Как под Карфагеном, так и в Испании Сципиону пришлось прежде всего восстановить упавшую дисциплину, потому что при его слабых предшественниках разврат, леность и распущенность войска достигли ужасающих размеров. Сципион выгнал из лагеря две тысячи публичных женщин, множество бродячих гадателей и жрецов, целую толпу торговцев и разносчиков, слуг, поваров и других прислужников; из повозок, вьючных животных и клади он оставил при войске только самое необходимое, запретил употребление всех предметов роскоши – постелей, подушек, драгоценных сосудов и т.п. «Строгий полководец, – говаривал он, – полезен своим войскам, а уступчивый неприятелю». Чтобы снова приучить солдат к труду и выдержке, он приказал им работать с утра до вечера, рыть ямы и снова засыпать их, строить и разрушать стены. Он приучал их к труднейшим переходам; уж если не было у них охоты обливаться кровью в сражениях, то пусть пачкают себя грязью. Они должны были идти всегда сомкнутыми рядами, и никто не смел оставить свое место; если кто-нибудь делал это, то наказывался розгами. Каждый носил с со-

бой съестные припасы на несколько дней, иногда запас хлеба дней на тридцать, и семь столбов для палисада; когда Сципион видел кого-нибудь утомленным, то обыкновенно говорил: «Если бы ты научился защищаться мечом, то тебе не нужно было бы носить на спине материал для укреплений». Если кто-нибудь не мог идти дальше, он приказывал всаднику спешиться и посадить его на лошадь; если вьючные животные были очень обременены, то он снимал с них часть груза и клал на плечи солдат. С такой же строгостью, как с простыми солдатами, обращался он и со знатными офицерами. Он резко порицал их за нежность и слабость; если он находил у них в багаже какой-нибудь ненужный предмет роскоши, то ломал его и выбрасывал вон.

Так Сципион провел почти все лето в исправлении войска, и только тогда, когда оно снова сделалось способным к бою и выражало желание храбрыми подвигами смыть с себя прежний позор, консул подвинулся ближе к городу Нуманции. Его войско состояло из четырех легионов, нумидийского отряда конницы, пехоты и двенадцати слонов под начальством князя Югурты и многочисленных испанских вспомогательных отрядов. Все войско насчитывало шестьдесят тысяч человек, в то время как гарнизон города состоял всего из восьми тысяч. Так как консул был убежден, что его войска, после многолетней распушенности, не могут сразу начать сражаться храбро, то он сначала избегал боя и ограничивался тем, что отражал вылазки и обезвреживал неприятельские засады. В этих сражениях он очень хорошо увидел, как мало можно доверять своим солдатам: личным своим появлением он едва мог остановить бегущие отряды, о штурме крепости, стоявшей на скале, нечего было и думать. Потому он решил блокировать город непрерывным

рядом укреплений. Вокруг всей городской стены он протянул двойной вал, внешний и внутренний, на расстоянии более одной мили, и укрепил его рвами, стенами и башнями. Чтобы отрезать подвоз припасов к городу со стороны реки Дуро, в реку были погружены бревна, снабженные пилами.

Когда город был таким образом совершенно отрезан от внешнего мира, голод и чума скоро начали оказывать свое разрушительное действие на граждан, и Сципион мог спокойно ожидать той минуты, когда город сам отдастся в его руки. Нумантийцы упорно и мужественно переносили нужду, постоянно ожидая помощи со стороны или какого-нибудь счастливого оборота судьбы. Когда они увидели, что их надежда тщетна, они отправили к Сципиону посольство для переговоров о сдаче; римлянин потребовал, чтобы они сдались безусловно; тогда народ в бешенстве растерзав своих послов и решил терпеть до последних сил, все еще надеясь на перемену обстоятельств. Но скоро к Сципиону явилось другое посольство и отдало город в его полное распоряжение: голод и болезни истощили последние силы несчастных. Когда полководец приказал гражданам выйти на следующий день из города и сложить оружие, они просили дать им небольшую отсрочку, чтобы иметь возможность предать себя смерти, не желая пережить свободы своего отечества. Сципион уважил эту просьбу. Большая часть граждан убила себя и своих близких мечом или бросилась с женами и детьми в свои пылающие дома. На третий день оставшиеся в живых вышли за ворота, похожие на блуждающие тени, едва сохранив человеческое подобие. Сципион выбрал из них пятьдесят знатнейших граждан для своего триумфа; остальных продал. Город был сравнен с землей, а область его разделена между соседями.

Гибель нумантийцев, заслуживших лучшей участи за свое стойкое мужество и любовь к свободе, произошла осенью 133 года до н.э.; Сципион осаждал этот город целый год. Победитель получил почетное звание Нумантийского. Совместно с командированной от сената комиссией он устроил положение вновь покоренных стран согласно с требованиями справедливости и таким образом устранил на будущее время сопротивление большинства испанских племен римскому владычеству; для Испании снова настало более сносное время.

В то время когда Сципион находился еще в Испании, он получил известие о революции, совершенной его зятем Тиберием Семпронием Гракхом (сестра которого, Семпрония, была замужем за Сципионом), предложившим аграрные законы, благоприятные для низшего класса, и о его несчастном конце. Он не одобрял планов своего зятя и, получив это известие, говорят, произнес гомеровский стих:

*Так да погибнет замысливший
в сердце недоброе дело!*

Сципион не был врагом народа и не принадлежал к аристократической партии, желавшей забрать в свои руки управление государством и эксплуатировать его в свою пользу; он даже поддерживал своевременные реформы и противодействовал, насколько мог, тем злоупотреблениям, какие позволял себе правительственный класс. Он лучше кого-либо другого видел глубокие язвы, от которых страдало государство, но считал невозможным революционный путь спасения, насильственное, революционное исцеление государства казалось ему хуже того зла, от которого государство страдало. Такой образ мыслей Сципион и высказал открыто, когда возвратился в Рим в 132 году, и за это большая часть народа лишила его своей благо-

склонности. Он предложил, чтобы споры, возникшие при разделе общественной земли, решались не комиссией, заведующей разделом, а другими людьми; этим предложением он совершенно приостановил раздел и навлек на себя еще большее неудовольствие со стороны народа и его представителей; Папирий Карбон, глава народной партии, напал на него в народном собрании как на врага народа. На вопрос Карбона, что он думает об умерщвлении Тиберия Гракха, Сципион откровенно повторил свое мнение, что считает это дело справедливым. Его противники в крайнем раздражении закричали: «Долой тирана!». Сципион смело отвечал: «Враги отечества справедливо желают моей смерти, потому что невозможно, чтобы Рим пал, пока жив Сципион, и чтобы Сципион остался в живых, когда падет Рим». Он бросил смелое слово в шумную, крикливую толпу, сказав, что эта толпа не имеет никакого права разговаривать на римском форуме. «Молчите! – вскричал он. – Молчите вы, для которых Италия не мать, а мачеха!». А когда они стали кричать еще громче, он сказал: «Неужели вы думаете, что я испугаюсь развязных людей, которых я отсылал в цепях на рынок невольников?». В тогдашние народные собрания, если они собирались не для голосования, а имели просто совещательный характер (*contiones*), допускались не только римские граждане, но и отпущенные, и рабы, и всякий другой народ, составляющий уличную чернь. Сципион спокойно удалился из собрания, почтительно провожаемый до дома сенаторами и толпой граждан и латинян. Он пошел к себе в спальню, чтобы ночью написать речь, которую он хотел произнести на следующий день. На другое утро его нашли в постели мертвым, без ран, но с признаками удушения.

В это утро множество народа собралось на форуме и ждало появления Сципиона; вдруг в сильнейшем волнении прибежал Метелл Македонский, противник Сципиона в сенате, и воскликнул: «Стены нашего города пали! Сципион Африканский умерщвлен во время сна в своем доме!». Общее смущение овладело народом. Кто был убийца? – этого не знали и не знают до сих пор.

Сципион Африканский умер в 129 году до н.э.; это был один из величайших и благороднейших людей своего времени, последний потомок победителя при Заме. «История Рима знает несколько личностей гениальнее Сципиона Эмилиана, но не знает ни одной, которая бы могла сравняться с ним по нравственной чистоте, по совершенному отсутствию политического эгоизма и по благороднейшей любви к отечеству» (Моммзен).

Плутарх о Сципионе Младшем

1. Сципион Младший, говорят, за 54 года своей жизни ничего не купил, ничего не продал и ничего не накопил в доме; и после него осталось только 33 фунта серебра и 2 фунта золота, и это после того, как он победил Карфаген и дал своим воинам такую добычу, как никакой другой полководец.

2. Соблюдая совет Полибия, он всегда старался уходить с форума не иначе, как оказав услугу или заведя себе нового друга.

3. Еще в молодости он был так знаменит умом и мужеством, что Катон Старший сказал однажды на вопрос об участниках карфагенской войны, среди которых был и Сципион: «Он лишь с умом; все другие безумными теньями веют».

4. Когда он приехал из похода в Рим искать консульства, то был избран не просто как угодный притязатель, а как скорый и верный победитель Карфагена.

5. Когда он взял городскую стену, а карфагеняне отбивались из своего акрополя, он узнал, что полоса моря между ними неглубока. Полибий посоветовал ему насыпать туда железных колючек или вбить острых крючьев, чтобы неприятели, переправившись, не ударили на насыпь. «Не смешно ли, – сказал Сципион, – взявши стены и войдя в город, избегать еще схваток с врагом?».

6. Овладев городом, он обнаружил в нем множество эллинских статуй и разных приношений из сицилийских храмов; тогда он объявил разрешение сицилийцам, какие с ним были, опознавать свое добро и увозить на родину.

7. Ни рабам своим, ни вольноотпущенникам он не позволял ни брать, ни даже покупать ничего из добычи, между тем как все остальные брали и уносили, кто что мог.

8. Гай Лелий, ближайший из его друзей, искал консульства, и Сципион, желая ему помочь, спросил Помпея, не ищет ли консульства и он; а Помпей этот, по слухам, был сыном флейтиста. Он говорил, что не ищет и сам готов помочь Лелию, обходя с ним и приветствуя избирателей; но когда они поверили и доверились ему, то он их обманул – скоро они узнали, что он ходит по форуму и выставляется напоказ только для собственной выгоды. Все негодовали, но Сципион только рассмеялся: «Дураки мы, – сказал он, – что столько ждали помощи от флейтиста, словно должны были обращаться не к людям, а к богам».

9. Аппий Клавдий, соперничая с ним за цензорство, похвалялся, что сам он каждого римского гражданина приветствует по имени, а Сципион не знает почти никого. «Ты прав, – сказал Сципион, – я старался не о том, чтобы всех знать, а о том, чтобы меня все знали».

10. Так как тогда шла война с кельтиберами, он предложил отправить их обоих к войску легатами или войсковыми трибунами и чтобы сами воины были свидетелями и судьями доблести каждого.

11. Сделавшись цензором, он разжаловал одного юношу из всадников за то, что во время карфагенской войны тот устроил богатый пир, подал к столу медовый пирог в виде города, объявил, что это Карфаген, и предложил наброситься на него и уничтожить. А когда юноша спросил, за что его разжалуют, Сципион ответил: «За то, что ты взял Карфаген раньше меня».

12. Когда проверку проходил Гай Лициний, Сципион сказал: «Я знаю, что он клятвopреступник, но обвинителей против него нет, а я не могу быть и обвинителем и судьей сразу».

13. Сенат в третий раз отправил его объехать народы, города и царства, чтобы посмотреть, как выразился Клитомах: «Кто из людей беззаконствует, кто наблюдает в них правду». Он приехал в Александрию, сошел с корабля и пошел по городу, накинув плащ на голову, а александрийцы бежали следом и просили открыться – им хотелось увидеть его лицо; он открыл лицо, и они приветствовали его криком и рукоплесканием. Царь с трудом мог поспевать за ним на ходу, потому что был ленив и изнежен; и Сципион шепнул на ухо Панэтию: «Вот какую услугу оказали мы александрийцам нашей поездкой: дали им посмотреть, как их царь пешком ходит!».

14. Этот философ Панэтий ездил при нем как друг, и еще с ним было пятеро рабов; а когда один из них умер, то он не пожелал покупать нового на чужбине и выписал другого из Рима.

15. Когда была война с нумантийцами и казалось, что победить их невозможно, – столькоих они

уже разбили полководцев, – то народ избрал против них консулом Сципиона во второй раз. Он начал большой воинский набор, но сенат это запретил, чтобы не обезлюдела Италия, и даже денег из казенного запаса ему не предоставил, а назначил для нужд войны только пошлины, которые были еще не собраны. Сципион объявил, что в деньгах он не нуждается, – ему хватит и того, что есть у него и его друзей, – но очень был сердит на отказ в воинах: «Тяжела война с врагом, одерживающим столько побед, потому что идти надо, во-первых, на таких храбрых, а во-вторых, с такими робкими».

16. В лагере он застал беспорядок, распущенность, вольготную жизнь и суеверный страх. Прежде всего он выгнал всех гадателей, жертвоприслужников и сводников; потом приказал, чтобы в палатках не было никакой утвари, кроме горшка, вертела и глиняной чаши, а кто хочет иметь серебряные сосуды, то чтобы не свыше двух фунтов веса; запретил омовения, а умащающимся разрешил только самим растирать себя («только безрукая скотина, – говорил он, – нуждается в том, чтобы ее скребли другие»); завтракать приказал только стоя и только сырой пищей, обедать – на ложах, но только хлебом, похлебкою да мясом вареным или жареным; а сам ходил, закутавшись только в черный плащ, и говорил, что это его траур по бесчестию римского войска.

17. В обозе трибуна Меммия он нашел охлаждающие чаши с украшением из камней, работы Ферикла. «Мне и отечеству, – сказал он, – ты сделал себя бесполезным на месяц, а себе самому – на целую жизнь».

18. Кто-то другой показал ему щит с прекрасной отделкой. «Отличный щит, мальчик, – сказал

Сципион, – только римлянину больше пристало полагаться не на то, что в левой руке, а на то, что в правой».

19. Воин, таскавший колья для вала, жаловался, что ему тяжело. «Конечно, – отвечал ему Сципион, – потому что ты больше полагаешься на этот кол, чем на собственный меч».

20. Заметив неразумное поведение врагов, он сказал: «Время работает на нас: хороший полководец, как хороший врач, берется за клинок лишь в крайней надобности». И, выждав удобное время, он ударил на нумантийцев и обратил их в бегство.

21. Нумантийские старейшины укоряли разбитых, что они побежали перед теми, кого столько раз побеждали; кто-то им на это ответил: «Бараны перед нами те же, да пастух другой».

22. Взявши Нумантию и отпраздновавши второй триумф, он вступил в распрю с Гаем Гракхом о правах сената и союзников. Народ, недовольный, встретил его на трибуне шумом. Он сказал: «Меня не пугал даже шум военного лагеря и уж подавно не испугают крики тех, кому Италия не мать, а мачеха».

23. Приверженцы Гая кричали: «Смерть тирану!». Сципион сказал: «Правильно, что кто встает войной на отечество, тот хочет моей смерти, – ибо ни Риму пасть, пока стоит Сципион, ни Сципиону жить, когда Рим падет».

Содержание

Часть 1

ОТЕЦ И ДЯДЯ СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО	6
--	----------

Часть 2

ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ – ПОБЕДИТЕЛЬ ГАННИБАЛА	80
---	-----------

Часть 3

ПЛОДЫ СЛАВЫ	197
--------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЕ	233
-------------------------	------------

<i>Античные авторы о Сципионе Африканском ...</i>	<i>233</i>
---	------------

Тит Ливий. «История Рима от основания города»	233
--	-----

Полибий. «Всеобщая история»	233
-----------------------------------	-----

Плутарх. «Моралии»	238
--------------------------	-----

Полиэн. «Стратегемы»	239
----------------------------	-----

<i>Г.В. Штоль</i>	<i>241</i>
-------------------------	------------

Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший	241
--	-----

<i>Плутарх о Сципионе Младшем</i>	<i>266</i>
---	------------

Научно-популярное издание

Тимахович Юрий Николаевич

СЦИПИОНЫ

Знаменитые полководцы Рима

Ответственный за выпуск, главный редактор
А.П. Астахов

Подписано в печать с оригинал-макета 10.12.2004. Формат 84x108/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28. Тираж 5 100 экз. Заказ 3257.

Издательство «Современное слово»,
лицензия ЛИ № 02330/0133297 от 30.04.2004 г.
220012, г. Минск, ул Толбухина – 4, комн. 21.

Тел./факс в Минске (017) 242-07-52, 280-34-39;
в Москве (095) 171-28-13, 170-06-50.

При участии ООО «Харвест»,
лицензия ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
220040, г. Минск, ул. Кульман, д.1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати». 220013, г. Минск, проспект Ф.Скорины, 79.

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

ISBN 985-443-492-3

9 789854 434926 >

